

При царскомъ режимѣ

Генерала А. И. Спиридовича

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1884 — 1891 г. г. — Нижегородскій графа Аракчеева Кадетскій Корпусъ. — Первые дни. — Организациа. — Директоръ генераль Завадскій. — Воспитатели. — Поручикъ Нестеровъ. — „Аркашка“. — Подполковникъ Рафаловичъ. — Николай Александровичъ Долгорукій. — Неудачный педагогъ. — Бенефисъ. — Ученіе. — Иванъ Петровичъ Долбня и его система. — Законовѣдніе и прокуроръ Безе. — Литература. — Физическое воспитаніе. — Музыка, пѣніе и танцы. — Отношеніе къ женщинѣ. — „Конкордія“ и „самокаты“.

Въ Нижнемъ Новгородѣ, высоко надъ Волгой, почти въ центрѣ стараго Кремля съ его древними кирпичными покрытыми мохомъ стѣнами и башнями, раскинулось покоемъ буро-красное зданіе Аракчеевскаго кадетскаго корпуса. Фасадъ корпуса выходитъ на Кремлевскую площадь, съ кафедральнымъ соборомъ, корпусною церковью и казенными зданіями, одно крыло смотритъ на свой садикъ-плацъ, другое же глядитъ съ высоты Кремля на убѣгающую въ даль Волгу, на разстилающуюся за ней безбрежную даль лѣсовъ и луговъ, на раскинувшіяся у слиянія ея съ Окой село Кунавино и ярмарку. Передъ окнами корпуса — Мининскій скверъ съ памятникомъ-обелискомъ гражданину Минину. У главнаго входа четыре мѣдныя на зеленыхъ деревянныхъ лафетахъ пушки эпохи Александра I-го, съ громадными гербами графа Аракчеева, съ его девизомъ: «безъ лести преданъ».

Корпусъ нашъ былъ основанъ на средства, завѣщанныя графомъ, и находился сперва въ Новгородѣ, откуда и перемѣщенъ въ Нижній Новгородъ.

Богатая Аракчеевская бібліотека, множество реликвій графа, его портреты, бюсты, массивная мѣдная кухонная посуда и тяжеловѣсное столовое серебро съ графскими гербами, — все это ежеминутно напоминало переступавшему порогъ корпуса, кому корпусъ обязанъ своимъ существованіемъ. Въ стѣнахъ этого, строгаго по виду зданія, какъ и въ другихъ кадетскихъ корпусахъ Царской Россіи, тысячи мальчиковъ, преимущественно дѣти военныхъ, подготовлялись къ будущей офицерской службѣ, получая воспитаніе въ духѣ вѣры христіанской и любви къ Царю и Родинѣ.

Съ трепетомъ я перешагнулъ его порогъ осенью 1884 года, явившись въ корпусъ, какъ выдержавшій вступительный экзаменъ.

Новая жизнь, не похожая на домашнюю, охватывала новичка, попадавшаго въ корпусъ. «Кто ты, откуда, кто твой отецъ?» — сыпались со всѣхъ сторонъ вопросы старичковъ. Шли оглядыванія, испытанія; давались щелчки, толчки, затрещины.

Плакать и жаловаться не полагалось. Отвѣтившій толчкомъ на толчокъ, ударомъ на ударъ, сразу приобрѣталъ уваженіе въ глазахъ кадетъ, хотя и получалъ трепку за подобную дерзость по отношенію старичка. Плаксы, рюмзы, «маменькины сынки» — вызывали насмѣшки, поддразниванія и различныя прозвища.

Но черезъ нѣсколько недѣль послѣ приѣма, разница между новичками и старыми кадетами сглаживалась, самое слово новичокъ — забывалось, и каждый классъ начиналъ новый учебный годъ, какъ маленькая семья, живущая своими правилами и обычаями.

Корпусъ имѣлъ семь классовъ, состоявшихъ каждый изъ двухъ параллельныхъ отдѣленій, и дѣлился на три возраста или роты. Первая рота или старшій возрастъ состояла изъ 7-го и 6-го классовъ и одного отдѣленія 5-го; второе отдѣленіе 5-го, четвертый и одно отдѣленіе 3-го класса, составляли 2-ю роту или средній возрастъ, остальные классы — третью роту или младшій возрастъ. Въ каждой ротѣ былъ свой ротный командиръ въ чинѣ штабъ-офицера, каждое отдѣленіе имѣло своего офицера воспитателя.

Ближе всего къ кадетамъ стояли воспитатели. Они были для кадетъ наставниками, руководителями и замѣняли имъ, какъ могли, близкихъ родныхъ. Въ то время педагогическихъ курсовъ для воспитателей еще не было. Воспитателями являлись простые изъ строя офицеры, большей частью сами прошедшіе черезъ кадетскій корпусъ, которые и преподавали дѣтямъ все то хорошее, чѣмъ жила и была крѣпка русская армія.

Подборъ воспитателей въ значительной степени зависѣлъ отъ Директора корпуса. Директоромъ же у насъ былъ генералъ Завадскій, изъ офицеровъ гвардейской артиллеріи, пажъ по воспитанію, академикъ, умный, образованный, добрый и хорошій человекъ. Хорошихъ подбиралъ онъ и воспитателей. Конечно, не всѣ они были опытные педагоги, не всѣ умѣли воспитывать, но всѣ они добросовѣстно старались это дѣлать, понимая, сколь великую роль исполняютъ они относительно русской арміи.

У насъ въ отдѣленіи воспитателемъ былъ сперва дослуживавшій послѣдній годъ своей службы, прежній воспитатель военной гимназіи, а затѣмъ поручикъ Нестеровъ, отецъ знаменитаго впослѣдствіи по мертвымъ петлямъ летчика. Ласковый, добрый, хотя и требовательный, онъ много занимался нами, помогалъ намъ учиться, входилъ въ наши нужды, слѣдилъ, чтобы мы аккуратно писали домой письма. Каждое воскресенье онъ бралъ къ себѣ поочередно въ отпускъ кадетъ, не имѣвшихъ въ Нижнемъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, и въ его скромной казенной квартиркѣ, за большимъ чайнымъ столомъ, находили мы теплый пріютъ его самого и его милой жены.

Всѣ кадеты очень любили Нестерова. Но онъ былъ боленъ чахоткой и умеръ доведя насъ только до 5-го класса. Мы очень жалѣли его и послѣ него уже никто не могъ замѣнить намъ нашего дорогого воспитателя.

Послѣ похоронъ, каждый изъ насъ, кадетъ его отдѣленія, получилъ отъ его жены фотографію покойнаго съ такою надписью:

«Дарю на память карточку искренно любившаго Васъ воспитателя. Лично же отъ души благодарю Васъ за Вашу любовь вообще и въ особенности за ваше вниманіе, оказанное ему во время болѣзни и доставившее ему много отраднхъ минутъ.

Л. Нестерова».

Былъ въ одномъ изъ классовъ младшей роты воспитатель подполковникъ Алферьевъ, котораго кадеты прозвали «Аркашкой». Онъ былъ очень строгъ и любимымъ его наказаніемъ воспитанниковъ было ударять ихъ по лбу обручальнымъ кольцомъ, иногда до синяковъ. Щелкалъ онъ сильно, но зато никто изъ воспитателей не помогалъ такъ своимъ кадетамъ учиться, какъ помогалъ «Аркашка». Онъ репетировалъ каждого малоуспѣшнаго; проходилъ съ классомъ всѣ трудные предметы и его классъ учился отлично и «Аркашку» любили, хотя передъ нимъ дрожали, хотя онъ и давалъ щелчки по лбу.

Въ другомъ классѣ былъ воспитателемъ подполковникъ Рафаловичъ. Высокій, близорукій, съ всклокоченной бородой брюнетъ съ грустными въ очкахъ глазами, всегда задумчивый и бѣдно одѣтый. Онъ велъ свое отдѣленіе какъ лучшій педагогъ. Не было того просвѣтительнаго учрежденія въ городѣ, которое онъ не показалъ-бы своимъ кадетамъ. Сколько экскурсій, прогулокъ сдѣлалъ онъ съ кадетами, сколько книгъ хорошихъ прочиталъ имъ, сколько хорошаго рассказывалъ онъ имъ изъ родной исторіи и про природу. Классъ былъ для него его жизнь, онъ проводилъ въ немъ все свое время. За неопрятную наружность кадеты прозвали его «шмулемъ». Рафаловичъ зналъ это и не обращалъ вниманія и дѣлалъ свое дѣло терпѣливо, настойчиво и съ любовью. И съ какой грустью раставались съ нимъ его кадеты послѣ семилѣтней совмѣстной жизни, съ какою благодарностью вспоминали они его совѣты уже позже, сдѣлавшись офицерами.

А кто изъ старыхъ Аракчеевцевъ не помнитъ подполковника Николая Александровича Долгорукаго, этого полнаго, съ большими опущенными усами, ласковаго, какъ отецъ родной, старика, который служилъ чуть-ли не съ основанія корпуса, былъ его живой хронологіей и дослуживалъ при насъ послѣдніе годы.

На его дежурствѣ въ младшей ротѣ дежурная комната всегда была набита кадетами. Онъ былъ облѣпленъ малышами, которые взлѣзали ему на колѣни, вынимали у него пашку изъ ножеца, трогали ордена, спрашивали, за что полученъ каждый крестъ, каждая медаль, и старикъ бесѣдовалъ съ кадетами какъ близкій родной человѣкъ. Приносившіяся ему изъ дому въ дежурную комнату къ чаю конфеты, варенье, печенье — мигомъ расхватывались и раздѣлялись кадетами. Его никто не звалъ иначе какъ Николай Александровичъ; титулъ «господинъ подполковникъ» къ нему не шелъ. Старшіе кадеты любили его не меньше маленькихъ, и у нихъ къ этой любви примѣшивалось уже и чувство уваженія къ почтенному дивной души человѣку.

Были, конечно, и недалекіе воспитатели, но они какъ-то быстро испарялись. Одинъ штабсъ-капитанъ саперъ, назначенный къ намъ въ отдѣленіе послѣ смерти Нестерова, додумался читать намъ вслухъ «Бурсу» Помяловскаго. Мы веселились отъ души, слушая чтеніе, но послѣ ухода воспитателя продѣлывали въ классѣ на практикѣ все, что продѣлывали бурсаки и до чего сами мы не доходили. Мы репетировали «лимоны» маленькіе и большіе, дѣлали «смази всеобщія», «вѣшали соль», продѣлывали и многое другое. Но этотъ воспитатель, хотя и съ ученымъ кантомъ, являлся печальнымъ исключеніемъ и вскорѣ оставилъ корпусъ. Время его воспитательства осталось у насъ въ памяти какимъ-то сумбурнымъ. Его подлаживанія къ намъ, скабрзные рассказы съ цѣлью понравиться, достигали обратныхъ результатовъ. Мы не любили его, мы понимали, что онъ дѣлаетъ многое, чего не долженъ былъ дѣлать.

Нѣкоторыхъ особенно нелюбимыхъ воспитателей иногда «проучали», что случалось, впрочемъ, очень рѣдко. Такъ, когда мы были въ старшей ротѣ, былъ тамъ въ выпускномъ классѣ подполковникъ С. Онъ не ладилъ съ кадетами, дѣлалъ часто

гадости, и его настолько не любили, что рѣшились однажды проучить всей ротой. Было рѣшено, что на дежурствѣ С. рота не отвѣтитъ ему утромъ на его привѣтствіе. Распоряженіе шло отъ старшаго класса и было обязательно для всѣхъ.

И вотъ, когда онъ, выйдя къ ротѣ утромъ, обратился: «здравствуйте господа» — ему отвѣтили могильнымъ молчаніемъ. Три раза повторилъ С. привѣтствіе и три раза рота молчала. Скандалъ былъ колоссальный. Старшій классъ пострадалъ очень сильно: нѣсколько человѣкъ было исключено. Случай этотъ, конечно, не могъ не отразиться на службѣ того воспитателя; его перевели въ младшую роту.

Научное образованіе въ корпусѣ было поставлено основательно. Преподаватели относились къ дѣлу добросовѣстно, учили хорошо, провѣряли знанія строго, и въ результатѣ, кадеты пріобрѣтали дѣйствительныя познанія въ предѣлахъ программы. Слабѣе другихъ предметовъ были поставлены языки. Учили кадетъ французскому и нѣмецкому, но учили шаблонно: заучивали слова, проходили грамматику, но говорить на иностранныхъ языкахъ не выучивались, кто-же поступалъ въ корпусъ, владѣя этими языками, тотъ уходилъ изъ корпуса, разучившись говорить на нихъ.

Былъ между нашими преподавателями одинъ небезынтересный типъ, немного «красный», какъ говорили тогда, котораго мы звали «Иванъ Петровъ». Тучный, здоровый, съ полнымъ бритымъ лицомъ, медленной походкой и громкимъ голосомъ, онъ преподавалъ физику и космографію.

Онъ любилъ острить съ кадетами надъ начальствующимъ персоналомъ, рассказывалъ на урокахъ, что происходило на педагогическихъ комитетахъ, кто изъ воспитателей подавалъ голосъ противъ кадетъ, кто за и т. д. Разговаривая съ классомъ, онъ часто не слушалъ, какую чушь несъ отвѣчавшій у классной доски кадетъ, и обращалъ на него вниманіе только тогда, когда тотъ, добравшись до конца выкрикивалъ: «что и требовалось доказать», и ударялъ крѣпко мѣломъ по доскѣ. Иванъ Петровъ тогда оглядывался, смотрѣлъ въ упоръ на отвѣчавшаго и медленно произносилъ «ступай, садись», и ставилъ хорошій балъ, причемъ, ставя, говорилъ, какъ бы про себя — «болваны».

Въ одинъ изъ подобныхъ отвѣтовъ, когда Иванъ Петровъ былъ особенно въ ударѣ и, разговаривая и смѣясь съ кадетами, уже совершенно не слушалъ, что отвѣчалъ вызванный, послѣдній такъ громко выкрикнулъ заключительную фразу и такъ сильно хлопнулъ мѣломъ, что Иванъ Петровъ вздрогнулъ.

Молча повернулся онъ къ кадету, долго и пристально смотрѣлъ на него среди всеобщей тишины и наконецъ отчеканилъ: — «ослу, скотинѣ превеликой, отъ Бога данъ былъ голосъ дикій. Ступай, садись, болванъ, одиннадцать балловъ».

Фуроръ былъ полный.

Иванъ Петровъ ввелъ у насъ «пятки». Такъ назвалъ онъ послѣднія пять минутъ урока, объяснивъ, что у японцевъ есть обычай сидѣть нѣкоторое время на пяткахъ ничего не дѣлая. И вотъ онъ устанавливаетъ такіе-же пять минутъ ничего-недѣланія или «пятки», въ теченіе которыхъ онъ будетъ говорить о чемъ угодно, но только не объ урокъ.

«Пятки» выполнялись свято и были спасительны, когда былъ спросъ, урокъ-же былъ трудный, Иванъ Петровъ не въ духѣ и рѣзалъ одного за другимъ, ставя единицы. Мы съ нетерпѣніемъ смотрѣли на часы и когда приближались послѣднія пять минутъ, со всѣхъ сторонъ раздавалось: «пятки, пятки». Иванъ Петровъ обводилъ классъ злымъ взглядомъ и говорилъ: «Негодяишки, дождались таки пятокъ».

Спросъ прекращался, Иванъ Петровъ усаживался поверхъ чьей нибудь парты и начиналъ разговоры.

Многое изъ тѣхъ разговоровъ было понято нами только позже; многого онъ не долженъ былъ говорить, но въ общемъ мы его любили. Начальство внимательно относилось къ урокамъ этого учителя и нерѣдко во время ихъ, въ окошкѣ классной двери, появлялась фигура директора.

Уже послѣ нашего выпуска Иванъ Петровъ перешелъ въ Петербургъ и сдѣлался директоромъ горнаго института и во время первой революціи велъ себя какъ-то неважно, двусмысленно. Его фамилія — Долбня.

Незадолго до нашего выпуска ввели новый предметъ — законовѣдѣніе и поручили его преподаваніе офицеру, окончившему военно-юридическую академію. Сухой, непривѣтливый подполковникъ морилъ кадетъ. Предметъ успѣха не имѣлъ, кадеты учились плохо и проклинали и законовѣдѣніе, и учителя. Директоръ рѣшилъ поправить дѣло и, когда мы перешли въ седьмой классъ, законовѣдѣніе намъ сталъ читать гражданскій прокуроръ Безе.

Безе читалъ съ захватывающимъ интересомъ. Затаивъ дыханіе, слушали мы рассказы изъ его служебной практики. Сухой учебникъ былъ забытъ, учились со словъ, двое изъ насъ вели записки. Результаты превзошли ожиданія: кадеты усвоили курсъ отлично и экзамены прошли блестяще. Безе торжествовалъ, расхваливая кадетъ въ городѣ, мы-же восхищались прокуроромъ, сдѣлавшимъ законовѣдѣніе нашимъ любимымъ предметомъ.

Насъ приучали любить родную литературу, любить чтеніе. Каждая рота и лазаретъ имѣли свою бібліотеку, а для учительскаго персонала имѣлась фундаментальная бібліотека, откуда можно было получать книги и воспитанникамъ старшихъ классовъ. Кадеты читали много и охотно. Устраивались литературные вечера и спектакли, на которыхъ кадеты играли и «Ревизора», и «Женитьбу», и другія пьесы нашихъ классиковъ.

Физическое воспитаніе занимало видное мѣсто въ корпусѣ. Гимнастикой начинался и кончался день. Каждая рота въ строю продѣлывала гимнастическія упражненія въ теченіе получаса, и кромѣ того были отдѣльные уроки гимнастики по-ротно съ палками. Всюду въ ротахъ имѣлись гимнастическія машины и на перемѣнахъ между уроками, каждый старался пройти черезъ какую либо машину, особенно взобраться на мускулахъ по наклонной лѣстницѣ. Въ свободное время процвѣталъ своеобразный спортъ въ классахъ. Среди комнаты ставился столъ, на него переворачивался сорный ящикъ и начиналось прыганье какъ черезъ кобылу. Бывали мастера, которые перемахивали черезъ поставленную вдоль двухмѣстную парту, приставленный къ ней учительскій столъ и нагороженный на нихъ сорный ящикъ. Въ каждомъ классѣ было по нѣсколько паръ ганделей. Въ старшихъ классахъ для многихъ кадетъ не составляло труда поднять на мускулахъ одной рукой полтора пуда, а были кадеты, которые поднимали одной рукой даже и двухпудовую гирию. Для этихъ упражненій убѣгали обыкновенно съ плаца въ помѣщеніе, гдѣ развѣшивали привезенное для корпуса мясо.

Передъ сномъ, а также вставши, большинство умывалось холодной водой отъ пояса; спать подъ одной простыней безъ одѣяла, даже зимой, было въ большой модѣ и считалось шикомъ. Гуляли кадеты въ корпусѣ на плацу всегда въ однихъ мундирахъ, независимо отъ морозовъ. Въ сильные морозы сокращалось только время прогулокъ. Новички сначала плакали отъ непривычки, но ихъ заставляли двигаться, бѣгать и они вскорѣ привыкали. Особымъ геройствомъ считалось выскочить изъ бани въ снѣжный сугробъ, вывалиться быстро въ немъ и стремглавъ летѣть затѣмъ на полокъ, и сходило благополучно, дѣлалось это, конечно, потихоньку отъ наблюдавшаго въ банѣ служителя-дядьки.

Вѣнцомъ физическаго воспитанія являлось строевое ученіе, производившееся по всѣмъ правиламъ военныхъ уставовъ. Три старшихъ класса имѣли винтовки и продѣлывали полное уставное ротное ученіе. Нѣсколько разъ въ году корпусъ совершалъ по городу военныя прогулки съ оркестромъ музыки, что доставляло кадетамъ особенное удовольствіе. Каждый старался особенно молодецки пройти мимо того дома, гдѣ жили знакомые; а ужъ если въ окнѣ показывалась знакомая бѣлокурая головка, то восторгу не было конца. Въ день же корпуснаго праздника и въ Царскіе дни кадетамъ устраивались парады; изъ нихъ дѣйствительно готовили военныхъ.

На музыку и пѣніе у насъ обращали очень большое вниманіе. Имѣлся хорошій музыкальный классъ, гдѣ кадетъ учили игрѣ на всѣхъ духовыхъ и струнныхъ инструментахъ, на роялѣ-же можно было учиться, но только на собственный счетъ. Благодаря этому въ корпусѣ было два хорошихъ оркестра: духовой и струнный. Кадеты очень любили музыку и очень увлекались ею. Хорошо было поставлено и пѣніе. Кромѣ корпуснаго хора, пѣвшаго въ церкви, былъ хоръ въ каждой ротѣ, пѣлъ отдѣльно и каждый классъ.

Уроки музыки и пѣнія, а также упражненія на инструментахъ шли регулярно. Гулъ и трескъ стоялъ отъ этихъ упражненій на площадкахъ спаленъ, когда старались тамъ юные музыканты надъ своими партіями или школами, выдѣлывая разныя рулады и всякія эсъ-та, та-та, та-та, та-та. Периодически устраивались корпусные концерты, что являлось извѣстнаго рода событіемъ въ городѣ, и на нихъ приглашались всѣ знакомые, присутствовалъ и губернаторъ.

Ради поощренія, музыкантовъ и пѣвчихъ водили въ театры и концерты, имъ давали лишній часъ отпуска и два раза въ недѣлю имъ выдавали отдѣльно такъ называемую пѣвческую порцію, состоящую изъ кружки молока и булки. Музыкальнымъ образованіемъ руководилъ подполковникъ Де-Лятуръ, красавецъ брюнетъ, обладавшій чуднымъ баритономъ, сводившимъ съ ума мѣстныхъ дамъ. Мы его считали конечно идеаломъ.

Кадетъ учили и танцевать, но настоящая выучка всякихъ мазурокъ, венгерокъ и вѣнскихъ вальсовъ происходила не при учителѣ танцевъ, а въ классахъ, за классными досками. Особенно любили откалывать тамъ мазурку, но такъ легко, чтобы слышно не было и только на поворотѣ ударяли каблуками. Какъ горевали мы тогда, что намъ не хватало шпоръ. Для кадетъ устраивались и балы, которыхъ очень ждало всегда мѣстное дамское общество и особенно мѣстныя институтки.

Къ женщинѣ внушалось рыцарски военное отношеніе. Въ отпуску на каникулахъ, начинались невинныя ухаживанія, переходившія у нѣкоторыхъ въ серьезные чувства и кончавшіяся впоследствии браками. Погоны, форма, умѣнье хорошо танцевать, помогали кадетамъ у барышенъ. Кадеты очень симпатизировали институткамъ и сдержанно относились къ гимназисткамъ. Почему? Объяснить навѣрно никто не сможетъ.

Область половой сферы оставалась внѣ вниманія нашего начальства, кадетъ считали дѣтьми до 18-ти лѣтняго возраста и, какъ во многихъ семьяхъ, о взрослыхъ юношахъ думали, что они «ничего еще не знаютъ и ничего не понимаютъ». Между тѣмъ уже съ 4-го класса, многіе кадеты познавали женщину. Одни бѣгали въ отпускные дни на свиданіе къ разнымъ швеечкамъ и модисткамъ, другихъ прибирали къ рукамъ опытныя дамы общества, а нѣкоторые бывали даже и въ публичныхъ домахъ.

На одной изъ глухихъ улицъ Нижняго Новгорода пріютилось въ тѣ годы нѣкоторое учрежденіе — «Конкордія». Кто-то изъ кадетъ узналъ его первымъ, свелъ одного,

другого товарища и, вскорѣ, опытная хозяйка сумѣла сдѣлать свое учрежденіе крайнѣ популярнымъ и соблазнительнымъ для кадетъ. Барышни были молодыя, веселыя, брали пустяки, игралъ рояль, давали пиво. А главное — таинственность запрета, опасность предпріятія и молодечество. «Онъ былъ въ Конкордіи» — звучало серьезно.

Лѣтомъ-же, во время ярмарки, нѣкоторые храбрецы, переодѣвшись въ отпускъ въ статское платье, пробирались съ городскими товарищами въ самые сомнительныя ярмарочныя вертепы — «На самокаты», мѣсто, страшнѣе котораго по его мегерамъ трудно себѣ представить.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ путешествій по значнымъ мѣстамъ: таинственная бѣготня къ лазаретному фельдшеру, тщательно припрятываемые препараты, разные бальзамы, капли... а дальше — осторожныя походки, уклоненія отъ гимнастики, отъ строя и отъ танцевъ.

Между тѣмъ уже тогда имѣлась книжка знаменитаго профессора Тарновскаго — «Половая зрѣлость», составленная имъ по порученію Главнаго Управленія Военно-учебныхъ заведеній, для кадетскихъ корпусовъ, военныхъ и юнкерскихъ училищъ. Популярно и умно въ ней были изложены всѣ интересовавшіе кадетъ вопросы этой таинственной области. Знакомство съ нею спасло-бы многихъ отъ большихъ неприятностей, но книжки той намъ не давали. Насъ всѣхъ считали дѣтьми, хотя у многихъ изъ насъ уже пробивались усики и многіе горѣли по ночамъ сладкими снами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Внутренняя жизнь кадетъ. — Товарищество. — Старшіе. — Общество явнаго неповиновенія начальству. — Понятіе о чести и доблести. — Лишеніе погонъ. — Игры, занятія и разговоры. — Отношеніе къ Государю и Царской Семьѣ. — Врожденный монархизмъ. — Отпуски. — Попытки кружковщины. — Царскіе дни. — Рождество и Пасха. — Корпусный праздникъ. — Послѣдній годъ. — Производство въ вице-унтеръ-офицеры. — Выборъ училища. — Выпускной экзаменъ. — Попойка. — Послѣдніе лагеря. — Послѣдніе дни въ корпусъ. — Разставаніе. — Отъѣздъ въ училище. — Въ вагонѣ. — Пріѣздъ въ Петербургъ.

Параллельно съ официальнымъ воспитаніемъ шло саморазвитіе кадетъ въ ихъ внутренней кадетской жизни. Каждый классъ жилъ своею жизнью, своими интересами. Товарищество спаивало классъ. Можно было быть умнымъ или глупымъ, прилежнымъ или лѣнтяемъ, храбрымъ или трусоватымъ, но нельзя было быть плохимъ товарищемъ. Рѣшеніе класса являлось обязательнымъ для каждаго кадета. Рѣшено не отвѣчать какого либо предмета, и кого-бы ни вызвалъ учитель, хотя-бы перваго ученика, всѣ отказывались отвѣчать.

И учитель, и начальство знали въ чемъ дѣло: — классъ порѣшилъ, и это свято.

Въ самыхъ младшихъ классахъ новички пытались бывало прибѣгать подъ защиту начальства, ходили жаловаться на щипки, побои, но ихъ быстро отучали отъ этого. Нѣсколько потасовокъ, неразговариваніе класса въ теченіе нѣкотораго времени, и мальчикъ становился какъ и всѣ. Если случалось, что кто либо обижалъ зря менѣе сильнаго, классъ вступался и кто нибудь усмирялъ обидчика.

Бывало иногда что новички таскали потихоньку чужія вещи. Тогда ворешку разыскивали и, набросивши ему на-голову шинель, били его всѣмъ классомъ, что называлось «черезъ шинель», и воровство не повторялось. Отучали и отъ «тайнаго порока». Замѣтивъ, что кто либо изъ новичковъ приверженъ къ нему, классъ рѣшалъ дѣйствовать. Въ ближайшую-же ночь, когда дортуаръ засыпалъ, съ нѣсколь-

нихъ кроватей осторожно наблюдали, что дѣлаетъ любитель, а одинъ изъ кадетъ пробирался потихоньку подъ его кровать.

Замѣтивъ что либо подозрительное на кровати любителя, наблюдатели давали сигналъ: мгновенно стаскивалось съ любителя одѣяло и со всѣхъ сторонъ въ него летѣли сапоги. Одинъ, два такихъ сеанса, и новичекъ излѣчивался отъ ужаснаго порока.

Проучали и за не товарищескіе поступки. Въ наше время одинъ изъ старшихъ классовъ обвинилъ кадета Х. въ некрасивомъ, нетоварищескомъ поступкѣ и рѣшилъ прекратить съ нимъ всякія сношенія до разговоровъ включительно. Классъ какъ-бы не замѣчалъ Х.; его игнорировали, но при немъ не говорили. Благодаря старшему классу отъ Х. сторонилась и вся 1-я рота. Угрюмо, сжавъ губы, ходилъ онъ одинокій на переменахъ по залу, ушелъ въ себя, много читалъ, учился музыкѣ, ходилъ въ городъ. Подъ такимъ остракизмомъ прожилъ онъ болѣе года и уѣхалъ изъ корпуса въ училище отвергнутый товарищами и вскорѣ затѣмъ умеръ.

Наказаніе тяжкое, беспощадное, но таковы были взгляды кадетъ на товарищество. Крѣпкое товарищество основа военной семьи. Слова Суворова: «самъ погибай, а товарища выручай» — вѣдались въ молодые сердца неизгладимо съ корпуса на всю жизнь. О предательствѣ товарища нельзя было и думать.

Повиновеніе старшимъ кадетамъ было безпрекословное. Старшіе этимъ не злоупотребляли, но тяжелая рука самиклассника частенько опускалась на младшихъ по разнымъ поводамъ.

Однажды, нашъ пятый классъ второй роты потребовалъ у эконома прибавки кулебяки за завтракомъ и получилъ ее, чѣмъ отнялъ эту прибавку у седьмого класса. На слѣдующее-же утро 7-й классъ вызвалъ десять человекъ нашего класса на разборъ. Шелъ допросъ.

— Ты прибавки требовалъ?

— Требовалъ,

— Кулебяку ѣлъ?

— Ёлъ,

— Получай... слѣдовали удары. Избили всѣхъ десятерыхъ жестоко, и больше мы уже никогда не посягали на права и привилегіи седьмого класса.

Начальство знало про эти наши обычаи, но не вмѣшивалось въ нихъ. Они регулировали нашу общественную жизнь, служили хорошей цѣли, хотя иногда бывали и грубы. Вмѣшательство не приводило къ хорошимъ результатамъ, скорѣе наоборотъ, вредило кадетской жизни.

Когда нашъ выпускъ кончалъ корпусъ, по требованію изъ Петербурга прекратили безпрепятственное общеніе старшей роты съ младшей, и вліяніе старшихъ кадетъ на жизнь малышей прекратилось почти совершенно, и результаты получились слѣдующіе. Малыши стали продѣлывать много такого, чего не знало начальство, но что знали и могли устранить только кадеты своими средствами. Дошло до того, что въ младшей ротѣ образовалось «Общество явнаго неповиновенія начальству», въ задачу котораго входило, между прочимъ, курить открыто, не стѣсняясь присутствіемъ даже офицеровъ.

Члены общества курили, несмотря на неоднократныя наказанія, и дѣло приняло настолько обостренный оборотъ, что нѣсколько кадетъ были намѣчены къ увольненію, нѣкоторые къ переводу въ Вольскую прогимназію, служившую какъ-бы дисциплинарнымъ баталіономъ для кадетъ.

Нашъ директоръ, гуманный и разумный человекъ, рѣшилъ испытать послѣднее средство, а именно обратился къ братьямъ членовъ общества, которые были въ стар-

шемъ классѣ. Старшимъ предоставили доступъ въ младшую роту и свободу дѣйствій. Получивъ это разрѣшеніе, трое братьевъ семикласниковъ явились въ третью роту, потребовали у заговорщиковъ списокъ членовъ ихъ организаціи и такъ раздѣлались со всѣми ими, что общество перестало существовать въ тотъ-же день. Куреніе и всякія другія неповиновенія начальству были забыты; переводить и исключать изъ корпуса никого не пришлось. Таковъ былъ своеобразный укладъ кадетской жизни.

Кадеты щеголяли формой, гордились ею, особенно, развѣзжаясь на каникулы. Погоны были наша гордость. Лишиться погонъ считалось позоромъ. Это чисто военное понятіе о чести и гордости входило незамѣтно въ наши сердца съ того перваго дня, когда надѣвъ впервые свой мундиръ, кадетъ думалъ, что лучше и красивѣй его нѣтъ никого на свѣтѣ.

Высшимъ наказаніемъ въ корпусѣ считалось именно «лишеніе погонъ»; наказаніе, налагавшееся въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ.

Выстраивалась рота. Ротный командиръ читалъ приказъ по корпусу. Виновнаго вызывали передъ роту и ротный портной, по приказу ротнаго командира, срѣзаль погоны... Нехорошія то были минуты... жуткія...

Лишившійся погонъ ходилъ на лѣвомъ флангѣ роты или класса, на дистанціи десяти шаговъ. Въ столовой онъ сидѣлъ одинъ за столомъ. На немъ было позорное клеймо. То было самое ужасное для кадетъ наказаніе. Это научало ихъ цѣнить погоны. Этимъ наказаніемъ не злоупотребляли и въ томъ была его моральная сила.

Болѣе слабыми наказаніями были: лишеніе отпуска, наряды на дежурство и карцеръ. Тѣлесное наказаніе не практиковалось въ корпусѣ никогда.

Понятіемъ воинской чести и доблести были проникнуты и игры кадетъ, изъ которыхъ самыми любимыми были: казаки-разбойники, набѣги на Кремлевскія стѣны, походы въ старыя башни кремлевскія за разными манерками и всякимъ старымъ оружіемъ, лазанія въ подземный ходъ, что шелъ по преданіямъ подъ самую Волгу, и тому подобныя предпріятія. Каждый мечталъ быть выбраннымъ атаманомъ или начальникомъ на какое либо изъ такихъ предпріятій.

Стойкость и вѣрность своимъ лучше всего выказывалась въ игрѣ «тянуться». Тянулись обычно два разныхъ класса. Занявъ двѣ противоположныя стороны зала, два лагеря схватывались руками и старались перетянуть одинъ другого на свою сторону. Отдѣльныхъ кадетъ, которыхъ отрывали отъ своего лагеря, оттаскивали въ тылъ, распластывали на полу и держа крѣпко руки, ноги и голову, начинали пытать, дабы принудить сдаться. Плѣннику сверлили кулаками виски, приговаривали «сдавайся»; сверлили до бѣлыхъ пятенъ, до ссадинъ кожи. Нужно было много терпѣнія, стойкости, выносливости и дѣтскаго самолюбія, чтобы, выдерживая неимоверную боль въ головѣ и зачастую съ невольными слезами на глазахъ, все-таки упрямо выкрикивать «не сдаюсь...» Такъ продолжалось, пока свои не прорывались въ тылъ на выручку, или игра не прекращалась почему либо.

Сдаться противнику считалось позоромъ и сдавшійся однажды много терялъ въ глазахъ товарищей, и ему въ подобныхъ играхъ уже не довѣряли.

Очень серьезно кадеты смотрѣли на данное кому либо честное слово. Оно являлось святымъ, разъ было дано съ подтвержденіемъ, что производится отъ чести, а не отъ чеснока. Таковъ былъ обычай.

Въ отпуску многіе играли въ оловянные солдатки. У нѣкоторыхъ ихъ бывало по нѣсколько сотенъ, съ крѣпостями, пушками, кораблями. Устраивались сраженія съ наградами побѣдителямъ. Неизмѣнный спутникъ воинской доблести — Георгіевскій крестъ уже тогда былъ мечтою у многихъ. На игрушечномъ знаменщикѣ

крѣпко вѣдалась въ сознание идея, что знамя — святыня; утратить его — позоръ; захватить-же непріятельское знамя — подвигъ.

Были и менѣе воинственные игры и занятія: играли въ шашки и шахматы, выпиливали, рисовали, клеили картонажи.

Разсказываніе анекдотовъ, особенно историческихъ про Петра Великаго, про Суворова, Императора Николая I-го, было любимѣйшимъ препровожденіемъ времени. Тогда-же говорилось безъ конца о разныхъ полкахъ и ихъ подвигахъ; спорили, какой полкъ лучше, какой старѣе.

Въ корпусѣ почти всѣ были дѣти простыхъ армейскихъ офицеровъ; офицеры гвардіи, какъ жившіе въ столицахъ, помѣщали своихъ дѣтей въ столичные корпуса, а потому и наши разсказы со словъ своихъ отцовъ, касались больше славныхъ армейскихъ полковъ. Но, конечно, любили говорить о гвардіи и ея подвигахъ. Гвардія рисовалась для насъ особенно красивой, почетной и въ ореолѣ славы. Мы знали, что многими гвардейскими частями командовали Высочайшія Особы.

О нихъ говорили мы съ особымъ любопытствомъ и серьезностью, это была семья Государя, а выше Его для насъ ничего не было. Къ Нему въ Петербургъ летѣли наши мечты. Какіе счастливики тѣ, кто около Него — не разъ говорили мы.

Никто не внушалъ намъ нарочито этихъ мыслей и чувствъ. Они приносились нами въ корпуса изъ нашихъ родныхъ семей, отъ нашихъ отцовъ и матерей; здѣсь-же они лишь глубже западали въ наши сердца и подъ вліяніемъ всего уклада корпусной жизни, созрѣвали подъ спокойнымъ взглядомъ смотрѣвшаго изъ золотыхъ рамъ могучаго Императора и принимали съ годами болѣе крѣпкія и сознательныя формы.

Мы безотчетно любили Государя, Государыню и Его Царскую семью, съ оттѣнкомъ нѣкоторой нѣжности къ юному Наслѣднику Николаю Александровичу. И когда въ 1886 году корпусъ посѣтилъ путешествовавшій по Волгѣ Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ супругой, кадеты встрѣчали ихъ съ необычайнымъ восторгомъ, энтузіазмомъ и любовью — то былъ братъ Государя.

Младшая рота была выстроена у себя въ помѣщеніи. Мы замерли по командѣ. Вошелъ Великій Князь съ Княгиней, за ними свита.

Высокій, красивый, статный, онъ только поздоровался съ нами своимъ бархатнымъ голосомъ; только прошелъ по строю, скользя большими прекрасными глазами, и сказалъ затѣмъ: «Прощайте дѣти!»

Это было все, но для насъ это было такъ много! Мы были зачарованы, какъ въ сказкѣ. Что-же бы было, если-бы къ намъ явился самъ Государь? Объ этомъ мы лишь мечтали и завидовали тѣмъ, кто учился въ столицѣ.

Хожденіе въ отпускъ являлось пріятнымъ развлеченіемъ, но у многихъ кадетъ не было въ Нижнемъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, и они ходили лишь по праздникамъ «въ городъ» на нѣсколько часовъ.

Благодаря отпускамъ, въ нашу однородную военную семью, вривалась иногда струя чуждая общему настроенію. То были попытки нѣкоторыхъ просвѣтителей подойти къ кадетамъ и вовлечь ихъ въ кружковщину.

Въ отпуску кадеты встрѣчались съ разными людьми и съ «красной» молодежью. И хотя въ глазахъ студентовъ и вообще невоеннаго общества кадетъ считали способными только къ пагистикѣ, танцамъ и ухаживаніямъ, тѣмъ не менѣе съ нами все-таки общались и не-военные люди.

Будучи въ пятомъ классѣ, одинъ изъ нашихъ одноклассниковъ, котораго я назову Z., подружился въ отпуску съ нѣсколькими молодыми людьми безъ определенныхъ занятій. Они собирались лѣтомъ въ какой-то полуразрушенной банѣ и

читали тамъ запрещенныя книжки. Z. рассказывалъ объ этомъ намъ иногда по секрету, но выходило какъ-то неясно, что они тамъ дѣлають и для чего. Мы стали замѣчать нѣкоторую перемену въ нашемъ товарищѣ. Намъ казалось, что онъ дѣлаетъ что-то нехорошее, опасное, и мы инстинктивно стали беспокоиться за него. Его же мы очень любили, т. к. онъ былъ очень хорошій товарищъ, отлично учился и многимъ помогалъ заниматься, и мы стали предостерегать его отъ его городскихъ товарищей и стали уговаривать бросить ихъ. Z. былъ вовлеченъ въ какой то кружокъ, но какъ юноша вдумчивый и сильнаго характера, не далъ сбить себя съ толку, перейдя же въ военное училище, онъ совсѣмъ оставилъ конспирацію, хорошо учился, вышелъ въ гвардію и сдѣлался хорошимъ офицеромъ.

Хуже было съ кадетомъ А., который былъ старше насъ, но въ седьмомъ классѣ мы догнали его. А. воспитывался въ Ярославской военной прогимназін и за отличное ученье былъ переведенъ въ нашъ корпусъ. Сперва онъ продолжалъ хорошо учиться и ему разрѣшили ходить въ отпускъ къ родителямъ одного изъ нашихъ же кадетъ.

Умный, интересный, сильный и хорошій музыкантъ, А. пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ, и его приглашали въ городъ на расхватъ. Вскорѣ познакомился онъ съ одной польской семьей, гдѣ была дочь — петербургская курсистка-фельдшерица и сынъ студентъ. Семья считалась передовой: Началось ухаживаніе, и параллельно занятія по самообразованію — совмѣстныя чтенія сперва легальныхъ, а затѣмъ и запрещенныхъ книгъ. Ученье у А. пошло скверно, съ товарищами онъ сталъ разговаривать немного свысока и какъ бы снисходительно. Съ особой таинственностью и важностью говорилъ онъ о Герценѣ и Лавровѣ, имена которыхъ не представляли для насъ въ то время никакого интереса, и какъ то разъ сталъ восхищаться Маркомъ Волоховымъ изъ гончаровскаго «Обрыва».

Этотъ романъ мы всѣ знали хорошо, Волохова мы считали просто мерзавцемъ и подлецомъ за то, что онъ обезчестилъ дѣвушку, и мы сцѣпились съ А. въ жаркомъ спорѣ. Съ того момента и самъ А. и его городская компанія низко упали въ нашихъ глазахъ. А. замкнулся отъ насъ, мы не интересовались его дѣлами и такъ разѣхались по училищамъ.

Въ Петербургѣ А. учился еще хуже, насилу пробрался въ офицеры, но скоро ушелъ изъ полка и, совершенно сбитый съ толку, женился на какой то революціонеркѣ. Онъ принималъ участіе въ событіяхъ 1905 года, затѣмъ сдѣлался нелегальнымъ, бѣжалъ, болтался эмигрантомъ по Швейцаріи и наконецъ пропалъ съ житейскаго горизонта. Примѣръ одного изъ тѣхъ несчастныхъ сбитыхъ съ пути революціонерами военныхъ, которые измѣняли честнымъ военнымъ завѣтамъ, перекрашивались въ революціонеровъ всякихъ партій, а затѣмъ... измѣняли и имъ. Измѣна предѣловъ не имѣетъ.

Кадеты очень любили праздники. Съ большой торжественностью праздновались дни именинъ и рожденія Государя Императора и другіе царскіе дни. Молобствія послѣ обѣдни, парадъ, десертъ за обѣдомъ, шоколадъ во время полдника и всеобщій отпускъ въ городъ даже штрафованныхъ, все это замѣтно отличало эти дни отъ другихъ праздниковъ. И если кадеты старшихъ классовъ въ эти дни болѣе сознательно чѣмъ когда либо обращались мысленно туда, гдѣ имѣлъ пребываніе Верховный Вождь, то малыши кадеты, поѣдая въ тотъ день сласти, ласковѣе чѣмъ всегда посматривали на красовавшіеся въ ротѣ Царскіе портреты.

Весело проходило Рождество. Въ классахъ устраивались елки, къ которымъ каждый классъ готовился задолго, стараясь поразить другихъ искусствомъ украшенія елки и убранствомъ класса. Кадетамъ раздавались подарки, конфеты. На

Рождествѣ чаще ходили въ театры, концерты и на вечера. Тогда же устраивался цѣлый годъ ожидаемый балъ въ женскомъ институтѣ, и нѣкоторыхъ изъ кадетъ водили туда; попасть въ число избранныхъ было мечтою очень многихъ.

Особенно торжественно встрѣчалась въ корпусѣ Святая Пасха. Весь Великій постъ носилъ характеръ, требуемый церковью. По средамъ и пятницамъ, всю первую, четвертую, седьмую и недѣлю говѣнья, кадеты постились; отпуска были рѣже, увеселеній никакихъ. Постъ являлся дѣйствительно лишеніемъ, и тѣмъ радостнѣе было Свѣтлое Христово Воскресенье.

Въ Великую Субботу кадетъ вводили въ спальни въ 7 часовъ вечера. Окна наглухо завѣшивались одѣялами.

Въ 11 часовъ ночи, корпусный военный оркестръ начиналъ играть въ спальнѣ первой роты «Зарю съ церемоніей», послѣ чего съ громовымъ маршемъ обходилъ всѣ спальни и возвращался въ старшую роту.

Въ новыхъ мундирахъ, нарядные, съ блестящими инструментами, торжественно, важно проходили музыканты. Гремѣлъ впереди турецкій барабанъ, рѣзали трубы, звенѣли мѣдныя тарелки. . . Врывалось нечто радостное, красивое, неопишное. Всклакивали заспавшіеся, ничего не понимавшіе спросонья кадеты; бѣжали за оркестромъ уже вставшіе. Всѣмъ было весело; необычайный восторгъ охватывалъ всѣхъ. Скорѣе, чѣмъ всегда, одѣвались кадеты, строились роты, и корпусъ шелъ на заутреню.

Церковь блестѣла огнями, кругомъ горѣли плошки, на площади пылали смоляныя бочки.

Призывный колокольный гулъ несясь съ кафедральнаго собора, ему вторилъ весь городъ. И вскорѣ радостное «Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ» объединяло всѣхъ насъ въ высокомъ порывѣ подъ сѣнью колыхавшихся хоругвей и склонявшихся со стѣнъ церкви старыхъ Николаевскихъ знаменъ корпуса.

Но самымъ большимъ днемъ въ жизни корпуса являлся корпусный праздникъ, справлявшійся 18-го марта. То было сочетаніе праздниковъ семейнаго, церковнаго и царскаго; день, когда кадеты, молясь своему патрону за преуспѣяніе роднаго корпуса и за свои нужды, молились и за своего Верховнаго Вождя.

Въ тотъ день, особою телеграммою, корпусъ повергалъ Его Величеству чувства горячей любви и преданности и готовился служить вѣрою и правдой Ему — Государю и Родинѣ. То была какъ бы ежегодная присяга Монарху отъ его малолѣтнихъ военно-подданныхъ.

Утромъ обѣдня, молебенъ, парадъ, а вечеромъ — балъ. Балъ, о которомъ мечтали цѣлый годъ не только кадеты, но и многія хорошенькія головки внѣ стѣнъ корпуса. . .

Балъ являлся единственнымъ днемъ, когда кадеты въ качествѣ хозяевъ могли отплатить радушіемъ и гостепріимствомъ всѣмъ тѣмъ своимъ близкимъ и знакомымъ, вниманіемъ которыхъ они пользовались бывая въ отпуску. Сколько бутоньерокъ съ цвѣтами и наивныхъ котильонныхъ подарковъ приберегалось тогда заботливо для своихъ симпатій. . . Сколько переживаній до, во-время и послѣ бала. . . Про то знали только кадеты, «она», да иногда не въ мѣру внимательная ея мамаша. . .

Въ тотъ день со всѣхъ сторонъ необъятной Россіи летѣли въ корпусъ поздравительныя телеграммы старыхъ Аракчеевцевъ. Служившіе въ Нижнемъ проводили тотъ день среди кадетъ. И нерѣдко можно было видѣть тогда, какъ дружно бесѣдовалъ убѣленный сѣдинами глубокой старикъ Аракчеевецъ съ маленькимъ кадетикомъ; блестѣла слеза на глазахъ старика, вспоминавшаго счастливые годы, а малышъ тянулся, стараясь быть особенно молодцеватымъ.

Наступилъ 1890-1891 учебный годъ. Мы въ старшемъ выпускномъ классѣ. Появились новыя обязанности: дежурства по ротѣ, по кухнѣ, прислуживаніе священнику въ церкви во время Богослуженія, чтеніе за обѣдной псалтыря.

Отношеніе къ намъ начальства стало болѣе серьезнымъ, со стороны младшихъ кадетъ — почтительное. Назначеніе вице-фельдфебеля и производство въ унтеръ-офицеры, что давалось за хорошее поведеніе и ученіе, выдѣлили изъ нашей среды группу товарищей — начальниковъ. Деликатное среди товарищей неравенство.

Въ числѣ другихъ, получилъ золотой галунъ на погоны и я; меня прсчзвели въ вице-унтеръ-офицеры. На меня, игравшаго уже въ оркестрахъ четыре года, было возложено также завѣдываніе музыкальнымъ классомъ; въ отсутствіе капельмейстера приходилось дирижировать оркестромъ и разучивать съ музыкантами пьесы.

Серьезнѣе сдѣлалось наше отношеніе къ занятіямъ, серьезнѣе велись разговоры о будущемъ. Въ свободное время все чаще и чаще бесѣдовали мы, кто въ какое училище выйдетъ. Въ разговорахъ выявлялось, кто къ какому роду войскъ имѣетъ больше склонности и симпатіи. Трое лучшихъ учениковъ могли быть приняты въ инженерное и артиллерійское училища, о чемъ они и мечтали; одинъ богатый кадетъ, сынъ кавалериста, выходилъ въ Николаевское Кавалерійское, всѣ остальные обсуждали пѣхотныя. Одинъ кадетъ, неудовлетворявшій по здоровью условіямъ военной службы, переходилъ въ Лѣсной институтъ.

О каждомъ училищѣ имѣлись свои подробныя свѣдѣнія. Александровское Училище въ Москвѣ — не строгое, даже распущенное, офицеры не подтягиваютъ, смотрятъ на многое сквозь пальцы, учиться не трудно, устраиваются хорошіе балы. Изъ двухъ пѣхотныхъ Петербургскихъ — Константиновское много легче Павловскаго. Отношеніе офицеровъ хорошее, похожее на корпусное; расположено около Обуховскаго моста; прозвище — Обуховскія институтки. Павловское училище самое строгое: муштровка сильная, дисциплина страшная, солдатчина. Требуютъ строй и гимнастику. Зовутъ — Павлоны - солдафоны. Первая рота шефская — Рота Его Величества.

Десять человекъ, въ томъ числѣ и я, записались въ Павловское училище. Мы стали старательнѣй заниматься фронтомъ и гимнастикой.

Подшли выпускные экзамены и прошли благополучно, всѣ окончили корпусъ хорошо. Къ тому времени извѣстная въ Нижнемъ фотографія Дмитріева уже изготовила намъ группы и карточки. Мы обмѣнивались ими, подносили ихъ воспитателямъ и любимымъ учителямъ, дарили въ городѣ.

По традиціи окончаніе корпуса надо было справить попойкой. Зная это, отецъ кадета нашего выпуска Кулябки, добрый и хорошій старикъ, знавшій жизнь, любившій и понимавшій молодежь, уговорилъ насъ справить выпускъ не на сторонѣ гдѣ либо, а у него въ квартирѣ. Благодаря такой предусмотрительности добраго Кулябки, начальство не узнало о попойкѣ и она не имѣла для насъ никакихъ нежелательныхъ послѣдствій, за что мы были благодарны и нашему товарищу, и его отцу.

Вскорѣ послѣ этого, знаменательнаго дня, кадеты стали разъѣзжаться на каникулы, не уѣхавшіе же выступили въ лагерь, расположенный за городомъ, на высокомъ берегу Оки.

Грустно было остающимся кадетамъ смотрѣть на разъѣзжающихся товарищей. Въ эти моменты наши офицеры воспитатели, сами переживавшіе когда-то подобное же душевное настроеніе, становились къ намъ ближе, ласковѣй, и это сглаживало нашу грусть и примиряло насъ съ нашимъ положеніемъ.

Вскорѣ различныя лѣтнія развлеченія: купанья, экскурсіи, вечернія прогулки по рѣкѣ съ пѣснями на большихъ корпусныхъ лодкахъ, захватывали кадетъ. Каде-

ты хорошо гребли, хорошо и пѣли. Родная каждому русскому — «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью»... да меланхоличная: — «Внизъ по Волгѣ рѣкѣ съ Нижняго Новгорода снаряженъ стружекъ какъ стрѣла летить»... — были нашими любимыми пѣснями.

Быстро промелькнуло послѣднее лѣто, и незамѣтно подкрался холодный августъ. Перебрались въ корпусъ кадеты изъ лагеря, возвратились отпускные, приѣхалъ и нашъ классъ, чтобы окончить послѣдніе расчеты съ корпусомъ, и разъѣхаться по училищамъ.

Сдано казенное имущество, окончены визиты и прощанія въ городѣ, распрощались съ остающимися кадетами. Вотъ и послѣдній день. Послѣдніе сборы, укладка. Отслуженъ напутственный молебенъ, попрощались съ начальствомъ. Смутное чувство на душѣ... Больно разставаться, но заманчиво впереди.

Мы спѣшимъ на вокзалъ, и вскорѣ поѣздъ унеситъ насъ къ давно жданнымъ, для большинства невиданнымъ еще столицамъ.

Прощай корпусъ, прощай Нижній, прощайте милыя институтки!

Устроившись въ вагонѣ, мы — Павловцы, тихо бесѣдуемъ о томъ, что ждетъ насъ въ училищѣ. У одного изъ насъ въ Петербургѣ замужняя сестра; мы будемъ ходить къ ней въ отпускъ... Но разговоръ не вяжется; хочется къ тѣмъ, съ кѣмъ растаемся. Идемъ къ нимъ. Увидимся ли и когда? Сговариваемся писать, не забывать другъ друга...

Утромъ въ Москвѣ мы разстались съ товарищами, вышедшими въ Александровское Училище, а слѣдующее туманное Петербургское утро разлучило и всѣхъ остальныхъ насъ, разбросавъ по разнымъ училищамъ столицы.

Кадетская семья распалась, но корпусная спайка крѣпка на вѣкъ, и гдѣ бы послѣ не встрѣчались два Аракчеевца, одного и того же класса и отдѣленія, ихъ тѣсно связываетъ общее имя, родное «ты» и старое товарищество.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1891 — 1893 годы. — Павловское Военное Училище. — Первые дни. — Присяга. — Рѣчь ротнаго командира. — Предупрежденіе относительно революціонеровъ. — Военное обученіе и образованіе. — Увлеченіе военнымъ дѣломъ. — Капитанъ Герцигъ. — Общеобразовательная наука. — Профессура. — Профессоръ Петровъ. — Комичный полковникъ. — Полковникъ Язвинъ. — Капитанъ Кондратьевъ. — Внутренняя жизнь. — Чайная. — Взаимоотношенія юнкеровъ. — Красносельскіе лагеря. — Высочайшія Особы. — На старшемъ курсѣ. — На Царскомъ парадѣ. — Высочайшій смотръ. — Послѣдніе лагеря. — Прелестная дѣвушка. — Разборка вакансій. — Производство въ офицеры.

Павловское Военное Училище помѣщалось въ Петербургѣ въ огромномъ зданіи на Большой Спасской улицѣ на Петербургской сторонѣ. — Напротивъ черезъ улицу былъ училищный манежъ, внутри же зданія большой учебный плацъ.

Въ военномъ отношеніи училище составляло четырехротный батальонъ со знаменемъ, обучавшійся по воинскимъ уставамъ; въ учебномъ же отношеніи, каждая рота дѣлилась на два курса, проходившіе отдѣльно свои программы общаго и военно-теоретическаго образованія. Курсъ училища былъ двухгодичный.

Атмосфера серьезности, дѣловитости, военщины въ лучшемъ смыслѣ слова, охватывала входившаго въ училище. Тамъ все было построено на мысли: выработать въ теченіе двухъ лѣтъ изъ бывшаго кадета образованнаго хорошаго пѣхотнаго офицера. Отсюда вытекалъ и весь режимъ училища съ его системой обученія и воспитанія.

Съ перваго же дня бывшихъ кадетъ выстраивали на плацу и начинали беспощадно гонять маршировкой подъ оркестръ музыки неизмовѣрно большимъ и скорымъ шагомъ. Мы изнемогали отъ непривычкі, особенно малые ростомъ, но на это не обращали вниманія. Тогда же учили отданію чести. То была первая муштровка, посредствомъ которой новымъ юнкерамъ сразу придавали военную выправку и молодцеватый видъ, что не трудно было сдѣлать съ кадетами и безъ чего училище не выпускало въ городъ своихъ юнкеровъ.

Насъ разбили на роты, приче́мъ я и еще два Аракчеевца попали въ первую роту, которая называлась ротой Его Величества.

Черезъ нѣсколько дней насъ привели къ присягѣ. На плацу построилось училище съ хоромъ музыки. Цвѣтникъ дамъ въ сторонѣ. Передъ строемъ аналой и знамя. Служатъ молебень. Стройно поетъ хоръ юнкеровъ. Странно намъ слышать въ новой обстановкѣ провозглашаемое дьякономъ Царское многолѣтіе. Вѣдь онъ — Государь, теперь недалеко отъ насъ, тамъ за Невой.

Наконецъ, наступаетъ торжественная минута: поднявъ руки мы повторяемъ за священникомъ слова присяги, а затѣмъ цѣлуемъ евангеліе, крестъ и знамя, скрѣпляя тѣмъ свою клятву служить вѣрой и правдой Государю и Родинѣ. Отны́нъ мы на дѣйствительной службѣ.

Въ тотъ же день нашъ ротный командиръ, поздравивъ насъ съ присягой, объявилъ намъ слѣдующее: — «Теперь, господа, когда Вы стали юнкерами, когда Вы приняли присягу, я долженъ сказать Вамъ нѣсколько словъ. Забудьте корпусъ, вы уже не дѣти, вы нижніе чины дѣйствительной службы, я же вашъ начальникъ ротный командиръ. Наши взаимныя отношенія опредѣляются воинскими уставами, что выданы Вамъ на руки. Учите ихъ, слѣдуйте имъ, и между нами не будетъ никакихъ недоразумѣній».

Это отношеніе къ намъ, какъ взрослымъ людямъ, очень льстило и нравилось намъ. Мы какъ бы выросли сразу, какъ бы сразу перестали быть дѣтьми.

Въ тотъ же день мы получили первое предупрежденіе относительно революціонеровъ. Каждому изъ насъ выдали памятную книжку Павловца, въ которой былъ помѣщенъ старый приказъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, касающійся революціонной пропаганды среди военныхъ.

Въ 80-хъ годахъ тогдашнимъ социалистамъ революціонерамъ удалось проникнуть въ военную среду и организовать въ Петербургѣ нѣсколько военныхъ кружковъ, куда были вовлечены и нѣсколько юнкеровъ Павловскаго училища. Дознаніе раскрыло всю организацію. Государь милостиво отнесся къ юнкерамъ и наказанія, которыя они заслужили, были значительно смягчены. Къ этому печальному для военныхъ эпизоду и относился приказъ, предостерегавшій юнкеровъ отъ революціонеровъ. Мы очень заинтересовались имъ и не разъ бесѣдовали затѣмъ о революціонерахъ и ихъ подходахъ къ военнымъ.

Для многихъ юнкеровъ это предостереженіе сослужило хорошую службу въ столицѣ, гдѣ неопытная молодежь часто наталкивалась на разнаго рода просвѣтителей и пропагандистовъ, для которыхъ военная среда была всегда очень заманчива.

Военное обученіе и образованіе были поставлены въ училищѣ образцово. Офицеры, хорошіе строевики, учили юнкеровъ основательно; про многихъ изъ нихъ ходили легенды, что они, ложась спать, кладутъ уставы подъ подушки. Требованія, предъявлявшіяся къ юнкерамъ были строги до педантизма: дисциплина и воинскій распорядокъ были доведены до совершенства. Военнымъ образованіемъ руководилъ

командиръ баталіона полковникъ Никоновъ, надъ всѣмъ же царилъ строгій взглядъ начальника училища генерала Клембовскаго.

Военно-теоретическіе предметы, какъ военная исторія, тактика и другіе, осмысливали строевое образованіе юнкеровъ, освѣщая примѣрами военной исторіи и искусства, сколь велико для арміи значеніе дисциплины и толковаго военнаго обученія.

Юнкерамъ внушалось, что главный методъ воспитанія нижнихъ чиновъ заключается въ гуманности и неприемлемости побоевъ, въ предпочтеніи показа разсказа.

Въ результатѣ мы увлекались военнымъ дѣломъ со всѣмъ пыломъ молодости. Мы старались довести строй, ружейные приемы и гимнастику до щегольства. Мпогіе передъ сномъ продѣлывали ружейные приемы и гимнастическія упражненія передъ громадными зеркалами, и это считалось вполнѣ нормальнымъ. Знаніе воинскихъ уставовъ на-зубокъ считалось шикомъ и доходило даже до ненужныхъ подробностей. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые знали, какой вѣсъ по закону должна имѣть офицерская перчатка или офицерскій нейзильберовый свистокъ.

Быть по одеждѣ, по выправкѣ и строю лучше другихъ училищъ, быть по стрѣльбѣ «выше отличнаго», ходить быстрѣй стрѣлковъ — считалось идеаломъ.

Параллельно шло ознакомленіе со всѣми новыми военными теченіями по литературѣ; юнкера увлекались модными и очень популярными тогда книжками Бутовскаго. Его «Воспитаніе и обученіе современнаго солдата» было настольной книжкой многихъ юнкеровъ старшаго курса; его «Наши солдаты» — читалась всѣми. По нимъ знакомились мы съ психологіей будущихъ подчиненныхъ, мы старательно готовились быть хорошими офицерами.

Примѣры блестящихъ строевыхъ офицеровъ были у насъ передъ глазами — это наши училищные офицеры. Два брата Герцигъ, Лелонгъ и Крашенинниковъ особенно цѣнились юнкерами. Позже, одинъ изъ братьевъ Герцигъ командовалъ полкомъ въ Феодосіи въ 1905 году, въ то время, когда туда пришелъ бродившій по Черному морю, подъ начальствомъ одного изъ одесскихъ товарищей, взбунтовавшійся «Потемкинъ Таврической». Городъ былъ въ паникѣ. Отцы города готовы были выполнить всѣ требованія бунтовщиковъ, но Герцигъ разсыпалъ одну изъ своихъ ротъ по берегу моря и, когда къ городу приблизилось высланное броненосцемъ судно, Герцигъ далъ по нему нѣсколько залповъ. Нѣсколько человекъ перекувырнулось въ море, и этого было достаточно: подошедшіе повернули обратно, и броненосецъ ушелъ, какъ оказалось позже, къ берегамъ Румыніи.

Общеобразовательныя науки преподавались лекціонно. Каждый курсъ былъ разбитъ на зачеты, сдававшіеся періодически. Эта система такъ не похожа на порочную кадетскую и очень нравилась юнкерамъ. Профессора были хорошіе, читали увлекательно, учиться было не трудно. Были между ними и очень интересныя личности. Такъ, симпатичный и обаятельный профессоръ Петровъ читалъ исторію русской литературы. Онъ былъ впоследствии преподавателемъ русскаго языка у Наслѣдника Алексѣя Николаевича. Всегда ровный, спокойный, красиво, но просто говорившій, онъ умѣлъ увлечь насъ красотами своего предмета.

Комиченъ былъ старый полковникъ Н—въ, читавшій механику. Онъ былъ помѣшанъ на сокращеніяхъ словъ при разговорѣ. По его произношенію функція была фія, уравненіе — уріе, треугольникъ — трикъ и т. д. Подобное произношеніе онъ требовалъ и отъ юнкеровъ. Приходилось много работать, чтобы привыкнуть къ этому тарбарскому языку, но ученый артиллеристъ былъ неумолимъ.

Знаменитостью являлся помощникъ инспектора классовъ, окончившій академію Генеральнаго Штаба, полковникъ Язвинъ, бывшій за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ

командиромъ роты Его Величества, гроза юнкеровъ. Красавецъ брюнетъ высокаго роста, съ орлинымъ взглядомъ, блестящій гвардеецъ, побѣдитель сердецъ, строевикъ, какихъ мало.

Про его командованіе ротою ходили легенды. Говорили, что когда онъ, сбходя строй, останавливался передъ какимъ либо юнкеромъ и, пронизывая его взглядомъ, начиналъ пристально смотрѣть въ упоръ — юнкеръ конфузился, терялся и краснѣлъ. Этого было достаточно.

— «Не юнкеръ, а красная дѣвица» — гремѣлъ Язвинъ и продолжалъ: — «Маршъ подъ арестъ».

Одинъ юнкеръ настолько панически боялся Язвина, что при одномъ слухѣ о приближеніи его къ помѣщенію роты, удиралъ въ уборную, лишь бы не попадется ему на глаза.

При Язвинѣ, рассказывали, рота Его Величества маршировала такъ, какъ никогда ни до, ни послѣ. Язвинъ преподавалъ топографію. Онъ никогда не ставилъ за ситуацію 12 балловъ, говоря, что «на 12 балловъ знаютъ только Богъ и Язвинъ».

Хороши были лекціи по военной исторіи капитана генеральнаго Штаба Кондратьева. Средняго роста, крѣпкій и сухощавый, съ бритымъ солдатскимъ лицомъ, съ большими усами, стриженный подъ гребенку, онъ начиналъ свою первую лекцію обыкновенно такъ:

«Вы собраны сюда не для того, чтобы казенными шароварами протирать казенныя скамейки. Надо заниматься. Трудомъ можно достигнуть всего. Когда я былъ въ училищѣ портупей-юнкеромъ, мой отецъ былъ фельдфебелемъ въ Лейбъ-гвардіи Павловскомъ полку... и т. д.»

Онъ завлекательно читалъ свой предметъ. Картины прошлаго русской арміи съ ея побѣдами красиво изображались лекторомъ, характеристики участниковъ событій были выпуклы, разборы кратки и убѣдительны. Все это волновало насъ и заставляло увлекаться прошлымъ нашей арміи, любить ее, видѣть въ ней залогъ благополучія нашей родины.

Наша внутренняя жизнь шла по новому. Мы были взрослые, надъ нами не было опеки. Наши права и обязанности ясны изъ уставовъ, правилъ и приказовъ, и это очень нравилось. Мы ходили въ отпускъ, имѣли право курить, бриться, имѣли свой клубъ — чайную, съ буфетомъ и лавочкой.

Чайная была общей для всѣхъ ротъ, и въ ней юнкера группировались по корпусамъ, имѣя каждый свой столъ. За тѣми столами, съ парюю чайниковъ, поддерживалась старая кадетская дружба. Тамъ за стаканомъ чая съ обязательнымъ лимономъ и тарелкой классическаго печенія, въ клубахъ папирознаго дыма, шли безконечныя воспоминанія о родныхъ корпусахъ; тамъ обмѣнивались полученными оттуда новостями, передавались извѣстія про однокашниковъ изъ другихъ училищъ. Тамъ обсуждались всѣ отпускныя походы, разрабатывались проекты, что дѣлать въ слѣдующій отпускъ и т. д.

Мы «макарьевцы», какъ называли насъ Аракчеевцевъ, по нашей Нижегородской ярмаркѣ, очень любили нашу чайную съ нашимъ столомъ и съ нашимъ погребцомъ, гдѣ хранилась посуда. Сколько связано съ ней воспоминаній!

Эта группировка по корпусамъ въ чайной военнаго училища укрѣпляла еще болѣе старую корпусную спайку и связывала училище еще болѣе съ корпусомъ въ единое цѣлое.

Отношенія младшаго курса со старшимъ отличались полной нормальностью и корректностью. Никакихъ обычаевъ, бывшихъ по самолюбію младшихъ, не существовало.

Портупей-юнкера и фельдфебеля являлись начальниками, хотя и изъ своей среды, и пользовались всѣми правами согласно устава. Не разъ бывало, что взводный портупей-юнкеръ налагалъ на юнкера взысканіе за неуборку во-время полотенца или за какую либо иную провинность, и это считалось въ порядкѣ вещей. Но тутъ происходило иногда слѣдующее. Ротный командиръ, узнавъ о такомъ взысканіи, просилъ портупей-юнкера отмѣнить его и уже самъ наказывалъ юнкера за тотъ самый проступокъ много строже, объясняя, что приказанія начальства изъ своей среды надо выполнять лучше и щепетильнѣй, чѣмъ какія либо другія. Пять сутокъ карцера въ такихъ случаяхъ были какъ бы таксой.

Вѣнцомъ военнаго образованія юнкеровъ являлись лагеря. Училище отбывало ихъ подъ Краснымъ Селомъ, входя въ составъ авангарднаго лагеря войскъ красносельскаго лагернаго сбора, главную часть котораго составляла Гвардія.

Юнкера видѣли тогда себя фактически въ составѣ Русской Арміи, въ однихъ рядахъ съ ея лучшими частями. Одна и та же служба, одно и то же военное поле, общее стрѣльбище, тѣ же караулы, общіе маневры и парады, а главное — одинъ и тотъ же строгій лагерный солдатскій режимъ — все это ставило юнкеровъ вполнѣ на одну доску съ нижними чинами той арміи, офицерами которой они стремились сдѣлаться. Лагери сближали юнкеровъ съ солдатами, сближали будущихъ армейскихъ офицеровъ съ гвардіей и знакомили ихъ въ дѣловой обстановкѣ съ Великими Князьями.

Мы не разъ видѣли Великаго Князя Владиміра Александровича, командовавшаго войсками гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа, на лагерномъ полѣ за его безконечными смотрами. Мы видѣли на немъ со своими частями Великаго Князя Николая Николаевича и много слышали про него, какъ про знатока кавалерійскаго дѣла; знали мы что Великій Князь Дмитрій Константиновичъ былъ образцовый командиръ полка и строевикъ, что принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій былъ строгъ и требователенъ до педантизма и вообще большой службистъ. Намъ было извѣстно, наконецъ, что Наслѣдникъ Николай Александровичъ проходитъ послѣдовательно службу во всѣхъ родахъ войскъ.

Мы видѣли воочію, что Царская семья — семья военная, любящая военное дѣло, что Великіе Князья не только веселятся, какъ часто мы слышали о томъ въ городѣ, но и работаютъ, какъ всѣ офицеры и генералы, и не только не уступаютъ имъ въ аккуратности и исполнительности, но зачастую превосходятъ ихъ.

Иногда во время ученія на военномъ полѣ появлялась гарцовавшая Великая Княгиня Марія Павловна. Присутствіе ея вносило потку поэзіи въ лагерную строевщину. Маленькіе Великіе Князья Борисъ и Андрей Владиміровичи — жившіе лѣтомъ въ Красномъ селѣ, своимъ внезапнымъ появленіемъ передъ гауптвахтой, не разъ заставляли вызывать имъ караулъ въ ружье, что имъ видимо очень нравилось. Дѣти — они были для насъ не ими. Это присутствіе въ лагеряхъ членовъ Императорскаго Дома, придавало лагерному сбору какой то особенный праздничный парадный характеръ.

Тяжелая будничная лагерная жизнь прерывалась различными лагерными событіями и торжествами. Тревога, съ ея спортомъ, какая часть придетъ скорѣе къ царскому валику; маневры съ заключительной атакой на живописныхъ Кавелахтскихъ высотахъ; съемки въ долинахъ Дудергофа, гдѣ жило много интересныхъ дачницъ, гдѣ юнкеровъ такъ гостепріимно поили чаемъ на верандахъ и куда пріѣзжалъ къ своимъ знакомымъ на тройкѣ даже самъ Наслѣдникъ; смотры, парады, нарядные спектакли въ Красносельскомъ театрѣ, наконецъ Высочайшій объѣздъ лагеря и заря съ церемоніей, описать которыя можетъ только поэтъ — все это создавало

ту прелесть, ту поэзію Красносельскаго лагернаго сбора, которая покрывала все будничное, тяжелое и заставляла помнить только одно свѣтлое, пріятное и красивое.

Красное село — это чудная заря нашей военной службы, наша военная романтика, наша первая любовь къ великой Русской арміи.

Незамѣтно прошелъ первый годъ училища и промелькнулъ второй. Мы были на старшемъ курсѣ. Нѣкоторые изъ насъ, а въ томъ числѣ и я, были произведены въ портупей-юнкера. Какъ портупей-юнкеръ роты Его Величества, я долженъ былъ христосоваться на Пасхѣ съ Государемъ. Мы ждали той Пасхи съ нетерпѣніемъ, но Государь уѣхалъ изъ Петербурга. Мы были въ горѣ. Не пріѣзжалъ Государь за наши два года и въ училище, и намъ посчастливилось его видѣть близко всего лишь два раза.

Первый разъ то было зимою въ 1891 году на парадѣ передъ Зимнимъ дворцомъ. Спозаранку приготавлились мы къ параду, обматывали ноги газетной бумагой, начищали сапоги, пуговицы и бляхи.

Наконецъ, мы на площади. Училище стоитъ на правомъ флангѣ парада, правымъ плечомъ ко дворцу, тыломъ къ Штабу гвардіи. Играютъ встрѣчу. Къ намъ приближается блестящая группа. Впереди могучая фигура Императора. Онъ какъ бы вросъ въ богатырскаго коня. Вотъ она мощь Россіи; вотъ она сама великая могучая Россія...

Царь въ нѣсколькихъ шагахъ. Его лучистый свѣтлый взглядъ смотритъ прямо въ глаза, даря неоцѣнимой лаской. Голова кружится отъ счастья. Мы слышимъ: — «Здравствуйте юнкера»!

Мы восторженно отвѣчаемъ и заливаемся раскатистымъ ура... несется — Боже Царя Храни... мы кричимъ, кричимъ въ дико восторженномъ экстазѣ, до потери голоса. Наше ура подхватывается слѣдующими частями и перекатывается волнами по всей площади. Звуки гимна несутся со всѣхъ сторонъ, все сливается въ одинъ сплошной могучій радостный гулъ... Неописуемый порывъ овладѣваетъ нами, мы готовы на все и прикажи намъ тогда Государь, что угодно, хотя бы броситься въ Неву — каждый исполнилъ бы то не задумавшись.

Второй разъ мы близко видѣли Государя въ Красномъ селѣ. Государь подѣхалъ къ училищу во время батальоннаго ученія на военномъ полѣ. Могучій, въ сюртукѣ при шарфѣ, въ фуражкѣ, съ Георгіемъ на шеѣ и въ аксельбантахъ, онъ медленно двигался на насъ. Баталіонъ замеръ...

Поздоровавшись, Его Величество произвелъ смотръ ученію, послѣ чего, поблагодаривъ баталіонъ и подѣхавъ къ нашей ротѣ, спросилъ: — «Гдѣ мой фельдфебель?»

Стрѣлой вылетѣлъ изъ-за роты фельдфебель роты Его Величества и, какъ вкопанный, застылъ передъ Государемъ. Государь поздоровался съ нимъ, спросилъ, есть ли у него родные, гдѣ живутъ, въ какой полкъ онъ выходитъ, и пожелалъ счастливой службы.

Это происходило въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Я впивался въ Государя глазами. Помню какъ сейчасъ тотъ шарфъ Государя. Онъ какъ бы врѣзался, ушелъ въ здоровые бока Императора, которые выпирало изъ подъ него. Казалось, вотъ здоровье непечатое, вотъ силища богатырская...

Отѣхавъ послѣ разговора съ фельдфебелемъ, Государь пожелалъ пропустить училище мимо себя съ пѣснями, и черезъ минуту баталіонъ лихо маршировалъ передъ Его Величествомъ подъ красивую пѣсню:

«Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ

Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ»...

Дрожало поле, какъ печаталъ батальонъ, проходя мимо Царя.

— «Спасибо, Павловцы!» — раздалось въ слѣдъ нашей ротѣ. Пѣсня вдругъ оборвалась, и восторженное: — «Рады стараться Ваше Императорское Величество» — понеслось къ Царю и раскатилось за предѣлы военнаго поля...

И снова грянула, еще болѣе восторженно, прерванная пѣсня:

— «За горами за долами
Ужъ гремѣлъ о нихъ разсказъ»...

Счастливые насъ Павловцевъ навѣрное въ тотъ день не было никого въ Красносельскомъ лагерѣ.

Послѣдніе лагеря проходили въ какомъ то утарѣ. Мы, выпускные ѣздили въ Петербургъ примѣрять изготовлявшуюся форму. Намъ отпускали на обмундированіе 225 рублей, и на нихъ надо было приобрести все, что слѣдовало имѣть офицеру до револьвера включительно. Своихъ средствъ у меня не было. Отецъ присылалъ мнѣ въ училище три рубля въ мѣсяцъ, т. к. больше онъ не могъ. Чтобы имѣть кое что, на отпускѣ приходилось заниматься чертежами, чѣмъ вырабатывалось ежемѣсячно до 25 рублей.хлопотъ было съ шитьемъ формы много. Къ тому же мы съ товарищемъ К. переживали увлеченіе очаровательной, славной красавицей дѣвушкой К. Р.

Въ концѣ лагеря происходила разборка вакансій въ пѣхоту, въ артиллерію. Это былъ важный для насъ день, опредѣлявшій для многихъ всю ихъ дальнѣйшую судьбу.

Въ тотъ годъ я потерялъ отца, который умеръ въ Вильнѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до моего производства, не увидѣвъ своего старшаго сына офицеромъ, о чемъ такъ долго мечталъ. Мнѣ не удалось быть и на его похоронахъ. Матушка съ двумя сестрами остались въ Вильнѣ, я рѣшилъ быть съ ними, и это опредѣлило мнѣ выборъ вакансій. Старшій портупей-юнкеръ, я выбралъ скромную вакансію въ квартировавшій въ Вильнѣ 105-й пѣхотный Оренбургскій полкъ. Въ тотъ же городъ вышелъ и Кулябко, рѣшившій не разстаться со мною.

4-го августа 1893 года въ Красномъ селѣ у Царскаго валика мы были произведены въ офицеры. Чудный, незабвенный день. Желанный приказъ за погоню. Накрапывалъ дождь, но намъ все кажется такимъ свѣтлымъ и радостнымъ. Батальонъ училища идетъ отъ валика въ лагерь. Черезъ два часа мы уже мчимся поѣздомъ въ Петербургъ, относимъ знамя и бросаемся переодѣваться въ офицерское платье. Въ головѣ стучить, на душѣ какой то сумбуръ восторга и счастья.

Впрочемъ, мы, вновь произведенные Аракчеевцы всѣхъ училищъ, обѣдаемъ у Донона. Большой отдѣльный кабинетъ. Столы ломаются отъ закусокъ и винъ. Пьемъ много, зря и быстро съ непривычки пьянемъ. Послѣ обѣда всей компаніей ѣдемъ въ какой то садъ, изъ него въ другой, третій и, наконецъ, попадаемъ въ Зоологію. Тамъ цѣлый содомъ отъ вновь произведенныхъ всѣхъ училищъ. Идетъ разливное море. Кто-то изъ молодыхъ офицеровъ лѣзетъ на сцену и дирижируетъ оркестромъ, другой жаритъ въ турецкій барабанъ; кто то атаковалъ статскаго и пытается надвинуть ему на глаза котелокъ. Вмѣшивается плацъ-адъютантъ и совѣтуетъ намъ уѣхать въ другое мѣсто. Наша компанія порѣдѣла: нѣкоторые нашли хорошихъ спутницъ, одинъ присталъ къ танцовщицѣ французенкѣ, насъ уже только трое...

Подъ утро мы очутились почему то съ Сѣверной гостиницѣ, потребовали опять вина и пришли въ себя лишь къ вечеру. Въ головѣ шумѣло, но на душѣ было легко: — мы офицеры.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1893 — 1899 г. г. — Вильна. — 105-й пѣхотный Оренбургскій полкъ. — Служба въ полку. — Отношеніе къ солдатамъ. — Польскій вопросъ. — Литовцы. — Еврейскій вопросъ. — Общество офицеровъ. — Прѣздъ Вел. Кн. Николая Николаевича и его разность. — Уходъ офицеровъ изъ полка. — Желаніе перевестись въ жандармы. — Условія перевода. — Предварительное испытаніе. — Тема: вліяніе реформы всесословной воинской повинности на развитіе грамотности въ народѣ. — Легенды о корпусѣ жандармовъ. — Вызовъ на жандармскіе курсы.

Оренбургскій пѣхотный полкъ стоялъ въ Вильнѣ. Вильно того времени — красивый оживленный городъ, военно-административный центръ Сѣверо-западнаго края, мѣстопробываніе генераль-губернатора и командующаго войсками округа, мало походилъ на обычную провинцію. Населеніе составляли русскіе, евреи, литовцы и поляки.

Нашъ полкъ, какъ и всѣ войска Виленскаго Военнаго Округа, учился серьезно. Округъ былъ пограничный съ Германіей, и близость врага давала отпечатокъ всей системѣ обученія и воспитанія войскъ округа.

Гарнизонъ города состоялъ изъ 27 пѣхотной дивизіи, въ которую входилъ первымъ нашъ полкъ, 4 саперныхъ батальона лейбъ-драгунскаго Псковскаго Ея Величества Императрицы Маріи Федоровны полка и большое число вспомогательныхъ войскъ.

Въ полку, отъ командира до младшаго ефрейтора, всѣ работали надъ своими подчиненными и особенно ротные командиры. Эти труженики, прослужившіе въ полку по 15—25 лѣтъ, не знали иной жизни кромѣ роты. Ихъ идеаломъ было получить въ концѣ тридцатилѣтней лямки батальонъ. Они отдавались службѣ всецѣло, подавая примѣръ подчиненнымъ и требуя того же отъ младшихъ офицеровъ, которые работали оченъ добросовѣстно.

Отношеніе къ солдатамъ было не только хорошее, но даже сердечное. Никакой розни между солдатами и офицерами не существовало. Офицеры являлись не только начальниками и инструкторами, но и близкими совѣтниками солдатъ. Писаніе младшими офицерами писемъ на родину подъ диктовку солдатъ являлось обычнымъ явленіемъ.

Солдатъ повѣрялъ офицеру свои нужды и часто секреты. Офицеръ зналъ каждаго подчиненнаго ему солдата настолько хорошо, что могъ дать не только его характеристику, но и рассказать его семейное положеніе, достатокъ семьи въ деревнѣ, всѣ злободневныя событія его жизни: урожаи, падежи скота, недоимки и т. д. Таковы были требованія начальства и они выполнялись строго.

Помимо обязательныхъ занятій офицеры много возились съ солдатами въ свободное время: читали имъ, показывали туманныя картины, пѣли, устраивали иногда спектакли.

Битья, какъ системы, не существовало. Были отдѣльные офицеры, которые по вспыльчивости прибѣгали иногда къ побоямъ, но это было настолько рѣдко и необычайно, что объ этомъ говорилъ весь полкъ. Чаще всего это случалось съ молодыми офицерами, которые скоро оставляли затѣмъ эти замашки. Битье солдатъ начальниками изъ нижнихъ чиновъ строго преслѣдовалось начальствомъ.

Вопросъ національностей по отношенію солдатъ не существовалъ: офицеры относились одинаково ко всѣмъ безъ различія вѣроисповѣданій, и занятіе привилегированныхъ мѣстъ ротныхъ писарей евреями являлось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ.

Вообще же національный вопросъ въ Вильнѣ былъ злободневнымъ явленіемъ. Главнымъ являлся польскій вопросъ. У насъ въ полку запрещалось говорить по польски; въ дивизіи преслѣдовались польскія бородки. Существовало процентное отношеніе офицеровъ поляковъ къ общему числу. Офицеры не принимались польскимъ обществомъ, за что оплачивали недружелюбіемъ къ полякамъ вообще.

Взаимная антипатія между русскими и поляками была очень сильна. Она вывилась съ особой силой тогда при постановкѣ и открытіи памятника усмирителю въ Литвѣ польскаго бунта генералу графу Муравьеву. Послѣдній, какъ извѣстно, принявшись за усмиреніе серьезно, покончилъ съ нимъ быстро и съ меньшими на Литвѣ жертвами, чѣмъ того достигъ въ Привислинскомъ краѣ болѣе гуманный, какъ говорили, графъ Бергъ.

Постановка памятника подняла старые споры. По городу ходили слухи, что поляки взорвутъ памятникъ. Однако, все обошлось благополучно. Правительство, щадя самолюбіе офицеровъ поляковъ распорядилось тогда не привлекать ихъ на торжество открытія, что и было исполнено.

Литовскаго вопроса въ то время какъ-бы не существовало. Всѣ литовцы съ нѣкоторой гордостью называли себя поляками, поляки-же Привислинскаго края не признавали за поляковъ не только литовцевъ, но и Виленскихъ поляковъ, говоря про нихъ: — «То какой онъ полякъ, онъ Виленскій!»

Польско-русская вражда не отражалась однако на отношеніяхъ офицеровъ къ офицерамъ полякамъ у себя въ полку: съ ними мы дружили отлично, служили они образцово и товарищами были хорошими.

Еврейскій вопросъ стоялъ во весь свой колоссальный ростъ, но не былъ такъ болѣзненъ, какъ польскій. Офицеры были окружены евреями: портной еврей, сапожникъ еврей, подрядчики и поставщики еврей, факторъ еврей, деньги въ долгъ даетъ еврей, всюду еврей, еврей и еврей, и многіе весьма симпатичные. И по отношенію ихъ офицеры были настроены доброжелательно.

Религіозная рознь существовала несомнѣнно, но тогда она не обострялась. Но передъ каждой Пасхой шли разговоры о томъ, что опять какая-то еврейка, гдѣ-то скрала, или пыталась скрасть, какого-то христіанскаго мальчика для надобностей своей Пасхи. Кто, гдѣ, что и какъ, никто не зналъ. И почти въ каждой офицерской семьѣ, гдѣ былъ ребенокъ мальчикъ, передъ Пасхой предупреждали деньщика, чтобы онъ лучше смотрѣлъ за ребенкомъ и одного его за ворота не выпускалъ; дѣтей воруютъ. Такъ говорили, такова была людская молва. Кѣмъ и чѣмъ она пыталась, насъ тогда не интересовало; городское населеніе этому вѣрило, вѣрили и мы офицеры, вѣрили и солдаты.

Общество офицеровъ въ полку было хорошее, дружное и товарищеское. Полковая библіотека съ читальней, завѣдываніе которой было возложено офицерами на меня, служила для нихъ мѣстомъ сбора, какъ-бы маленькимъ клубомъ. Читали много и съ толкомъ, особенно молодежь.

Полкъ былъ хорошо принятъ въ обществѣ; молодежь много танцевала, каталась на конькахъ, участвовала въ любительскихъ спектакляхъ. Одинъ изъ офицеровъ весело заправлялъ балами въ общемъ офицерскомъ собраніи, что ставилось въ плюсъ опять-таки полку.

Полкъ имѣлъ боевое прошлое: сформированный передъ войной 12-го года, онъ за Севастопольскую войну получилъ Георгіевское знамя, носилъ на шапкахъ отличіе, имѣлъ и товарищескія традиціи. Надъ входомъ въ полковое лагерное собраніе значились слова: Да будутъ всѣ — едины». И офицерство было вѣрно имъ.

Въ городѣ имѣлось и общее офицерское собраніе для всего гарнизона, помѣщавшееся въ зданіи бывшаго іезуитскаго монастыря, передѣланнаго въ Преображенскія казармы, гдѣ помѣщался и нашъ полкъ.

Это собраніе съ прелестными залами, столовой, билліардной, читальней и отличной бібліотекой было лучшимъ клубомъ въ городѣ, куда стягивалось все офицерство и русское общество, и только драгуны тяготѣли къ польско-русскому дворянскому клубу, гдѣ разъ въ годъ устраивался балъ-маскарадъ.

Жизнь гарнизона протекала между службой, городскими знакомствами и удовольствіями. Но два событія, связанныя съ царствующей династіей, взволновали тогда особенно эту жизнь.

20-го октября 1894 года телеграфъ принесъ извѣстіе изъ Ливадіи о кончинѣ Императора Александра III-го. Трудно передать чувство, охватившее офицеровъ при этомъ извѣстіи: его надо пережить.

Какъ, не стало Его. А какъ-же Россія? Россія безъ Александра III-го. Онъ — богатырь и воистину русскій человѣкъ былъ именно олицетвореніемъ Россіи, ея силы, ея могущества. Его не стало...

Всѣ плакали; и плакали на панихидѣ офицеры и солдаты; плакали въ ротяхъ, въ частныхъ домахъ, на улицахъ.

На слѣдующій день полкъ принесъ присягу на вѣрность службы Государю Императору Николаю II Александровичу.

Началось новое царствованіе, полное внутреннихъ волненій, принесшее Россіи большія войны и кончившееся столь внезапно ужасной катастрофой.

Второе событіе связано съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Великій князь нагрязнулъ однажды въ Вильну неожиданно съ цѣлью проинспектировать лейбъ-драгунскій Псковскій полкъ, которымъ командовалъ бывший кавалергардъ полковникъ Николаевъ, человѣкъ съ большими связями и, какъ говорили, «любимецъ» государыни Маріи Федоровны.

Блестящій по внѣшности полкъ тотъ занимался довольно поверхностно. Начальство боялось подступить къ нему изъ-за командира, командиръ-же любилъ пожить, былъ холостъ, блестящъ, шикаренъ, — за нимъ конечно шло и офицерство. Походка а-ля Николаевъ: немного впередъ, съ сигарой во рту, со стѣкомъ въ рукахъ — обычный видъ всегда щегольски одѣтаго Псковича.

Чудное, розоватаго цвѣта сукно на околышахъ, воротникахъ и петлицахъ — составляло гордость полка. Сукно то ежегодно дарила Императрица Марія Федоровна.

Пріѣздъ Великаго Князя явился необычайнымъ явленіемъ Николаевъ счелъ за лучшее сказать больнымъ. Полкъ былъ представленъ старшимъ штабъ-офицеромъ. Великій Князь, проинспектировавъ, разнесъ полкъ въ пухъ и прахъ. Мѣстные кумушки раскрасили то, что случилось на смотру, и по городу кричали, что Великій Князь прогналъ полкъ съ военнаго поля галопомъ.

Военные въ городѣ были довольны. Наконецъ-то добрались и до нихъ — шикарей. Молва о необыкновенной строгости, молодцоватости и лихости Великаго Князя пошла гулять по городу. «Вотъ-бы его къ намъ, — говорили въ полкахъ, — онъ-бы подтянулъ, навелъ порядки...».

На карьерѣ Николаева этотъ инцидентъ не отразился. Онъ командовалъ впоследствии кавалергардскимъ полкомъ, былъ въ Свитѣ Его Величества и умеръ любимый всѣми, кто его зналъ, въ званіи генераль-адъютанта.

Но полковая служба не удовлетворяла молодежь. Впереди была монотонная тяжелая лямка съ полученіемъ чина подполковника въ лучшемъ случаѣ. О командирѣ полка нельзя было и мечтать. Для полученія его надо было окончить академію.

Естественно, что все болѣе живое, энергичное, не успѣвшее завязнуть въ мѣстныхъ интересахъ, стремилось уйти изъ полка. Уходили въ различныя академіи, въ кадетскіе корпуса, военные и юнкерскія училища, переводились въ гвардію, въ пограничную стражу, въ корпусъ жандармовъ.

Думалъ объ уходѣ и я. Переводъ въ гвардію у меня не состоялся, т. к. командиръ полка, обѣщавшій взять меня къ себѣ въ полкъ, поссорился съ тѣмъ, кто хлопоталъ за меня. Приходилось рассчитывать на себя.

Слѣдуя общей среди молодежи модѣ, я сталъ готовиться въ Академію, выбравъ военно-юридическую, но въ то же время подумывалъ о переводѣ въ Корпусъ жандармовъ. О службѣ жандармовъ я много говорилъ съ однимъ изъ моихъ товарищей. Мы не понимали тогда конечно всей серьезности службы этого корпуса, не знали его организациі и всѣхъ его обязанностей, но въ общемъ она казалось намъ очень важной. Мы знали смутно, что жандармы борются съ тѣми, кто бунтуетъ студентовъ, крестьянъ, рабочихъ, вообще, какъ считали мы, съ социалистами. Эти послѣдніе, въ глазахъ многихъ изъ насъ, отождествлялись со студентами и казались намъ революціонерами. Понятіе о революціонерахъ у насъ было примитивное. Мы считали, что они всѣ нигилисты и представляли мы ихъ себѣ въ лицѣ Волоховыхъ, Базаровыхъ и вообще какъ «Бѣсовъ» Достоевскаго. Мы слышали о нихъ по сдержаннымъ разговорамъ объ убійствѣ ими Царя-Освободителя; мы слышали, что убилъ какой-то Рысаковъ, а раньше стрѣлялъ какой-то Каракозовъ. Кто они, мы хорошо не знали; говорить о нихъ считалось вообще неловкимъ и неудобнымъ, т. к. это было изъ запрещеннаго міра.

За послѣдніе годы, около 1-го Мая, мы всегда слышали, что рабочіе вновь хотятъ что-то устроить, гдѣ-то будутъ собранія и надо будетъ ихъ разгонять, для чего отъ полка посылались наряды. Получала нарядъ и моя рота. Лежишь бывало съ полуротой въ лошинѣ, за городомъ около «Новаго Свѣта» и ждешь этого сборища. Лежишь часъ, другой, третій, никто не собирается; ждать надоѣло, лежишь и ругаешься въ душѣ на бунтовщиковъ, что зря изъ-за нихъ треплешься и попусту теряешь время. Мы знали, что въ Ярославлѣ Фанагорійскій гренадерскій полкъ, здорово проучилъ бунтовщиковъ при какихъ-то беспорядкахъ, и Государь объявилъ имъ свою благодарность. Видно, дѣйствительно молодцами работали.

По простой военной терминологіи, всѣ эти господа назывались у насъ общимъ именемъ — «внутренними врагами государства». Въ ротахъ у насъ учили, что «солдатъ есть слуга Царя и Отечества и защитникъ ихъ отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ». На вопросъ-же о томъ: кто такой врагъ внутренній, отвѣчали такъ: — «Это воры, мошенники, убійцы, шпіоны, социалисты и вообще всѣ, кто идутъ противъ Государя и внутренняго порядка въ странѣ».

Мы знали, что главную борьбу съ ними ведутъ жандармы, и это не могло намъ не нравиться, т. к. это была та же защита нашей родины, та же война, но лишь внутренняя. Но вся служба жандармеріи была окутана для насъ какой-то тайной. Сами жандармскіе офицеры своею сдержанностью и какой-то особой корректностью уси-

ливали это впечатлѣніе и заставляли смотрѣть на нихъ съ нѣкоторой осторожностью. Въ нихъ не было офицерской простоты, они не были на-распашку и даже внушали къ себѣ какой-то непонятный страхъ. Почему и отчего — это было неясно.

Въ полку у насъ на корпусъ смотрѣли очень хорошо. Нѣсколько нашихъ офицеровъ уже служили тамъ, занимали хорошія должности и были предметомъ нашей зависти. Въ Вильнѣ жандармерія была представлена блестяще. Генералы фонъ-Эксе и Черкасовъ пользовались уваженіемъ русскаго общества, первый-же былъ принятъ и въ польскихъ кругахъ и принадлежалъ къ мѣстной аристократіи. Оба они были очень солидны и нарядны.

Я лично въ жандармахъ ничего нехорошаго не видѣлъ. Еще съ дѣтства я помню, что жандармы были хорошо приняты, бывали они и у насъ въ домѣ. Даже женихомъ одной изъ моихъ сестеръ былъ жандармскій ротмистръ, но бракъ не состоялся вслѣдствіе его внезапной смерти. Мы дѣти ихъ не боялись, а вотъ кухарка наша очень боялась. Она разговаривала какъ-то на кухнѣ съ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ и сказала: «Ну это было при царѣ-горохѣ», а тотъ ей въ отвѣтъ: — «Ну ты, смотри, вотъ я доложу ротмистру, что ты царя горохомъ называешь, такъ онъ тебѣ задастъ!». Авдотья наша плакала затѣмъ со страху цѣлый день и послѣ этого очень боялась жандармовъ.

Уже въ полку, читая много по исторіи, прочелъ я какъ-то въ одномъ изъ историческихъ журналовъ «Записки голубого жандарма» изъ эпохи 60-хъ годовъ. Онѣ произвели на меня большое впечатлѣніе тѣмъ, сколь много добра сдѣлалъ тотъ жандармскій штабъ-офицеръ, состоя въ Вильнѣ при графѣ Муравьевѣ во время усмиренія польскаго бунта. То была литература, а жизнь какъ-бы нарочно дала и иллюстрацію къ ней. У одной изъ моихъ сестеръ не удалась семейная жизнь, и она стала разводиться. Но денегъ на разводъ у нея не было, процедура эта въ то время была весьма сложна и неприятна, мужъ же хотѣлъ отнять у нея ребенка и т. д. Мы жили тогда всей семьей, т. е. матушка, сестры и я вмѣстѣ въ Вильнѣ. Не зная какъ быть, гдѣ искать правды и защиты, сестра обратилась къ единственному надежному источнику для всѣхъ несчастныхъ — съ прошеніемъ на Высочайшее имя.

Въ комиссіи-же по припятію прошеній, на Высочайшее имя подаваемыхъ, всѣ эти щекотливыя дѣла поручались состоявшему при нихъ жандармскому штабъ-офицеру и, далѣе, одному изъ мѣстныхъ жандармскихъ-же офицеровъ.

Благодаря такому вмѣшательству въ дѣло жандармовъ, сестра моя смогла удержать при себѣ своего ребенка; мужу, оказавшемуся весьма неважнымъ человекомъ, не позволили отнять его у матери, а сестрѣ выдали даже отдѣльный видъ на жительство, что въ тѣ годы было очень много. Эта защита, которую моя бѣдная больная чахоткой сестра нашла въ лицѣ жандармскаго штабъ-офицера, заставила всю нашу семью смотрѣть на жандармовъ съ глубокой благодарностью, какъ на людей, благодаря которымъ удалось добиться справедливости, тѣмъ болѣе, что мужъ моей сестры занималъ солидное положеніе, онъ былъ полковникомъ, командиромъ одного изъ отдѣловъ пограничной стражи. На меня этотъ случай произвелъ большое впечатлѣніе. Этотъ житейскій примѣръ такъ сходилъ съ тѣмъ, что писалъ про свою службу «Голубой жандармъ».

Матушка моя не разъ говорила мнѣ затѣмъ, что она хотѣла-бы видѣть меня или артиллеристомъ, или жандармомъ, сестры-же уже прямо убѣждали меня итти въ жандармерію. Воспитанныя въ Архангельской провинціальной глуши, далекія отъ всякой политики, онѣ были чужды обычныхъ интеллигентскихъ предрасудковъ противъ синяго мундира и смотрѣли на жандармскаго офицера просто: — офицеръ, служба серьезная, очень важная, жалованье хорошее и форма красивая, чего-же еще

нужно для брата. А что ругаютъ — такъ за глаза и царя ругаютъ! Все это въ общей сложности создало у меня желаніе поступить въ Корпусъ жандармовъ, и я, подчитывая для военно-юридической академіи, въ тоже время не упускалъ изъ виду какъ-бы найти протекцію для перевода въ корпусъ.

Но многіе въ обществѣ не любили жандармовъ, службу ихъ бранили и говорили про нихъ, что они всѣ доносчики. Это непріязненное отношеніе къ жандармамъ я встрѣтилъ тогда-же въ семьѣ почтеннаго присяжнаго повѣреннаго, на дочери котораго я хотѣлъ жениться. Русскій человѣкъ, сынъ генерала, Севастопольскаго героя, мой будущій тестъ не хотѣлъ и слышать, чтобы его зять былъ жандармомъ. Онъ предлагалъ намъ съ дочерью матеріальную помощь и предлагалъ устроить меня куда либо на гражданскую службу, которая-бы обеспечивала меня лучше, чѣмъ полкъ, лишь-бы я не шелъ въ жандармы. Я упорствовалъ, доказывая ему, что служба корпуса жандармовъ идейная и полезная для государства. Не имѣя ничего мнѣ возразить по существу, онъ всетаки былъ противъ нея. Мы долго спорили, и каждый остался при своемъ мнѣніи. Я не покидалъ намѣренія поступить въ корпусъ, но не отказывался отъ мысли жениться на его дочери.

Но перевестись въ Корпусъ жандармовъ было очень трудно. Для поступленія въ корпусъ отъ офицеровъ требовались прежде всего слѣдующія условія: потомственное дворянство; окончаніе военного или юнкерскаго училища по первому разряду; не быть католикомъ; не имѣть долговъ и пробыть въ строю не менѣе шести лѣтъ. Удовлетворявшій этимъ требованіямъ долженъ былъ выдержать предварительныя испытанія при штабѣ корпуса жандармовъ для занесенія въ кандидатскій списокъ и затѣмъ, когда подойдетъ очередь, прослушать четырехмѣсячные курсы въ Петербургѣ и выдержать выпускной экзаменъ. Офицеръ, выдержавшій этотъ второй экзаменъ, переводился Высочайшимъ приказомъ въ Корпусъ жандармовъ.

Всѣмъ формальнымъ условіямъ я удовлетворялъ, но у меня не было протекціи; отборъ-же офицеровъ былъ настолько строгъ, желающихъ было такъ много, что безъ протекціи попасть на жандармскіе курсы было невозможно.

Скоро, однако, случай помогъ мнѣ. Виленскій губернаторъ генералъ Фрезе, который зналъ меня по городу и у котораго я не разъ танцевалъ на вечерахъ, былъ назначенъ командиромъ Корпуса жандармовъ. Я обратился къ нему съ просьбой и получилъ обѣщаніе быть вызваннымъ на предварительное испытаніе.

Приходилось спѣшно готовиться къ этому первому экзамену, что являлось труднымъ потому, что программы для него не существовало. Экзаменаціонная комиссія знакомила съ общимъ развитіемъ офицера, предлагая ему вопросы по исторіи, администраціи, законовѣдѣнію, о газетахъ и журналахъ, не сообразуясь ни съ какими рамками. Объ этомъ экзаменѣ среди офицеровъ ходили самые невѣроятные рассказы. Такъ говорили, что кого-то спросили: что написано на игральной картѣ бубновый тузъ; сколько лошадей запряжено въ колесницу, что надъ аркой Главпаго Штаба; сколько ступеней на парадной лѣстницѣ въ Штабѣ Корпуса Жандармовъ и т. п. глупости. Будто все это для провѣрки вниманія и наблюдательности.

Я началъ повторять соотвѣтствующіе курсы, сталъ усиленно читать газеты и журналы, и мои занятія для юридической академіи очень тогда мнѣ пригодились.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ меня вызвали въ Петербургъ, я подалъ докладную записку: о желаніи «продолжать службу Его Императорскому Величеству въ Отдѣльномъ Корпусѣ Жандармовъ» и получилъ приглашеніе на предварительныя испытанія.

На испытаніе явилось около 40 офицеровъ всѣхъ родовъ оружія. Не безъ тре-

пета входилъ я въ комнаты штаба Корпуса жандармовъ, помѣщавшагося въ знаменитомъ домѣ «У Цѣпного моста» противъ церкви Святого Пантелеймона. Все казалось тамъ страшно таинственнымъ и важнымъ. Единственно доступный и любезный человекъ — это швейцаръ. Все остальное заморожено холодомъ. Видимо, то же испытывали и другіе офицеры.

Въ ожиданіи экзаменаторовъ мы перешептывались о нихъ. Оказалось, что экзаменационная комиссія состояла изъ старшихъ адъютантовъ штаба корпуса при участіи представителя Департамента Полиціи Тайнаго Совѣтника Янкулію. Этотъ худошавый старикъ, напоминавшій наружностью Побѣдоносцева, внушалъ намъ особый страхъ, но почему, мы сами не знали.

Въ первый день держали устный экзаменъ. Меня спросили, читалъ-ли я фельетонъ «Новаго Времени» о брошюрѣ Льва Тихомирова: «Конституціоналисты въ эпоху 1881 года» и что я могу сказать по этому поводу. Вещь была мнѣ извѣстна, и мой отвѣтъ удовлетворилъ комиссію. Предложивъ затѣмъ мнѣ перечислить реформы Александра II-го и поставивъ еще нѣсколько вопросовъ по исторіи и администраціи и выслушавъ отвѣты, председатель комиссіи объявилъ, что устный экзаменъ мною выдержанъ и что мнѣ надлежитъ явиться на слѣдующій день держать письменный.

На завтра мы уже собрались въ меньшемъ числѣ и болѣе смѣлыми. Письменный экзаменъ заключался въ томъ, что каждому давалось сочиненіе на отдѣльную тему. Мнѣ попалась тема: «Вліяніе реформы всеобщей воинской повинности на развитіе грамотности въ народѣ». Тема благодарная. Каждая рота и батарея, каждый эскадронъ милліонной русской арміи имѣли свою школу грамотности для молодыхъ солдатъ съ годичнымъ курсомъ. Въ каждой такой школѣ ежегодно выучивались читать, писать, четыремъ правиламъ арифметики и началамъ Закона Божія, официально до 20 человекъ, неофициально-же около школъ обучались всѣ неграмотные. Помножьте это число на количество указанныхъ боевыхъ единицъ и получится то колоссальное число простолудиновъ, которые ежегодно выучивались грамотѣ офицерами. А все дальнѣйшее образованіе и развитіе, которое получалъ крестьянинъ во время пребыванія его въ войскахъ, которое онъ уносилъ затѣмъ въ родную деревню. А образованіе, получавшееся въ учебныхъ командахъ полковъ и т. д. Надо было видѣть какого либо неграмотнаго головотяпа Ивана Безроднаго, когда онъ являлся на службу, не умѣя связать двухъ словъ, не зная, которая рука правая и которая лѣвая, надо было видѣть и говорить съ нимъ тогда и взглянуть на него спустя три года, когда онъ грамотный, развитой и бойкій уходилъ изъ войсковой части домой, въ запасъ арміи, чтобы понять, что было достигнуто за истекшіе три года, сколь много дѣлалъ для народа тотъ офицеръ, надъ которымъ такъ часто подсмѣивались наши интеллигенты, говоря, что офицеры умѣютъ только пить, веселиться и звякать шпорами.

Взявъ за основаніе только-что приведенное, развѣвъ и дополнивъ эти мысли другими соображеніями и доводами, я сдѣлалъ соответствующіе выводы.

Экзамены я выдержалъ. Меня внесли въ кандидатскій списокъ, и я долженъ былъ ждать вызова для слушанія лекцій. Выдерживали экзамены далеко не всѣ, и вотъ срѣзавшіеся то офицеры, принужденные по возвращеніи въ свои части объяснить какъ либо свою неудачу, они-то и распускали всякіе невѣроятные слухи о таинственномъ экзаменѣ и вообще о корпусѣ. Такъ появилась легенда о какой-то особой присягѣ, приносившейся жандармами, которые клялись не щадить ни отца, ни мать. На это особенно налегали всѣ противники жандармеріи. Но никогда никакой присяги жандармскіе офицеры не приносили. Они были связаны уже присягой, при-

несенной ими при поступленіи на военную службу, и это считалось конечно вполне достаточнымъ.

Подобнымъ-же образомъ получилась легенда о бубновомъ тузѣ, о лошадяхъ и ступеняхъ на лѣстницѣ и много другихъ. Онѣ пускались и подхватывались или заблуждавшимися, или лгунами, или врагами корпуса, которыхъ было болѣе, чѣмъ достаточно. Правительство, обставлявшее корпусъ совершенно ненужной таинственностью, вмѣсто того, чтобы широко освѣтить его права и обязанности, много способствовало распространенію этихъ небылицъ.

Выдержавъ испытаніе, я вернулся въ Вильну и сталъ ждать вызова, а въ это время, Виленская жандармерія собирала обо мнѣ наиподробнѣйшія свѣдѣнія. Политическая благонадежность и денежное состояніе подвергались наибольшей провѣркѣ. Первое объяснять не приходится, второе-же преслѣдовало цѣль, чтобы въ корпусъ не проникали офицеры, запутавшіеся денежно, зависящіе отъ кого либо въ матеріальномъ отношеніи. Жандармъ долженъ былъ быть независимъ.

Между тѣмъ, генерала Фрезе назначили на Кавказъ, и вызовъ меня на курсы затянулся. Прошло почти два года, я уже успѣлъ жениться на дочери присяжнаго повѣреннаго Бялаго, выдержавъ съ нимъ не одинъ большой бой, пока онъ, наконецъ, благословилъ насъ и вскорѣ затѣмъ умеръ.

Лѣтомъ 1899 года, я выдержалъ при Штабѣ Виленскаго Округа предварительный экзаменъ въ военно-юридическую академію и отправился осенью въ Петербургъ держать экзамены при академіи. Пріѣхавъ туда, я совершенно неожиданно получилъ вызовъ на жандармскіе курсы. Я бросилъ экзамены въ академію, вернулся въ Вильну, устроилъ дѣла съ полкомъ и, забравъ жену, уѣхалъ въ Петербургъ для слушанія лекцій.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Основаніе Корпуса жандармовъ при Императорѣ Николаѣ I-мъ. — Обязанности жандармовъ при послѣдующихъ царствованіяхъ. — Корпусъ жандармовъ при Императорѣ Николаѣ II-мъ. — Организациія и обязанности. — На жандармскихъ курсахъ. — Недостатки курсовъ. — Дефекты Корпуса жандармовъ. — Переводъ въ жандармы. — Разставаніе съ полкомъ. — Проводы. — Пріѣздъ въ Москву. — Московское охранное отдѣленіе. — Первые впечатлѣнія. — Зубатовъ и Мѣдниковъ. — Вечеръ въ Кремлѣ. — Тревожная ночь.

Въ концѣ Января 1826 года генераль-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, подаль Императору Николаю I-му записку, въ которой излагалъ слѣдующее:

«Событія 14-го Декабря и ужасные заговоры, которые въ теченіе болѣе 10 лѣтъ подготовляли этотъ взрывъ, достаточно доказываютъ, какъ ничтожность имперской полиціи, такъ и неизбѣжную необходимость организации таковой согласно искусно скомбинированному и дѣятельно выполненному плану...»

«Для того, чтобы полиція была хороша и охватывала все пространство имперіи, она должна имѣть одинъ извѣстный центръ и развѣтвленія, проникающія во всѣ пункты; нужно, чтобы ея боялись и уважали за моральныя качества ея начальника. Онъ долженъ называться министромъ полиціи и инспекторомъ жандармовъ. Только этотъ титулъ дастъ ему расположеніе всѣхъ честныхъ людей, которые хотѣли-бы предупредить правительство о нѣкоторыхъ заговорахъ, или сообщить ему интересныя новости. Мошенники, интриганы и глупцы, обратившіеся отъ ихъ заблужденій или ищущіе искупить свои ошибки доносами, будутъ знать куда обратиться. Этотъ титулъ объединилъ-бы всѣхъ жандармскихъ офицеровъ, разбросанныхъ по всѣмъ городамъ Россіи и по всѣмъ дивизіямъ арміи, далъ-бы средство поставить туда людей интеллигентныхъ и использовать людей чистыхъ...»

«Чины, ордена, благодарность поощряютъ офицера болѣе, чѣмъ денежныя суммы поощряютъ людей, секретно используемыхъ, которые часто играютъ двойственную роль; шпионятъ для и противъ правительства...»

«Эта полиція должна употреблять всѣ свои усилія, чтобы завоевать моральную силу, которая въ каждомъ дѣлѣ есть главная гарантія успѣха...»

Записка эта подвергалась изученію Государя и обсужденію нѣсколькихъ избранныхъ Императоромъ лицъ и 25-го Іюля 1826 года, въ день рожденія Императора Николая I-го, появился приказъ объ учрежденіи Корпуса жандармовъ, о назначеніи генераль-адъютанта графа Бенкендорфа шефомъ жандармовъ и командующимъ Императорской главной квартирой. 3-го-же Іюля состоялся указъ о преобразованіи особой канцеляріи министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ Третье Отдѣленіе собственной Его Величества Канцеляріи. Во исполненіе этого указа, начальники губерній по всѣмъ дѣламъ подвѣдомственнымъ Третьему Отдѣленію должны были доносить прямо Его Императорскому Величеству.

Графъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ о той реформѣ слѣдующее:

«Всю Имперію раздѣлили въ семь отношеній на семь округовъ; каждый округъ подчиненъ генералу и въ каждую губернію назначено по одному штабъ-офицеру; дальнѣйшее-же развитіе и образованіе новаго установленія было предоставлено времени и указаніямъ опыта.»

«Учрежденіе въ то-же время Третьяго Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи представляло подъ моимъ начальствомъ средоточіе этого новаго управленія и вмѣстѣ высшей, секретной полиціи, которая въ лицѣ тайныхъ агентовъ должна была помогать и способствовать дѣйствіямъ жандармовъ» (Шильдеръ. Императоръ Николай I).

Такъ появился Корпусъ жандармовъ.

Если вспомнить, что въ теченіе всего предшествовавшаго тому вѣка, главными участниками всѣхъ политическихъ заговоровъ являлись военные; что военными были совершены цареубійства Петра II-го и Павла I-го, а во главѣ заговора противъ отца Николая Павловича стоялъ главный начальникъ государственной охраны генераль-адъютантъ графъ Паленъ; что и въ дѣлѣ Декабристовъ, проекты которыхъ восходили до убійства Императора Александра I-го и всѣхъ членовъ царствовавшей династіи, всѣ участники, за исключеніемъ нѣсколькихъ чловѣкъ, были военные, — принявши все это во вниманіе, легко понять, почему въ дѣлѣ сформированія Корпуса жандармовъ Государь Николай Павловичъ принялъ ближайшее участіе, почему корпусу дана была организація восходившая до Собственной Его Величества Канцеляріи и почему вниманіе новой высшей полиціи было такъ сильно направлено на военную среду.

Борьба съ злоупотребленіями во всѣхъ частяхъ управленія, во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ; наблюденіе за сохраненіемъ государственнаго порядка и спокойствія; наблюденіе за нравственностью учащейся молодежи; обнаруженіе бѣдныхъ и сирыхъ, нуждающихся въ матеріальной помощи — вотъ обязанности Корпуса жандармовъ согласно инструкціи, преподанной имъ ихъ первымъ шефомъ.

Корпусъ жандармовъ — глаза и уши Императора, говорили тогда. Общественное благо — его цѣль. Бѣлый платокъ для утиранія слезъ — эмблема его обязанностей.

Какая же среда могла тогда дать соотвѣтствующій контингентъ лицъ для выполненія такой высокой задачи? Только русская армія, въ массѣ своей всегда служившая вѣрой и правдой своимъ государямъ, создававшая имъ славу, ковавшая ве-

личіе и могущество Россіи. Она и выдѣлила изъ себя и весь составъ вновь образованной жандармеріи.

«По мысли Государя — говорилъ историкъ Шильдеръ — лучшія фамиліи и приближенныя къ престолу лица должны были стоять во главѣ этого учрежденія и содѣйствовать искорененію зла».

Въ царствованіе Александра II-го, на офицеровъ Корпуса жандармовъ было возложено производство дознаній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, на правахъ слѣдователей подъ наблюденіемъ прокуратуры, согласно новыхъ судебныхъ уставовъ.

Всесильный диктаторъ, «волчьи зубы, лисій хвостъ», графъ Лорисъ-Меликовъ добился уничтоженія независимости Корпуса жандармовъ. Въ февралѣ 1880 года, шефъ жандармовъ былъ уволенъ отъ должности, Третье же Отдѣленіе и Корпусъ жандармовъ были подчинены Лорисъ-Меликову. Высочайшимъ же указомъ 6-го августа того же года, Корпусъ жандармовъ былъ подчиненъ министру внутреннихъ дѣлъ, тому же Лорисъ-Меликову, по званію шефа жандармовъ, Третье Отдѣленіе было уничтожено, и вмѣсто него былъ образованъ Департаментъ Государственной полиціи.

Подчинивъ себѣ Корпусъ, Лорисъ-Меликовъ не сумѣлъ однако цѣлесообразно использовать его силы въ то тяжелое время. Охрана Государя была поставлена преступно небрежно. Ею вѣдали чиновники секретнаго отдѣленія канцеляріи оберъ-полицмейстера.

Въ упоеніи собственной славы, Лорисъ-Меликовъ, въ одномъ изъ своихъ Всеподданнѣйшихъ докладовъ, красиво изобразилъ Государю то успокоеніе и благополучіе, котораго онъ достигъ яко бы въ имперіи своими либеральными мѣрами, смѣшавъ непозволительно для государственнаго человѣка въ одну кучу народъ, либеральное общество, политикановъ и революціонеровъ. За тотъ знаменитый докладъ, образчикъ безграничнаго самомнѣнія, легкомыслія и политическаго невѣжества со стороны министра Внутреннихъ дѣлъ, Россія заплатила, спустя немного времени, жизнью своего Царя - Освободителя.

Послѣ убійства Александра II-го, было создано Петербургское охранное отдѣленіе, съ чинами Корпуса жандармовъ. Предупрежденіе покушенія на жизнь Александра III-го въ мартѣ 1887 года, арестомъ «Террористической фракціи Народной Воли» съ бомбами, на пути предполагаемаго проѣзда Государя, явилось блестящимъ актомъ дѣятельности корпуса за то время. Чины корпуса разгромили по всей Россіи терроризовавшую прежнее правительство «Народную Волю» и, согласно Высочайше утвержденному въ Августѣ 1881 года «Положенію объ усиленной охранѣ, приняли къ исполненію новую обязанность — производство разслѣдованія безъ участія прокурорскаго надзора. Совокупностью энергично принятыхъ мѣръ достигнуто было успокоеніе.

Новое царствованіе Императора Николая Александровича принесло съ собою общественное оживленіе; властно выдвинулся новый социальный факторъ — рабочей вопросъ. Корпусу предстояла новая сложная работа.

Въ 1899 году, когда я былъ вызванъ на жандармскіе курсы, организація и обязанности корпуса были въ общемъ таковы. Корпусъ состоялъ изъ генераловъ, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.

Одна часть корпуса была сведена въ губернскія жандармскія управленія, которыя осуществляли по старому наблюденія, кое-гдѣ вели политической розыскъ, а также производили дознанія и разслѣдованія. Къ этой категоріи относились и офицеры резерва, специализировавшіеся на производствѣ дознаній.

Вторая часть корпуса была сведена въ желѣзно-дорожныя полицейскія управления и несла службу исключительно въ полосѣ отчужденія желѣзныхъ дорогъ, исполняя функціи общей, и политической полиціи.

Въ вѣдѣніи офицеровъ корпуса были также охранныя отдѣленія въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ, входившія въ составъ градоначальства и оберъ-полицеймейстерствъ и занимавшіяся политическимъ розыскомъ. Въ крѣпостяхъ же были крѣпостныя жандармскія команды, наблюдавшія въ крѣпостныхъ районахъ. Кроме того въ составъ корпуса входили Петербургскій, Московскій и Варшавскій дивизионы, несшіе наружно-полицейскую службу и бывшіе жандармами только по формѣ.

Главнымъ начальникомъ жандармовъ являлся министръ внутреннихъ дѣлъ по званію шефа жандармовъ, во главѣ корпуса стоялъ его командиръ, строевою частью вѣдалъ штабъ, всей-же розыскной и наблюдательной — Департаментъ полиціи, куда поступала также и вся отчетность по производству дознаній и разслѣдованій.

Желѣзнодорожныя жандармы зависѣли почти исключительно отъ штаба, губернскіе же отъ Департамента полиціи. Двойственность подчиненія корпуса отражалась на всей его службѣ. Назначеніе же начальниковъ управленій не Высочайшими приказами, а командиромъ корпуса, вносило въ корпусную жизнь произволъ, протекціонизмъ и лишало его высшій персоналъ независимости и самостоятельности, столь необходимыхъ для органа такого важнаго государственнаго значенія, какое имѣлъ корпусъ въ царской Россіи.

Въ большой высокой комнатѣ, за громаднымъ покрытымъ зеленымъ сукномъ столомъ сидѣли мы, слушая лекторовъ, стараясь постичь новое, таинственное, такъ интересовавшее насъ дѣло. Намъ читали уголовное право, производство дознаній и разслѣдованій и желѣзнодорожный уставъ. Мы отлично усвоили всѣ права и обязанности желѣзнодорожной жандармеріи и познакомились съ формальной стороной дознаній, но и только. О самомъ же главномъ для насъ, объ общественныхъ и революціонныхъ движеніяхъ и о методахъ борьбы съ революціей, намъ тогда ничего на курсахъ не говорили. Прозанимавшись четыре мѣсяца и сдавъ отлично экзамены, мы знали объ этомъ только то, что сумѣли почерпнуть собственными усилиями и благодаря нѣкоторымъ знакомствамъ.

Между тѣмъ большинство изъ насъ горѣло желаніемъ отдаться всецѣло борьбѣ съ революціонерами. Какъ ни далеко стояла тогда армія отъ политики, кое-что о начинающемся рабочемъ движеніи доходило и до насъ; о подпольной работѣ социаллистовъ мы слышали, знали мы и то, что Царя-Освободителя убили именно они. На курсахъ же намъ было выдано для ознакомленія съ порядкомъ производства дознаній нѣсколько томовъ дѣла о покушеніи на Александра III-го. Но только намъ не давали никакихъ разъясненій по этому дѣлу, которое одно могло бы составить рядъ поучительныхъ для жандармскаго офицера лекцій по исторіи революціоннаго движенія и по резыску.

На подготовку будущихъ жандармовъ не обращали вниманія; и въ то время, какъ государство имѣло всевозможныя академіи для военныхъ, оно не обладало соотвѣтствующей школой для подготовки личнаго состава учрежденія, которое играло въ государственной жизни царской Россіи столь выдающуюся роль, неся обязанности административныя и судебно слѣдственныя, по охранѣ государственнаго порядка и верховной власти. Пробѣлъ былъ вопіющій, и мы были поражены.

Подобная ненормальность объясняется прежде всего несоотвѣтствіемъ своему назначенію командировъ корпусовъ. Можетъ быть, и хорошіе военные, они были посторонними для корпуса и зачастую не понимали всей государственной важности

института, во главѣ котораго становились. Они очень часто смотрѣли на него какъ на войсковую часть только, или какъ на ступень для дальнѣйшей карьеры, ступень широкую, удобную, покрытую шикарнымъ бархатнымъ ковромъ.

Былъ одинъ командиръ, который въ первые дни послѣ своего назначенія спросилъ, а что такое въ сущности вообще полиція. Онъ же отдалъ затѣмъ приказъ, чтобы жандармскихъ унтеръ-офицеровъ обучали рубкѣ шанкой по лозѣ и по глинѣ. Бѣдный генералъ, глядя на жандарскія шпоры и лядунку, считалъ, что жандармерія это — строевая кавалерійская часть. И начали желѣзнодорожные жандармы, вмѣсто своего прямого дѣла, учиться рубкѣ по глинѣ. Это не анекдотъ, а дѣйствительный фактъ.

Но этотъ военный командиръ корпуса, боявшійся панически адреснаго листка на архивной дугѣ, считая что тамъ-то и есть вся тайна розыска, по крайней мѣрѣ не ломалъ того дѣла, котораго не понималъ, а бывали и такіе реформаторы. Уже много позже одинъ генералъ, не разбираясь въ службѣ корпуса и недолголюбивая ея въ душѣ, умѣя вообще лишь быть пріятнымъ, додумался до уничтоженія розыска и успѣлъ свою легкомысленную затѣю осуществить частично. Онъ же, какъ увидимъ ниже, сознательно провалилъ цѣннѣйшаго освѣдомителя Департамента полиціи, искренно думая, что совершаетъ замѣчательное общественное дѣло. Печальные факты, за которые Россія заплатила очень дорого. Бывали конечно исключенія, но очень и очень рѣдко.

Ненормально было и назначеніе начальника штаба корпуса. Разъ есть слово штабъ, то мѣсто, конечно, считалось за Генеральнымъ Штабомъ и должность принималъ и начиналъ вершать дѣла по корпусу при непонимающемъ его командирѣ, такой-же непонимающій корпуса и чуждый ему по духу офицеръ генеральнаго штаба. Если онъ, какъ честный и разумный человекъ, не вредилъ корпусу, то и пользы ему и дѣлу не приносилъ. И нуженъ былъ, на примѣръ, весь трагизмъ первой русской революціи съ ея желѣзнодорожной забастовкой, чтобы начальникъ штаба корпуса понялъ, наконецъ, что желѣзнодорожная жандармерія обязана быть освѣдомленной въ своемъ районѣ, т. е. обязана вести розыскъ. Штабъ же вообще былъ противникъ розыска, который, по его мнѣнію, являлся дѣломъ грязнымъ, а желѣзнодорожная жандармерія считалась выше его.

Какъ уже было упомянуто, двойственное подчиненіе корпуса очень вредило ему и отражалось на дѣлѣ. Штабъ всегда былъ въ войнѣ съ департаментомъ, что и сказывалось на офицерахъ. Департаментъ требовалъ розыскной работы и продвигалъ офицеровъ, успѣвавшихъ въ ней; штабъ же былъ врагъ розыска и потому розыскные офицеры у него были не въ милости. Зависимые и отъ департамента, и отъ штаба, офицеры должны были дипломатничать и лавировать, чтобы, служа одному учрежденію, не провалиться у другого. Только тѣ, кто посвящалъ себя навсегда желѣзнодорожному дѣлу, могли не считаться, на примѣръ съ департаментомъ, да и то относительно.

Не получая, чего слѣдуетъ, отъ своего военного центра, корпусъ не находилъ его и въ гражданскомъ центрѣ. Для многихъ директоровъ Департамента полиціи, а зачастую и для министра внутреннихъ дѣлъ, корпусъ казался лишь «офицерствомъ», если не «бурбонствомъ». Обычныя противопоставленія штатскаго начала военному. Что они тамъ могутъ понимать! А между тѣмъ, сами то директора Департамента полиціи, за весьма немногими исключеніями, зачастую мало что понимали въ политическомъ розыскѣ, хотя смѣло и смаху хватались за него.

На несчастье корпуса не являлось человекъ, который, понимая его, приспособилъ бы окончательно этотъ сложный и хорошій по составу аппаратъ къ требованію

современнаго государства. Мысль же о томъ бродила и надъ ней задумывались, но тѣ, кто могъ ее реализовать, сдѣлать того не успѣвали, тѣ же, кто брался за это, не имѣли достаточно ни знаній, ни таланта, ни любви къ дѣлу, за перестройку котораго принимались. Критиковали и ругали корпусъ многіе, а чтобы указать, какъ исправить недостатки — того не было. А возможность имѣлась полная, такъ какъ со стороны верховной власти, ко всѣму тому, что вело къ пользѣ для государства, сочувствіе и поддержка всегда были на лицо. Корпусу жандармовъ послѣдняго царствованія не хватало своего современнаго графа Бенкендорфа.

Въ концѣ декабря 1899 года, мы выдержали выпускной экзаменъ и были переведены Высочайшимъ приказомъ въ Корпусъ жандармовъ. Намъ дали въ штабѣ листъ со свободными вакансіями, причемъ адъютантъ по строевой части, подполковникъ Чернявскій, съ особеннымъ пренебреженіемъ швырнулъ намъ отдѣльный листокъ съ вакансіями охранныхъ отдѣленій, и мы разобрали вакансіи согласно желанію въ порядкѣ успѣховъ сдачи выпускнаго экзамена. Одни пошли на желѣзныя дороги, часть въ губернскіе, четверо же, и въ томъ числѣ я, рѣшили окунуться въ самую гущу и взяли вакансіи въ охранныя отдѣленія. Чернявскій смотрѣлъ на насъ съ нескрываемой враждебностью и буквально фыркалъ, а не говорилъ, когда мы обращались къ нему за какими либо справками.

Я вышелъ въ Московское охранное отдѣленіе, пугавшее всѣхъ тѣмъ, что начальникомъ его былъ статскій Зубатовъ.

Въ синемъ уже мундирѣ съ бѣлыми аксельбантами вернулся я черезъ нѣсколько дней въ Вильну попрощаться съ роднымъ полкомъ. Офицеры устроили мнѣ проводы, обѣдъ, въ томъ самомъ общемъ собраніи, гдѣ такъ много было пережито хорошихъ минутъ за шесть лѣтъ безпечной офицерской службы. Мнѣ поднесли полковой жетонъ, получить который было тѣмъ болѣе лестно, что подносили его не обязательно, а каждый разъ по рѣшенію общества офицеровъ. Произносились конечно тосты, говорились пожеланія, отмѣтили и то, что я сдѣлалъ кое что по составленію исторіи полка. Собранные мною памятки съ полковыми реликвіями имѣлись въ каждой ротѣ на стѣнѣ. Разстались дружески. Кончился первый періодъ сознательной жизни, жизни сравнительно беззаботной, началась новая полоса.

Въ полку мнѣ больше не пришлось бывать, но жизнь его конечно меня интересовала. Вѣренъ себѣ остался полкъ и въ послѣднюю войну. Перейдя 3-го августа 1914 года границу Пруссіи въ составѣ арміи генерала Ренненкампа, полкъ 4-го августа принялъ подъ Дюпененомъ первый бой съ нѣмцами, въ которомъ потерялъ убитыми 16 офицеровъ и командира полка полковника Комарова.

Въ томъ бою нашъ старыи товарищъ капитанъ И. С. Карповъ велъ роту въ атаку на два тяжелыхъ орудія, имѣя рядомъ своего 16-ти лѣтняго сына гимназиста Отецъ и сынъ пали вмѣстѣ, не дойдя до батареи.

Въ томъ же бою капитанъ Н. П. Кузнецовъ, будучи окруженъ нѣмцами и видя безвыходное положеніе, собралъ горсточку оставшихся солдатъ и, сказавъ: — «Братцы, дѣлайте, какъ знаете, а русскій офицеръ не сдается» — застрѣлился.

Укомплектованный на слѣдующій же день, полкъ 7-го Августа выигралъ блестящій бой подъ Эдлишками, нагородивъ груды непріятельскихъ труповъ. Къ концу войны въ полку оставалось лишь пять кадровыхъ офицеровъ. А потомъ? А потомъ, послѣ революціи, по заведенному Керенскимъ и Гучковымъ порядку, полкъ избралъ себѣ командира, сперва изъ негодящихъ писарей, а потомъ алкоголика изъ подпрапорщиковъ, съ которымъ и ринулся во всеобщую разруху, во славу «великой и безкровной».

Ясный морозный Январскій день. Много снѣгу. Московскій Ванька рѣзво катить меня съ чемоданомъ съ вокзала на Большую Дмитровку, гдѣ у сестры меня ждетъ жена. Черезъ часъ, переодѣвшись въ мундиръ, ѣду въ Гнѣздниковскій переулокъ, являться въ охранное отдѣленіе.

Двухъэтажное зданіе зеленоватаго цвѣта окнами на переулокъ. Вхожу въ небольшую правую дверь. Темный входъ; довольно большая полунизкая передняя, изъ которой нѣсколько маленькихъ дверей въ крошечныя пріемныя. Въ дальнемъ правомъ углу странная витая лѣстница наверхъ. Изъ того же угла теряется въ темнотѣ узкій коридорчикъ.

Нѣкто въ штатскомъ спрашиваетъ меня, что мнѣ угодно и, узнавъ, что я новый офицеръ и пріѣхалъ на службу, схватился снимать пальто и, попросивъ подождать, полетѣлъ по витой лѣстницѣ.

Вошелъ полицейскій надзиратель и любезно раскланялся. Постоявъ немного, онъ заглянулъ въ каждую дверь и плотно прикрылъ ихъ — очевидно дежурный. Изъ темнаго коридорчика появился служитель съ огромнымъ подносомъ, полнымъ стакановъ чая, и осторожно сталъ подниматься по винтовой лѣстницѣ.

Вскорѣ, скатившійся съ нея докладчикъ попросилъ меня слѣдовать за нимъ. Поднимаюсь: чистый широкий коридоръ. Прохожу большую свѣтлую комнату; много столовъ, за ними чиновники — пишутъ; стучать машинки; груды дѣлъ. Дальше — небольшая комнатка, полная дугъ съ листками, что похоже на адресный столъ. Проходимъ черезъ маленькую темную переднюю и входимъ въ небольшой въ два окна кабинетъ. Американскій столъ-конторка, диванъ, нѣсколько стульевъ.

На встрѣчу поднимается упитанный, средняго роста статскій, полное здоровое румяное лицо, борода, усики, длинные русые волосы назадъ, голубые спокойные глаза. Представляюсь. Онъ отвѣчаетъ: — «Мѣдниковъ, старшій чиновникъ для порученій» и, улыбаясь, проситъ садиться.

— «А мы Васъ ждемъ, очень радъ-съ, скоро прійдетъ и начальникъ». Говоръ спокойный, пѣвучій, немного простоватый. Сидитъ, откинувшись на спинку, поглаживая себя по ляжкамъ, изрѣдка отбрасываетъ волосы рукой назадъ.

Обмѣниваемся ничего не значащими фразами о погодѣ и морозѣ. Смотрю на портреты на стѣнѣ. Одинъ изъ нихъ женскій, какъ узналъ потомъ, революціонерки Курпатовской, на другомъ же красивый мужчина. Увидѣвъ, что смотрю на него, Мѣдниковъ говоритъ: — «Это Судейкинъ».

Почему Курпатовская украшала тотъ кабинетъ, для меня осталось невыясненнымъ навсегда. Никогда она никакого отношенія къ службѣ отдѣленія не имѣла, если не считать того, что бывала обыскиваема и арестована.

Немного спустя, Мѣдниковъ стучитъ въ дверь, что въ углу комнаты, и приглашаетъ меня жестомъ за собой. Вхожу въ большой нарядный не казенный кабинетъ. На стѣнѣ прелестный, тоже не казенный царскій портретъ. Посреди комнаты, средняго роста человекъ въ очкахъ, безцвѣтный, волосы назадъ, усы, борода, типичный интеллигентъ — это знаменитый Зубатовъ.

Представляюсь, называя его «господинъ начальникъ». Онъ принимаетъ мой рапортъ стоя, по военному, опустивъ руки и, давъ договорить, здоровается и предлагаетъ папиросу. Отказываюсь, говоря, что не курю. Удивляется.

— «Можетъ быть и не пьете?»

— «И не пью».

Начальникъ смѣется и, обращаясь къ Мѣдникову, говоритъ: — «Евстратій, и не пьетъ!»... Евстратій сидитъ плотно, гладитъ себя по ляжкамъ, ухмыляется и говоритъ: — «Что же, это хорошо»...

Спросивъ, женатъ ли я, какъ думаю устроиться, и предложивъ еще нѣсколько вопросовъ, Зубатовъ сказалъ, чтобы я шелъ являться оберъ-полицмейстеру, и мы распрощались.

Домъ оберъ-полицмейстера помѣщался на томъ же дворѣ, но фасадомъ и подъѣздомъ выходилъ на Тверской бульваръ. Оберъ-полицмейстеръ полковникъ Дмитрій Федоровичъ Треповъ, бывший конногвардеецъ, высокій, красивый и представительный мужчина, встрѣтилъ меня сурово-вѣжливо, предложилъ нѣсколько вопросовъ, сказалъ комплиментъ по адресу отдѣленія и его начальника и, пожелавъ успѣха въ службѣ, распрощался.

Сдѣлавъ затѣмъ нѣсколько визитовъ, я вернулся въ отдѣленіе, гдѣ перезнакомился со служащими. Помощникомъ начальника былъ жандармскій подполковникъ Сазоновъ, которому Зубатовъ и передалъ меня для выучки. Были въ отдѣленіи еще два жандармскихъ офицера — Петерсенъ и Герарди, но они находились въ командировкахъ. Поручикъ Б. А. Герарди велъ тогда разслѣдованіе о хищеніяхъ въ разныхъ войсковыхъ частяхъ оружія и о переправѣ его черезъ Кавказъ въ Персію. Въ двухъ мѣстахъ были скрадены даже артиллерійскія орудія. Военное министерство само просило, чтобы разслѣдованіе произвелъ жандармскій офицеръ. Герарди блестяще справился съ порученіемъ и былъ награжденъ Владиміромъ 4-й степени, что тогда являлось рѣдкой наградой и, потому, Герарди былъ тогда героемъ дня въ корпусѣ. Позже онъ до самой революціи состоялъ начальникомъ дворцовой полиціи, а при большевикахъ былъ разстрѣлянъ. Это былъ выдающійся офицеръ.

Въ отдѣльномъ кабинетѣ сидѣлъ сумрачный въ очкахъ блондинъ, бывший когда то революціонеромъ, Л. П. Меньшиковъ. Въ комнатѣ рядомъ, сидѣли дѣлопроизводитель, отъ котораго почти всегда отдавало букетомъ, и чиновникъ для порученій А. И. Войлошниковъ, симпатичный, привѣтливый, хорошій человекъ. Въ 1905 году при Московскомъ возстаніи, Войлошниковъ былъ разстрѣлянъ на Ирѣнѣ дружиной социалистовъ-революціонеровъ на глазахъ жены и маленькихъ дѣтей. Тогда это произвело на всѣхъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Мнѣ было какъ-то не по себѣ въ этой необычной для военнаго обстановкѣ.

Скоро затѣмъ Сазоновъ взялъ меня къ себѣ въ свой громаднй кабинетъ, съ двумя письменными столами, съ портретами по стѣнамъ и съ зеркаломъ на угловомъ столикѣ, и далъ краткое, но толковое объясненіе о томъ, что такое охранное отдѣленіе и какія его права и обязанности. По товарищески же далъ и нѣсколько совѣтовъ, къ кому и какъ относиться и съ кѣмъ какъ держаться. О Зубатовѣ и Мѣдниковѣ онъ говорилъ особенно серьезно, упирая на то, что они отлично знаютъ свое дѣло. Совѣтовалъ онъ мнѣ не допытываться очень гдѣ, что и какъ, объясняя, что со временемъ само все прійдетъ и что такъ будетъ лучше, такъ какъ очень любопытныхъ не любятъ... Предупредилъ онъ и о томъ, что по отношенію постороннихъ надо быть сдержаннымъ на словахъ, быть осторожнымъ, конспиративнымъ, какъ выразился онъ, т. е. ничего о служебныхъ дѣлахъ не рассказывать; не рассказывать ничего и домашнимъ.

Въ шесть часовъ Сазоновъ сказалъ мнѣ: — «Ну теперъ пойдѣмъ прощаться къ начальству, таковъ у насъ порядокъ».

Мы прошли въ кабинетъ Мѣдникова, гдѣ кромѣ него былъ и Зубатовъ, и Войлошниковъ. Поглаживая бородку стоялъ Меньшиковъ.

— «Ну что же, господа, пора и по домамъ» — сказалъ намъ Зубатовъ и, пожавъ руку каждому и пожелавъ всего хорошаго, ушелъ въ свой кабинетъ. Мѣдниковъ съ грохотомъ закрылъ свою конторку, привѣтливо распрощался съ каждымъ изъ насъ, и всѣ разошлись.

Только къ 7-ми часамъ вечера, когда было уже совсѣмъ темно, вернулся я домой, гдѣ жена и сестра съ мужемъ забросали меня вопросами. Я же былъ какъ въ туманѣ. Все, что я видѣлъ и слышалъ, было такъ ново, странно и таинственно. Совѣтъ Сазонова о конспиративности звучалъ въ ухахъ... Я кое какъ разъяснился, говоря, что всѣ были очень вѣжливы, привѣтливы и конспиративны. Это слово очень сразу понравилось.

Въ Москву я попалъ въ первый разъ. Мнѣ такъ хотѣлось посмотрѣть городъ, хотѣлось на воздухъ, я одѣлся и поѣхалъ въ Кремль. Помолвившись у Иверской и поставивъ свѣчку, я прошелъ на Красную площадь. Чудный зимній вечеръ. Луна обдаетъ блѣднымъ свѣтомъ бѣлый покровъ площади. Справа Кремль съ убѣгающей въ даль стѣной, слѣва грандіозные Красные ряды. Въ глубинѣ, на звѣздномъ небѣ, причудливо вырисовывается силуэтъ Василия Блаженнаго.

Иду направо въ Никольскія ворота. Мерцаетъ лампада передъ образомъ Николая Чудотворца. Я снимаю шапку и прохожу въ Кремль.

Высится Успенскій Соборъ, уходитъ въ небо Иванъ Великій, а вотъ и Царь-колоколъ и Царь-пушка. Какъ знакомы они по картинамъ съ дѣтства! Смотрю на Чудовъ монастырь, направляюсь къ памятнику Александра II и останавливаюсь пораженный...

Внизу застывшая Москва-рѣка, за ней — Замоскворѣчье. Тысячи огней. Снѣжная пелена отливаетъ голубоватымъ отцвѣтомъ... и повсюду церкви, церкви, сорокъ-сороковъ...

Обернулся я — блеститъ Иванъ Великій, блестятъ купола соборные, монастырскіе, а издали смотритъ всѣми окнами, красивый какъ въ сказкѣ, застывшій на морозѣ Царскій Дворецъ — колыбель Царя-Освободителя.

Пораженный дивнымъ видѣніемъ, стою какъ зачарованный...

Тихо прохожу я затѣмъ въ Спасскія ворота и я снова на Красной площади. Лобное мѣсто. Молніеносно проносится въ воображеніи Іоаннъ Грозный и казни стрѣльцовъ при Петрѣ. Миную Пожарскаго съ Мининымъ и, въ раздумьи, подавленный величіемъ видѣннаго, возвращаюсь къ себѣ домой и бросаюсь въ постель.

Вотъ она, бѣлокаменная, вотъ она — сердце Россіи. При какой странной обстановкѣ я тебя вижу впервые. Я люблюсь тобой поздно вечеромъ, пріѣхавъ рано утромъ... Какъ все это странно... Что за странная новая служба... Какіе странные люди... Зубатовъ, Мѣдниковъ... А тотъ, что возится внизу въ коридорчикѣ, несуразный, въ большой шляпѣ и съ пледомъ на плечахъ... И помѣщеніе странное... Желѣзная витая лѣстница... и я заснулъ подъ думы о своемъ новомъ положеніи. Тревожный то былъ сонъ, какъ тревожна была и вся дальнѣйшая моя служба.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Извѣстность Московскаго охраннаго отдѣленія и причины того. — Внутренняя агентура. — Что такое сотрудникъ. — Два крайнихъ типа сотрудниковъ: Жученко и провокаторъ Азефъ. — С. В. Зубатовъ. — Вербовка сотрудниковъ. — Зубатовъ и Гершуни. — Взглядъ Зубатова на сотрудниковъ. — Сложность вопроса сотрудничества. — Е. П. Мѣдниковъ. — Наружное наблюденіе. — На пріемѣ филеровъ. — Летучій филерскій отрядъ Департамента полиціи. — Значеніе Мѣдникова. — Другіе служащіе. — Л. П. Меньшиковъ, его служба и измѣна правительству. — Перлюстрація и ея прошлое. — Перлюстрація при послѣднемъ царствованіи.

Московское охранное отдѣленіе того времени занимало исключительное положеніе среди розыскныхъ органовъ Россіи и дѣятельность его распространилась далеко за предѣлы Москвы и ея губерніи. Отдѣленіе уже вычистило къ тому времени Москву и раскрыло нѣсколько революціонныхъ организацій внѣ ея.

Такъ, въ 1895 году отдѣленіе арестовало въ Москвѣ кружокъ студента Распутина, имѣвшій намѣреніе приготовить покушеніе на молодого Государя и дѣлавшій для того нѣкоторыя приготовленія. Оно разгромило передъ тѣмъ складывавшуюся благодаря Натансону партію: «Народнаго Права», арестовавъ по разнымъ городамъ ея главарей и взявъ въ Смоленскѣ ея типографію. Оно проникло своимъ розыскомъ даже въ Петербургъ и арестовало въ 1896 году на Лахтѣ типографію «Группы Народовольцевъ».

Ко времени моего приѣзда отдѣленіе работало по Сѣверо-Западному краю, гдѣ въ Минскѣ, какъ разъ весною 1900 года, оно произвело большіе аресты социалистовъ-революціонеровъ, во главѣ съ Е. Гальпериномъ, Л. Клячко и Г. Гершуни, гдѣ работала и «бабушка» Е. Брешковская, ускользнувшая тогда отъ ареста.

Та организація называлась «Рабочей Партіей политическаго освобожденія Россіи», имѣла свою типографію, гдѣ была напечатана ярко-террористическаго характера брошюра «Свобода», надѣлавшая тогда много шума. Типографія та была арестована отдѣленіемъ.

Все это, а также и другіе успѣхи по преслѣдованію революціонеровъ были достигнуты отдѣленіемъ съ помощью внутренней агентуры, т. е. черезъ тѣхъ членовъ революціонныхъ организацій, которые по тѣмъ или инымъ побужденіямъ давали политической полиціи свѣдѣнія о дѣятельности своихъ организацій и ихъ отдѣльныхъ членовъ.

Они выдавали своихъ близкихъ жандармеріи, служба для нея шпионами, и назывались у политической полиціи «сотрудниками», у своихъ же шли подъ именемъ «провокаторовъ».

Сотрудникъ не считался на службѣ у отдѣленія, онъ не былъ его чиномъ, не значился по вѣдомостямъ, поступавшимъ въ Государственный Контроль; онъ былъ для отдѣленія человѣкомъ другого враждебнаго лагеря, помогавшимъ лишь правительству въ его борьбѣ съ революціонерами, откуда и самое названіе — сотрудникъ.

Не жандармерія дѣлала Азефовъ и Малиновскихъ, имъ же имя легіонъ, вводя ихъ какъ своихъ агентовъ въ революціонную среду; нѣтъ, жандармерія выбирала лишь ихъ изъ революціонной среды. Ихъ создавала сама революціонная среда. Прежде всего они были членами своихъ революціонныхъ организацій, а уже затѣмъ шли шпионить про своихъ друзей и близкихъ органамъ политической полиціи.

Чины охраннаго отдѣленія или жандармскаго управленія, отъ начальника до младшаго филера, никогда въ революціонные ряды не становились.

Умѣнемъ привлечь изъ революціонныхъ и общественныхъ круговъ лицъ, которыя освѣщали бы ихъ дѣятельность, тогда славилось именно Московское охранное отдѣленіе. Наличностью этихъ сотрудниковъ изъ социалистовъ и общественниковъ и объяснялись успѣхи Московскаго отдѣленія и его популярность.

Въ числѣ такихъ сотрудниковъ отдѣленія уже тогда состояли двое, изъ которыхъ одинъ, убѣжденный врагъ социализма и революціонеровъ, являлся образчикомъ самаго лучшаго, идейнаго, преданнаго правительству сотрудника, какихъ вообще бывало немного, другой же, наоборотъ, далъ въ послѣдствіи примѣръ типа отрицательнаго и нежелательнаго — сотрудника провокатора. Первымъ была Зинаида Гернгроссъ, вторымъ — Ев. Азефъ.

Зинаида Феодоровна Гернгроссъ стала сотрудничать на Московское охранное отдѣленіе въ 1895 г. и раскрыла властямъ Московскій террористическій кружокъ Распутина, подготовлявшій покушеніе на Императора Николая II-го, которое предполагалось совершить при въѣздѣ Государя въ Москву на коронаціонныя торжества 1896 года.

Дѣло было разрѣшено въ административномъ порядкѣ, и сама Гернгроссъ, какъ замѣшанная въ немъ, была выслана на 5 лѣтъ въ Кутаисъ, гдѣ вышла замужъ за врача Жученко, а затѣмъ скоро переѣхала въ Юрьевъ и выѣхала за-границу.

Будучи убѣжденной монархисткой и ненавидя революціонныя партіи съ ихъ подпольной грязью всей душой, Жученко рѣшила бороться съ ними жесточайшимъ образомъ, не преслѣдуя при томъ никакой корыстной цѣли. Она вновь стала сотрудничать на Департаментъ полиціи и оказала ему рядъ цѣннѣйшихъ услугъ по раскрытію дѣятельности партіи социалистовъ-революціонеровъ, и, благодаря ей, въ руки правосудія были преданы многіе серьезные революціонные дѣятели и предупреждены грандіозныя террористическія покушенія.

Въ 1909 году, благодаря измѣнѣ Меньщикова, Жученко была разоблачена Бурцевымъ, и въ Августѣ того же года центральный комитетъ партіи социалистовъ-революціонеровъ объявилъ ее провокаторомъ.

Въ томъ же году къ Жученко, жившей съ сыномъ въ Шарлотенбургѣ, заявился добровольный шефъ революціоннаго розыска социалистъ В. Л. Бурцевъ, средства розыска котораго, кстати сказать, были тѣ же, что и у ненавистнаго ему Департамента полиціи, т. е. внутренняя агентура, которую онъ вербовалъ среди чиновниковъ правительства, и филерство, которое осуществлялось въ нужныхъ случаяхъ членами революціонныхъ партій. То, что считалось преступнымъ и подлымъ со стороны правительства, признавалось необходимымъ и хорошимъ въ своихъ собственныхъ рукахъ: такова этика революціонеровъ.

При двухъ свиданіяхъ съ Бурцевымъ, Жученко честно, открыто, съ полнымъ достоинствомъ и мужествомъ и въ гордомъ сознаніи той государственной пользы, которую она приносила родинѣ, раскрывая работу подтачивающихъ ее революціонныхъ партій, высказала свои взгляды на сотрудничество.

— «Да, я служила, — говорила она Бурцеву, — къ сожалѣнію, не пятнадцать лѣтъ, а только три, но служила, и я съ удовольствіемъ вспоминаю о своей работѣ, потому что служила не за страхъ, а по убѣжденію. Теперь скрывать нечего. Спрашивайте меня, и я буду отвѣчать. Но помните: я не открою Вамъ ничего, что повредило бы намъ, служащимъ въ Департаментѣ полиціи... Я служила идеѣ... помните, что я честный сотрудникъ Департамента полиціи въ его борьбѣ съ революціонерами... Сотрудничество — одно изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ революціей... Я не одна; у меня много единомышленниковъ, какъ въ Россіи, такъ и за-границей. Мнѣ дано высшее счастье остаться вѣрной до конца своимъ убѣжденіямъ, не проявить шкурнаго страха, и мысль о смерти меня не страшила никогда...» (Павловъ. «Агенты, жандармы, палачи». Стр. 33 - 37 - 38).

Честный фанатикъ, революціонеръ Бурцевъ столкнулся съ не менѣе честнымъ фанатикомъ - сотрудникомъ Жученко. И моральная побѣда въ этомъ столкновеніи правительства съ революціей, осталась всецѣло на сторонѣ правительства — на сторонѣ Жученко. Фанатикъ революціонеръ долженъ былъ признать моральную силу убѣжденнаго сотрудника, и Бурцевъ пожалъ на прощанье руку Жученко со словами: «Какъ человѣку честному, жму Вашу руку». (Стр. 41).

И передъ этой моральной силой честности, долга и мужества склонился даже и центральный комитетъ партіи социалистовъ-революціонеровъ: Жученко не мстили, ея не тронули.

Прямую противоположностью является, въ то время скромный еще сотрудникъ, но впослѣдствіи сдѣлавшійся знаменитостью, какъ провокаторъ, — Азефъ.

Азефъ это безпринципный и корыстолюбивый эгоистъ, работавшій на пользу иногда правительства, иногда революціи; измѣнявшій и одной, и другой сторонѣ, въ

зависимости отъ момента и личной пользы; дѣйствовавшій не только какъ освѣдომитель правительства, но и какъ провокаторъ въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, т. е. самолично учинявшій преступленія и выдававшій ихъ затѣмъ частично правительству, корысти ради.

Между этими двумя крайностями, располагался рядъ иныхъ сотрудниковъ, молодыхъ и пожилыхъ, всякихъ сословій, профессій и категорій. Единственная среда, которая не давала «сотрудниковъ» — было офицерство. Предательство и спекуляція на товариществѣ были чужды офицерству Царской Россіи.

Мастеромъ по приобрѣтенію сотрудниковъ считался самъ начальникъ отдѣленія — Зубатовъ.

Сергѣй Васильевичъ Зубатовъ учился въ одной изъ Московскихъ гимназій и, будучи въ старшихъ классахъ, принималъ участіе въ ученической кружковщинѣ, гдѣ сталкивался, между прочимъ, съ однимъ изъ основателей партіи социалистовъ-революціонеровъ Михаиломъ Годомъ.

Послѣ гимназій онъ не пошелъ въ университетъ, а поступилъ чиновникомъ въ охранное отдѣленіе, гдѣ дослужился до помощника начальника, а затѣмъ, какъ знатокъ розыскаго дѣла, внѣ правилъ, т. к. не былъ жандармскимъ офицеромъ, былъ назначенъ и начальникомъ.

Начитанный, хорошо знакомый съ исторіей, интересовавшійся всѣми социальными вопросами, Зубатовъ былъ убѣжденный монархистъ. Онъ считалъ, что Царская власть, давая Россіи величіе, прогрессъ и цивилизацію — есть единственная, свойственная ей, форма правленія.

Безъ Царя не можетъ быть Россіи, говорилъ онъ намъ не разъ; счастье и величіе Россіи въ ея Государяхъ и ихъ работѣ. Возьмите исторію... И доказательства выпалили какъ изъ рога изобилія.

«Такъ будетъ и дальше. Тѣ, кто идутъ противъ монархіи въ Россіи — идутъ противъ Россіи, съ ними надо бороться, не на жизнь, а на смерть».

И онъ боролся всѣми законными, имѣвшимися въ его распоряженіи средствами и училъ и насъ, офицеровъ, тому же.

Пройдя въ молодости революціонныя увлеченія, зная отлично революціонную среду съ ея вождями, изъ которыхъ многіе получали отъ него субсидіи за освѣщеніе работы своихъ же сотоварищей, онъ зналъ цѣну всякимъ «идейностямъ», зналъ и то, какимъ оружіемъ надо бить этихъ спасителей Россіи всякихъ видовъ и отѣнковъ.

Для успѣха борьбы нужно было освѣдомленіе черезъ сотрудниковъ, и Зубатовъ искалъ ихъ. Послѣ каждыхъ групповыхъ арестовъ или ликвидацій, Зубатовъ подолгу бесѣдовалъ съ тѣми изъ арестованныхъ, кто казался ему интереснымъ. Это не были допросы, это были бесѣды за стаканомъ чая о неправильности путей, которыми идутъ революціонеры, о вредѣ, который они наносятъ государству. Во время этихъ разговоровъ, со стороны Зубатова дѣлались предложенія помогать правительству въ борьбѣ съ революціонными организаціями. Нѣкоторые шли на эти предложенія, многіе же, если и не шли, то все таки сбивались бесѣдами Зубатова съ своей линіи, уклонялись отъ нея, другіе же совсѣмъ оставляли революціонную дѣятельность.

Однимъ изъ такихъ сбитыхъ временно съ его революціоннаго пути оказался и знаменитый по послѣдующей работѣ Гершуни. По заарестованіи въ Минскѣ, Гершуни содержался подъ стражей въ Москвѣ. У Зубатова были, конечно, свѣдѣнія о томъ, что дѣлалъ Гершуни въ Минскѣ, какъ формировалъ онъ тамъ летучія библіотеки, фабриковалъ небольшія типографіи и разсылалъ ихъ съ Брешко-Брешков-

ской по разнымъ городамъ. Зналъ онъ и о взглядахъ Гершуни на терроръ, какъ на необходимый способъ борьбы съ правительствомъ. Данныхъ, хотя и агентурныхъ, было достаточно, чтобы послать Гершуни административнымъ порядкомъ въ далекую Сибирь, но Зубатовъ этого не сдѣлалъ. Онъ хотѣлъ переломить Гершуни идейно. Онъ не разъ вызывалъ Гершуни на допросы. Долгія бесѣды вели два противника и, въ результатѣ, Гершуни далъ подробное показаніе и тѣмъ купилъ себѣ свободу, избавилъ себя отъ ссылки. Онъ былъ освобожденъ и вернулся въ Минскъ. Моральная побѣда Зубатова была велика, но ненадолго.

Зубатовъ не понялъ тогда достаточно хорошо Гершуни, не разглядѣлъ въ немъ уже готоваго, убѣжденнаго террориста, слишкомъ довѣрчиво отнесся къ нему, повѣрилъ ему. Очутившись на свободѣ, Гершуни оправился отъ вліянія Зубатова и отомстилъ правительству, какъ видно будетъ дальше, жестоко.

Зубатовъ не смотрѣлъ на сотрудничество какъ на простую куплю и продажу, а видѣлъ въ немъ дѣло идейное, что старался внушить и офицерамъ. Училъ онъ также относиться къ сотрудникамъ бережно.

«Вы, господа, говорилъ онъ, должны смотрѣть на сотрудника какъ на любимую женщину, съ которой Вы находитесь въ нелегальной связи. Берегите ее, какъ зеницу ока. Одинъ неосторожный вашъ шагъ, и Вы ее опозорите. Помните: провалъ сотрудника для васъ лишь нѣкоторый ущербъ по службѣ; для него-же это смерть гражданская, а часто и физическая. Проникнитесь этимъ, поймете это, относитесь къ этимъ людямъ такъ, какъ я вамъ совѣтую, и они поймутъ васъ, довѣрятся вамъ и будутъ работать съ Вами честно и самоотверженно. Штучниковъ гоните прочь, это не работники, это... продажныя шкуры. Съ ними нельзя работать... Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилію и помните только по псевдониму».

«Помните, что въ работѣ сотрудника, какъ-бы онъ ни былъ Вамъ преданъ и какъ-бы онъ честно ни работалъ, всегда, рано или поздно, наступитъ моментъ психологическаго перелома... Не прозѣвайте этого момента. Это моментъ, когда Вы должны разстаться съ Вашимъ сотрудникомъ. Онъ больше не можетъ работать. Ему тяжело. Отпускайте его. Разставайтесь съ нимъ. Выведите его осторожно изъ революціоннаго круга, устройте его на легальное мѣсто, исхлопочите ему пенсію, сдѣлайте все, что въ силахъ человѣческихъ, чтобы отблагодарить его и распрощаться съ нимъ по хорошему».

«Помните, что переставъ работать въ революціонной средѣ, сдѣлавшись мирнымъ членомъ общества, онъ будетъ полезенъ и дальше для государства, хотя и не сотрудникомъ; будетъ полезенъ уже въ новомъ положеніи. Вы лишаетесь сотрудника, но Вы приобрѣтаете въ обществѣ друга для правительства, полезнаго чловѣка для государства».

Благодаря такимъ взглядамъ Зубатова, работа по розыску приобрѣтала интересный характеръ. Проводя ихъ въ жизнь, Зубатовъ сумѣлъ поставить внутреннюю агентуру на рѣдкую высоту. Освѣдомленность отдѣленія была изумительна. Его имя сдѣлалось нарицательнымъ и ненавистнымъ въ революціонныхъ кругахъ. Москву считали гнѣздомъ «провокаціи». Заниматься въ Москвѣ революціонной работой считалось безнадежнымъ дѣломъ.

Красиво и убѣдительно говорилъ Зубатовъ, подготавливая изъ насъ будущихъ руководителей политическаго розыска, но воспринять сразу эту государственную точку зрѣнія на внутреннюю агентуру было трудно. Мы принимали какъ безспорные всѣ совѣты относительно сотрудниковъ и всетаки они въ нашихъ глазахъ были предателями по отношенію своихъ товарищей. Мы понимали, что безъ шпионовъ

нельзя знать, что дѣлается во вражескомъ лагерѣ; мы сознавали, что сотрудниковъ надо имѣть такъ же, какъ надо имѣть военныхъ шпионовъ, чтобы получать необходимыя свѣдѣнія про непріятельскія армію и флотъ, про ихъ мобилизаціонные планы и т. д., и т. д. Все это мы понимали хорошо, но намъ офицерамъ, воспитаннымъ въ традиціяхъ товарищества и вѣрности дружбѣ, стать сразу на точку холоднаго разума и начать убѣждать человѣка, чтобы онъ, ради пользы дѣла, забылъ все самое интимно-дорогое и шелъ на измѣну, было тяжело и трудно. Нашъ не военный начальникъ не могъ этого понять. Да мы и не говорили много съ нимъ объ этомъ. Но между собою мы, офицеры, подолгу бесѣдовали на эту тему. Въ насъ шла борьба.

Въ результатѣ государственная точка зрѣнія побѣдила. Мы сдѣлались сознательными офицерами розыска, смотрѣвшими на него, какъ на очень тяжелое, непріятное, щепетильное, но необходимое для государства дѣло. Впрочемъ, жизнь, какъ увидѣли мы позже, очень упрощала нашу задачу. Переубѣждать и уговаривать приходилось рѣдко: предложенія услугъ было больше, чѣмъ спросу...

Послѣ революціи, одинъ очень почтенный старикъ революціонеръ, работавшій по разборкѣ дѣлъ Департамента полиціи, рассказывалъ мнѣ, что правительство Керенскаго имѣло намѣреніе опубликовать списки всѣхъ сотрудниковъ департамента. Но когда стали готовить работу, то число ихъ, за все время существованія департамента (число лишь зарегистрированныхъ у департамента), дошло до цифры десять тысячъ. Мысль объ опубликованіи оставили. Я не думаю, чтобы рассказчикъ говорилъ неправду. Не въ его интересахъ было обзывать такое количество революціонеровъ и общественниковъ, какъ онъ выражался, провокаторами...

Правой рукой Зубатова былъ Евстратій Павловичъ Мѣдниковъ, человѣкъ въ то время лѣтъ 50-ти. Онъ завѣдовалъ агентами наружнаго наблюденія или филерами, которые, наблюдая на улицахъ за данными имъ лицами, выясняли наружно, что тѣ дѣлали, съ кѣмъ встрѣчались и какія мѣста посѣщали. Наружное наблюденіе развивало данныя внутренней агентуры.

Мѣдниковъ былъ простой, малограмотный человѣкъ, старообрядецъ, служившій раньше полицейскимъ надзирателемъ. Природный умъ, сметка, хитрость, трудоспособность и настойчивость выдвинули его. Онъ понялъ филерство какъ подрядъ на работу, прошелъ его горбомъ и скоро сдѣлался нарядчикомъ, инструкторомъ и контролеромъ. Онъ создалъ въ этомъ дѣлѣ свою школу — Мѣдниковскую, или, какъ говорили тогда, «Евстраткину» школу. Свой для филеровъ, которые въ большинствѣ были изъ солдатъ уже и тогда, онъ зналъ и понималъ ихъ хорошо, умѣлъ разговаривать, ладить и управляться съ ними.

Двѣнадцать часовъ ночи. Огромная низкая комната съ большимъ дубовымъ столомъ по-серединѣ полна филеровъ. Молодые, пожилые и старые, съ обвѣтренными лицами, они стоятъ кругомъ по стѣнамъ въ обычной позѣ — разставивъ ноги и заложивъ руки назадъ.

Каждый по очереди докладываетъ Мѣдникову данныя наблюденія и подаетъ затѣмъ записку, гдѣ все сказанное отмѣчено по часамъ и минутамъ, съ помѣткой израсходованныхъ по службѣ денегъ

— «А что-же Волкъ?» — спрашиваетъ Мѣдниковъ одного изъ филеровъ.

— «Волкъ, Евстратій Павловичъ, — отвѣчаетъ тотъ, — очень остороженъ. Выходъ провѣряетъ, заходя куда либо, также провѣрку дѣлаетъ и опять-таки и на поворотахъ и за углами, тоже иногда. Тертый.»

— «Заклепка, — докладываетъ другой, — какъ заяцъ бѣгаетъ, ничего не видитъ, никакой конспираціи, совсѣмъ глупый...»

Мѣдниковъ внимательно выслушиваетъ доклады про всѣхъ этихъ Заклепокъ, Волковъ, Умныхъ, Быстрыхъ и Галокъ, такъ по кличкамъ назывались всѣ проходившіе по наблюденію. Онъ дѣлаетъ заключенія, то одобрительно киваетъ головой, то выказываетъ недовольство.

Но вотъ онъ подошелъ къ филеру, любящему, повидимому, выпить. Видъ у того сконфуженный; молчитъ, точно чувствуетъ, что провинился.

— «Ну что-же, докладывай!» — говоритъ иронически Мѣдниковъ.

Путаясь и заикаясь, начинаетъ филеръ объяснять, какъ онъ наблюдалъ съ другимъ филеромъ Аксеновымъ за «Куликомъ», какъ Куликъ зашелъ на Козихинскій пер., домъ № 3, да такъ и не вышелъ оттуда, не дождались его.

— «Такъ таки и не вышелъ», — продолжаетъ иронизировать Мѣдниковъ, — «Не вышелъ, Евстратій Павловичъ». — «А долго ты ждалъ его?». — «Долго, Евстратій Павловичъ». — «А до какихъ поръ?» — «До 11-ти, Евстратій Павловичъ».

Тутъ Мѣдниковъ уже не выдерживаетъ больше. Онъ уже знаетъ отъ старшаго, что филеры ушли съ поста въ пивную около 7-ми часовъ, не дождавшись выхода наблюдаемаго, почему онъ и не былъ проведенъ дальше. А у Кулика должно было состояться вечеромъ интересное свиданіе съ «пріѣзжимъ» въ Москву революционеромъ, котораго надо было установить. Теперь этотъ неизвѣстный «пріѣзжій» упущенъ.

Побагровѣвъ, Мѣдниковъ сгребаетъ рукой фізіономію филера и начинаетъ спокойно давать зуботычины. Тотъ только мычитъ и, высвободившись, наконецъ, головой, всхлипываетъ: — «Евстратій Павловичъ, простите, виновать». — «Виновать, мерзавецъ, такъ и говори, что виновать, говори прямо, а не ври! Молодь ты, чтобъ мнѣ врать. Понялъ: мо-лодь ты», — съ разстановкой отчеканилъ Мѣдниковъ. — «Дуррракъ!» — и ткнувъ еще разъ, больше для виду. Мѣдниковъ, уже овладѣвшій собою, говоритъ спокойно: — «По пятёркѣ штрафу обоимъ. А на слѣдующій разъ вонъ; прямо вонъ, не ври! На нашей службѣ врать нельзя. Не додѣлалъ — винись, кайся, а не ври, дуррракъ!...»

Эта расправа по-свойски; своя Евстраткина система. То, что происходило въ филерской, знали только филеры да Мѣдниковъ. Тамъ и награды, и наказанія, и прибавки жалованья, и штрафы, тамъ и расходныя, т. е. уплата того, что израсходовано по службѣ, что трудно учесть и что всецѣло зависитъ отъ Мѣдникова.

Просмотрѣвъ расходъ, Мѣдниковъ произносилъ обычно: — «Ладно, хорошо». Найдя-же въ счетѣ преувеличенія, говорилъ спокойно: — «Скидай полтинникъ; больно дорого платишь извощику, скидай!». И филеръ «скидалъ», зная, что, во первыхъ, Евстратій Павловичъ правъ, а во вторыхъ, все равно всякіе споры бесполезны.

Кромѣ своихъ филеровъ, при Московскомъ отдѣленіи былъ еще летучій филерскій отрядъ Департамента полиціи, которымъ также вѣдалъ Мѣдниковъ. Этотъ отрядъ разъѣзжалъ по Россіи, разрабатывая агентурныя свѣдѣнія Зубатова или департамента, работая, какъ-бы подъ фирмой послѣдняго. По дѣловитости, опытности и серьезности филеровъ, которые въ большинствѣ брались изъ московскихъ филеровъ, летучій отрядъ былъ отличнымъ наблюдательнымъ аппаратомъ, не уступавшимъ по умѣнію приспособляться къ обстоятельствамъ, по подвижности и конспираціи, профессиональнымъ революціонерамъ.

То была старая Мѣдниковская школа. Лучше его филеровъ не было, хотя выпивали они здорово, и для всякаго посторонняго взгляда казались недисциплинированными и неприятными. Они признавали только Мѣдникова. Мѣдниковскій фи-

леръ могъ пролежать въ бакѣ надъ ванной, какъ понадобилось однажды, цѣлый вечеръ; онъ могъ долгими часами выжидать на жуткомъ морозѣ наблюдаемаго съ тѣмъ, чтобы провести его затѣмъ домой и установить, гдѣ онъ живетъ; онъ могъ безъ багажа вскочить въ поѣздъ за наблюдаемымъ и уѣхать внезапно, часто безъ денегъ, за тысячи верстъ; онъ попадалъ и за-границу, не зная языковъ, и умѣлъ вывертываться.

Его филеръ стоялъ извощикомъ такъ, что самый опытный профессиональный революціонеръ не могъ-бы признать въ немъ агента. Умѣлъ онъ изображать изъ себя и торговца спичками, и вообще лотошника. При надобности могъ прикинуться онъ и дурачкомъ и поговорить съ наблюдаемымъ, якобы проваливая себя и свое начальство. Когда-же служба требовала, онъ съ полнымъ самоотверженіемъ продолжалъ наблюдение даже за боевикомъ, зная, что рискуетъ при провалѣ получить на окраинѣ города пулю браунинга или ударъ ножа, что и случалось.

Единственно, чего не было у Мѣдниковскаго филера, это сознанія собственнаго профессиональнаго достоинства. Онъ былъ отличный специалистъ ремесленникъ, но не былъ проникнутъ тѣмъ, что въ его профессіи не было ничего зазорнаго. Этого Мѣдниковъ имъ привить не могъ, его не хватало на это. Въ этомъ отношеніи провинціальныя жандармскіе унтеръ-офицеры, ходившіе въ штатскомъ и исполнявшіе обязанности филеровъ, стояли много выше, понимая свое дѣло какъ государственную службу. Позже и штатскіе филеры, подчиненные жандармскимъ офицерамъ, воспитывались именно въ этомъ новомъ направленіи, что облагораживало ихъ службу и много помогало дѣлу.

Во всѣхъ раскрытіяхъ отдѣленія, роль наружнаго наблюдения была очень велика, благодаря чему, главнымъ образомъ, Мѣдниковъ и слѣлался самымъ близкимъ довереннымъ лицомъ Зубатова. У близкой Мѣдникову женщины была главная конспиративная квартира Зубатова, гдѣ жилъ и самъ Мѣдниковъ, гдѣ происходили и свиданія съ нѣкоторыми сотрудниками и съ другими лицами по дѣламъ розыска. Зналъ онъ и оберегалъ и другія мѣста, гдѣ происходили свиданія Зубатова и другихъ чиновъ отдѣленія, если они допускались къ этому дѣлу. Допускался же далеко не каждый, т. к. агентура, эта святая святыхъ отдѣленія, бережно охранялась отъ всякаго не только посторонняго, но и своего отдѣленскаго взгляда.

Въ вѣдѣніи Мѣдникова находился и извощичій филерскій дворъ, гдѣ было нѣсколько выѣздовъ, ничѣмъ не отличавшихся наружно отъ обыкновенныхъ Ванекъ. Комбинація коннаго наблюдения съ пѣшимъ приносила большую пользу при наблюдении.

У Мѣдникова на рукахъ была и касса. Зубатовъ былъ безсребренникомъ въ полномъ смыслѣ слова, то былъ идеалистъ своего дѣла; Мѣдниковъ-же — сама реальность, сама жизнь. Всѣ расчеты у него. Работая за десятерыхъ и проводя нерѣдко ночь въ отдѣленіи на кожаномъ диванѣ, онъ въ то же время не упускалъ своихъ частныхъ интересовъ. Подъ Москвой у него было «имѣньице съ бычками, коровками и уточками, былъ и домикъ», было все. Рабочія руки были даровыя, дѣлай, что хочешь, свой человекъ — жена, хорошая простая женщина, вела хозяйство.

Приѣхавши въ Москву, я засталъ Мѣдникова уже старшимъ чиновникомъ для порученій, съ Владиміромъ въ петлицѣ, который въ то время давалъ права потомственнаго дворянства. Онъ уже выправилъ тогда всѣ документы на дворянство, имѣлъ грамоту и занимался составленіемъ себѣ герба; на немъ фигурировала пчела, какъ символъ трудолюбія, были и снопы.

Эти два человека, Зубатовъ и Мѣдниковъ, составляли нѣчто единое, самую суть московскаго отдѣленія, его главный рычагъ.

Были въ отдѣленіи три жандармскихъ офицера, были чиновники и полицейскіе надзиратели. Всѣ служили, работали, и результаты ихъ работы, какими-бы они путями ни восходили къ начальству, обязательно попадали сперва къ Мѣдникову и получали отъ него оцѣнку, а въ зависимости отъ того и направленіе.

Имѣлся въ отдѣленіи свой хорошій фотографъ и расшифровщикъ секретныхъ писемъ, а также и свой ученый еврей, который зналъ все по еврейству, что являлось при работѣ въ чертѣ осѣдлости большимъ подспорьемъ.

Была, наконецъ, и еще одна фигура, прогремѣвшая позже въ революціонномъ мірѣ, чиновникъ для порученій Л. П. Меньшиковъ, когда-то, какъ говорили, участникъ одной изъ революціонныхъ организацій, попавшій затѣмъ въ отдѣленіе и сдѣлавшій въ немъ, а послѣ и въ Департаментѣ полиціи большую чиновничью карьеру.

Угрюмый, молчаливый, корректный, всегда холодно вѣжливый, солидный блондинъ въ золотыхъ очкахъ и съ маленькой бородкой, Меньшиковъ былъ рѣдкій работникъ. Онъ держался особнякомъ. Онъ часто бывалъ въ командировкахъ, будучи же дома «сидѣлъ на перлюстраціи», т. е. писалъ въ Департаментъ полиціи отвѣты на его бумаги по выясненіямъ различныхъ перлюстрированныхъ писемъ. Писалъ также и вообще доклады департаменту по даннымъ внутренней агентуры.

Это считалось очень секретной частью, тѣсно примыкавшей къ агентурѣ, и насъ, офицеровъ, къ ней не подпускали, оставляя ее въ рукахъ чиновниковъ. Меньшиковское бюро краснаго дерева внушало намъ особое къ нему почтеніе. И когда однажды, очевидно по приказанію начальства, Меньшиковъ, очень хорошо относившійся ко мнѣ, уѣзжая въ командировку, передалъ мнѣ ключъ отъ своего бюро и нѣсколько бумагъ для отвѣтовъ департаменту, это произвело въ отдѣленіи нѣкоторую сенсацію. Меня стали поздравлять.

Меньшиковъ зналъ революціонную среду, и его сводки про революціонныхъ дѣятелей являлись исчерпывающими. За нимъ числилось одно большое дѣло. Говорили, что въ тѣ годы департаментъ овладѣлъ разъ явками и всѣми данными, съ которыми нѣкій заграничный представитель одной изъ революціонныхъ организацій долженъ былъ объѣхать рядъ городовъ и дать своимъ группамъ соответствующія указанія. Меньшикову были даны добытыя свѣдѣнія и, вооружившись ими, онъ въ качествѣ делегата объѣхалъ по явкамъ всѣ нужные пункты, повидался съ представителями мѣстныхъ группъ и произвелъ начальническую ревизію. Иными словами успѣшно разыгралъ революціоннаго Хлестакова, и въ результатѣ вся организація подверглась разгрому.

Меньшиковъ получилъ за то внѣ очереди хорошій орденъ. Позже, взятый въ Петербургъ, въ департаментъ, прослужившій много лѣтъ на государственной службѣ, принесшій несомнѣнно большую пользу правительству, онъ былъ уволенъ со службы директоромъ Департамента полиціи Трусевичемъ. Тогда Меньшиковъ вновь сталъ на сторону революціи и, находясь за границей, началъ опубликовывать тѣ секреты, которые зналъ. Вотъ результатъ быстрыхъ мѣропріятій шустрого директора.

Пріемъ въ розыскныя учрежденія лицъ, состоявшихъ ранѣе въ революціонныхъ организаціяхъ, являлся конечно недопустимымъ. Слишкомъ развращающе дѣйствовала подпольная революціонная среда на своихъ членовъ своею безпринципностью, бездѣльемъ, болтовнею и узко-партіею, чтобы изъ нея могъ выйти порядочный чиновникъ. Онъ являлся или сквернымъ работникомъ, или предателемъ интересовъ государства во имя партіею и революціи. Были конечно исключенія, но они являлись именно исключеніями.

Но разъ правительство это допускало, то исправленіе ошибки такимъ хирургическимъ способомъ, къ которому прибѣгалъ Трусевичъ, приносило лишь новый вредъ тому же правительству.

Перлюстрація писемъ членовъ революціонныхъ организацій была однимъ изъ источниковъ освѣдомленія о томъ, что въ ихъ средѣ дѣлается.

Перлюстрація практикуется издавна въ правительствахъ всего міра. Издавна прибѣгали къ ней и въ Россіи. Еще при Елизаветѣ Петровнѣ, лѣтомъ 1744 года, тогдашній канцлеръ Бестужевъ, желая раскрыть императрицѣ глаза на интриговавшаго при нашемъ дворѣ французскаго посла маркиза Де-ля-Шетарди, доложилъ государынѣ рядъ перлюстрированныхъ донесеній маркиза, въ которыхъ тотъ сообщалъ въ Версаль разныя сплетни и дѣйствовалъ безусловно во вредъ Россіи.

Императрица вознегодовала, и 12-го Іюня маркизу были предъявлены его перлюстрированныя депеши и онъ былъ высланъ изъ Москвы фактически въ 24 часа и, въ сопровожденіи офицера и галоппировавшаго вокругъ экипажа отряда драгунъ, былъ выпровоженъ за предѣлы Имперіи.

По вступленіи на престолъ Николая Павловича, въ поданной Государю запискѣ объ образованіи Корпуса жандармовъ, графъ Бенкендорфъ называетъ перлюстрацію «контръ-полиціей» и говоритъ о ней слѣдующее:

«Перлюстрація корреспонденціи уже есть контръ-полиція и наилучшая по своимъ несомнѣнымъ средствамъ, которыя охватываютъ все пространство Имперіи. Для этого надо имѣть въ нѣкоторыхъ только пунктахъ начальниковъ почтовыхъ бюро испытанной честности и усердія: какъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Волынѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Казани и Tobольскѣ».

Послѣ убійства Царя-Освободителя состоялось Высочайшее повеленіе Императора Александра III-го, данное министру внутреннихъ дѣлъ особымъ указомъ о разрѣшеніи ему, въ дѣлахъ высшей государственной охраны, вскрывать частную корреспонденцію помимо порядка, установленнаго Судебными Уставами.

Такъ какъ почта и телеграфъ были подчинены министру внутреннихъ дѣлъ, то на центральной станціи въ Петербургѣ и была организована перлюстрація нѣкоторой корреспонденціи, или, какъ говорила публика — черный кабинетъ.

До самой революціи 1917 года перлюстраціей вѣдалъ одинъ и тотъ же чиновникъ, состарившійся на своемъ дѣлѣ и дошедшій до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Его знали лишь министръ, директоръ Департамента полиціи и очень немногіе близкія имъ лица.

Въ послѣдніе годы бывало такъ. Какъ только назначался новый министръ внутреннихъ дѣлъ, въ тотъ же день къ нему являлся старичокъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Мардаріевъ и, представившись, подавалъ министру съ таинственнымъ видомъ большой съ тремя печатами пакетъ съ надписью «совершенно секретно», прося вскрыть.

Министръ вскрывалъ. То былъ Высочайшій указъ Александра III-го на право перлюстраціи. Происходилъ краткій обмѣнъ мыслей. Чиновникъ почтительно просилъ вновь запечатать пакетъ. Министръ вкладывалъ указъ въ тотъ же пакетъ, запечатывалъ поданнымъ ему чиновникомъ сургучомъ и печатью и возвращалъ старичку. Старичокъ почтительно раскланивался и тихо удалялся. Онъ продолжалъ хранить пакетъ въ глубочайшей тайнѣ до новаго министра, къ которому являлся съ той же процедурой. Такъ дожилъ онъ до революціи...

Въ черномъ кабинетѣ письма вскрывались по адресамъ, или по наружнымъ признакамъ, а частью на ощупь, какъ, напримѣръ, письма, присланныя изъ за границы съ нелегальной литературой.

Скопированныя, а нѣкоторыя въ подлинномъ видѣ, письма отсылались министру внутреннихъ дѣлъ, гдѣ часть ихъ поступала въ его личное распоряженіе, какъ на примѣръ письма сановниковъ и лицъ, окружающихъ Государя, часть же передавалась въ Департаментъ полиціи. Тамъ вѣдалъ перлюстраціей специализировавшійся на томъ особый чиновникъ.

Письма участниковъ революціоннаго движенія подвергались дѣйствіямъ различныхъ кислотъ въ цѣляхъ проявленія секретнаго текста, расшифровывались, копировались и отсылались мѣстнымъ розыскнымъ органамъ для выясненія и дальнѣйшихъ по нимъ мѣропріятій. Данныя перлюстраціи служили только для розыска, какъ добытыя «негласнымъ путемъ», и использованію на дознаніяхъ не подвергались.

Въ послѣдніе годы распоряженіями министровъ внутреннихъ дѣлъ перлюстрація была заведена и еще въ нѣсколькихъ пунктахъ имперіи, чѣмъ также вѣдали чины почтоваго вѣдомства. Корпусъ жандармовъ перлюстраціей никогда не занимался; эта обязанность на немъ не лежала, если же гдѣ либо въ провинціи это дѣлалось, то лишь по собственной инициативѣ и скрытно отъ начальства.

Агентурныя свѣдѣнія, данныя наружнаго наблюденія и перлюстрація являлись тремя главными источниками освѣдомленія политической полиціи. Послѣ обысковъ и арестовъ свѣдѣнія эти пополнялись ихъ результатами и показаніями арестованныхъ. Путемъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ, путемъ дополнительныхъ установокъ и выясненій, воспроизводилась полная картина работы отдѣльныхъ революціонныхъ дѣятелей и ихъ организацій.

Этой работой въ отдѣленіи занимались мы, офицеры, бывшіе тамъ на роляхъ слѣдователей и производившіе разслѣдованія въ порядкѣ охраны, безъ участія прокурорскаго надзора, которыя и разрѣшались административнымъ порядкомъ. Дѣла, по которымъ можно было приступить къ формальнымъ дознаніямъ, передавались въ губернское жандармское управленіе со всѣми арестованными.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Арестъ Толстовцевъ. — Неприкосновенность Льва Толстого. — Его непопулярность. — Толстой и Синодъ. — Письмо Толстого: „Къ Царю и его помощникамъ.“ — Борьба съ социаль-демократами по западнымъ губерніямъ. — Успѣхи социаль-демократическаго движенія. — Борьба съ социалистами-революціонерами. — Томская типографія и ея арестъ. — Командировка въ Томскъ. — Конфликтъ съ прокуратурой. — Дознаніе и разслѣдованіе по охранѣ. — Обвиняемые и ихъ манера держаться. — Откровенное показаніе. — Обратный путь въ Москву. — Конецъ дознанія. — Судьба привлеченныхъ. — Образование партіи социалистовъ-революціонеровъ. — Бездѣйствіе Департамента полиціи.

Недѣли черезъ двѣ послѣ моего приѣзда отдѣленіе арестовало группу интеллигентовъ, занимавшихся печатаніемъ на гектографѣ и распространеніемъ запрещенныхъ цензурою произведеній Льва Толстого. Производство разслѣдованія поручили мнѣ. Ознакомившись съ найденными при обыскѣ вещественными доказательствами, я началъ допросы. Арестованные были люди не первой молодости, серьезные, очень увлекавшіеся ученіемъ Толстого. Общее впечатлѣніе было то, что они очень хорошіе всѣ люди. Занимались они печатаніемъ нѣкоторыхъ главъ «Воскресенья» и «Евангелія».

Съ перваго же допроса привлеченные стали было отказываться давать какія либо показанія, какъ это поучали, но сами мало выполняли, представители революціонныхъ партій. Пришлось спорить. Какіе же Вы толстовцы и гдѣ же Ваше непро-

тивленіе злу, гдѣ же Ваша идейность, если при первомъ же столкновеніи съ ненавистной для Васъ властью, Вы прячетесь и боитесь исповѣдывать Вашу вѣру? Спорили мы немного. Всѣ привлеченные толстовцы дали полное и откровенное показаніе, и картина получилась поучительная.

Группа толстовцевъ, увлекающаяся своимъ учителемъ и его твореніями, убиваетъ все свободное время на перепечатываніе его запрещенныхъ произведеній и думаетъ распространять ихъ среди такихъ же поклонниковъ геніальнаго писателя. Работаютъ съ рискомъ ареста и дѣйствительно попадаютъ въ тюрьму. Но гдѣ же источникъ того, за что они терпятъ кару? Источникъ, какъ выясняется разслѣдованіемъ, самъ графъ Толстой и его Ясная Поляна. Туда ѣздилъ одинъ изъ арестованныхъ и тамъ получалъ онъ запрещенныя изданія, причемъ бралъ ихъ, не скрывая, что будетъ перепечатывать, и Левъ Толстой то зналъ. Логика и законъ требовали возбужденія дознанія противъ самого Толстого и привлеченія его, какъ главнаго виновника по настоящему дѣлу, но на Толстомъ былъ запретъ и его трогать было нельзя никому. Всѣ мы въ отдѣленіи слышали не разъ, что существуетъ Высочайшее повелѣніе, дабы графа Льва Николаевича Толстого не трогать ни въ какомъ случаѣ. Левъ Толстой находился подъ защитой Его Величества.

Я сталъ доказывать начальству, что при данномъ положеніи, дѣло слѣдуетъ прекратить, т. е. преслѣдовать арестованныхъ при непривлеченіи главнаго виновника является абсурднымъ и несправедливымъ. Въ городѣ уже шли хлопоты передъ оберъ-полицмейстеромъ объ арестованныхъ, и скоро ихъ разрѣшили освободить, но они все таки понесли наказаніе въ административномъ порядкѣ.

Надо сказать, что въ Москвѣ мы не замѣчали видимаго вреда отъ ученія Льва Толстого. У него, конечно, были поклонники, но масса не шла за нимъ. За три весьма интересныхъ по начавшемуся общественному подъему года службы въ Москвѣ, присутствіе Толстого совершенно не беспокоило отдѣленіе, что являлось лучшимъ доказательствомъ, что онъ былъ тогда безвреденъ политически.

Посланіе Синода объ отлученіи Толстого въ 1901 году пришло въ Москву во время уличныхъ беспорядковъ, и 25-го Февраля самъ Толстой попалъ случайно въ толпу беспорядочниковъ на Лубянской площади. Казалось бы, вотъ моментъ выразить пострадавшему писателю сочувствіе, симпатію и использовать удобный моментъ противъ правительства. Однако, этого не случилось. Настроеніе толпы было столь двойственно, что если нѣкоторые и выражали свою симпатію Толстому, то другіе не скрывали своей вражды и ненависти. Толстой успѣшилъ сѣсть со своимъ спутникомъ на извозчика и уѣхалъ.

Позже въ своемъ отвѣтѣ Синоду онъ упомянулъ о томъ случаѣ въ слѣдующихъ словахъ: — «Самый день 25 Февраля, когда было опубликовано постановленіе, я, проходя по площади, слышалъ слова: «Вотъ дьяволъ въ образѣ челоуѣка — и если бы толпа была иначе составлена, очень можетъ быть, что меня бы избивали». Такъ говоритъ самъ Толстой.

Вообще толпа относилась къ нему отрицательно, онъ не былъ ея вождемъ, имъ увлекались только отдѣльныя лица и группы изъ интеллигенціи. Не увлекалась имъ въ массѣ и молодежь. Ея кумиромъ былъ тогда босяцкій пѣвецъ Максимъ Горькій, восхищавшій всѣхъ своимъ «Дномъ» и его «Героями».

И потому посланіе Синода объ отлученіи Толстого многихъ удивило. Его не понимали. Зачѣмъ это было сдѣлано? Изъ писателя философа, котораго въ массѣ больше порицали, чѣмъ хвалили, сдѣлали жертву. Толстому стали присылать сочувственныя письма, телеграммы и адреса, и паломничество къ нему возросло въ значительной степени.

Отлученіе побудило Толстого послать отвѣтъ на него, въ которомъ онъ, признавъ, что отрекся отъ православной церкви, что отвергаетъ Святую Троицу и всѣ Таинства, говорить:

— «Бога же Духа, Бога — любовь, единого Бога — Начало всего, не только не отвергаю, но ничего не признаю дѣйствительно существующимъ, кромѣ Бога, и весь смыслъ жизни вижу только въ исполненіи воли Бога, выраженной въ христіанскомъ ученіи». Быстро попалъ этотъ отвѣтъ, конечно, и въ отдѣленіе.

Вскорѣ появилось второе новое произведеніе Толстого: его письмо «Къ Царю и его помощникамъ», написанное по поводу происходившихъ тогда (1901 г.) безпорядковъ, виновниками которыхъ Толстой считалъ «правителей», не хотѣвшихъ, по его мнѣнію, видѣть ничего кромѣ своего спокойствія въ настоящую минуту. Онъ писалъ между прочимъ:

«..... Для того, чтобы люди перестали волноваться и нападать на Васъ, такъ мало нужно... сдѣлать нужно только слѣдующее: во 1-хъ уравнять крестьянъ во всѣхъ ихъ правахъ съ другими гражданами... во 2-хъ — нужно перестать примѣнять такъ называемыя правила усиленной охраны... въ 3-хъ, нужно уничтожить всѣ преграды къ образованію, воспитанію и преподаванію. Наконецъ, въ 4-хъ, и самое важное, нужно уничтожить всѣ стѣсненія религіозной свободы ...

Развивши каждое изъ этихъ требованій, Толстой обращался къ Царю и всѣмъ имѣющимъ власть съ такими словами: — «Помогите же улучшить положеніе этого большинства и въ самомъ главномъ: въ его свободѣ и просвѣщеніи. Только тогда и Ваше положеніе будетъ спокойно и истинно хорошо. Писалъ это Левъ Толстой и писавши старался изложить не свое мнѣніе, а мнѣніе лучшихъ многихъ, безкорыстныхъ, разумныхъ и добрыхъ людей, желающихъ того же».

Обращеніе это прошло въ публикѣ незамѣченнымъ. Не разрекламируй въ то время Толстого Святѣйшій Синодъ, Толстой, какъ учитель жизни, продолжалъ бы оставаться спокойно въ сторонѣ и въ тѣни, что конечно не относится къ нему какъ къ гениальному писателю - художнику, гордости Россіи.

Дознаніе о Толстовцахъ дало основаніе начальству считать, что я могу успѣшно производить разслѣдованія и получать откровенныя показанія, что считалось весьма существеннымъ, и меня стали посылать въ командировки по тѣмъ пунктамъ, гдѣ работало отдѣленіе. Работа же его велась въ то время по городамъ Сѣверо-Западнаго края, а также въ Минскѣ, Екатеринославѣ, Тамбовѣ и еще по нѣсколькимъ пунктамъ.

Съ Запада шла волна организованнаго социаль-демократическаго движенія. Такъ въ Литвѣ, въ 1897 году, возникъ «Всеобщій еврейскій рабочій союзъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи», или «Бундъ», объединившій всѣ еврейскія социаль-демократическія группы. То была крѣпкая, хорошо законспирированная революціонная организація, спаянная еврейскимъ фанатизмомъ, жаргономъ и ненавистью къ русскому правительству. Ея центральный органъ «Арбейтерсштимме» издавался на жаргонѣ, и на жаргонѣ же выходила вся агитаціонная литература. Оттуда шла и новая тактика «агитаціи» для всей русской социаль-демократіи, обоснованная въ брошюрѣ Цедербаума и открывшая новый періодъ въ исторіи социаль-демократическаго движенія въ Россіи. Тамъ же въ Минскѣ, въ 1898 году состоялся съѣздъ, на которомъ была образована «Россійская Социаль-Демократическая Рабочая Партія».

Было ясно, что Департаментъ полиціи прозѣвалъ новое революціонное дви-

женіе. Департаментъ схватился за московское отдѣленіе съ его летучимъ стрядомъ, и оно начало работать по западнымъ губерніямъ. По нѣкоторымъ агентурнымъ даннымъ началась работа филеровъ по Ковно, Гродно, Минску, Бѣлостоку и нѣкоторымъ еще пунктамъ. По результатамъ наблюдений начались массовые аресты, для производства которыхъ посылались офицеры и чиновники изъ Москвы, осуществлявшіе ихъ вмѣстѣ съ мѣстными жандармскими управленіями. Цѣлыми вагонами возили арестованныхъ въ Москву, гдѣ и производились разслѣдованія. Шли допросы и по нимъ производились новые аресты. Результаты обысковъ, въ общемъ, были недостаточно хороши. Бундовцы вели себя весьма конспиративно и осторожно. Рѣдко, рѣдко находили одну нелегальную брошюру или прокламацію; найти какую либо рукопись, письмо, замѣтку конспиративнаго характера было почти невозможно. Но, правда, въ Вильнѣ арестовали типографію, взяли и большой транспортъ литературы, а кое гдѣ взяли и небольшія библіотечки.

Держались бундовцы на допросахъ, съ революціонной точки зрѣнія, хорошо, говорили мало, но далеко не всѣ: — были и словоохотливые. При допросахъ шло привлеченіе сотрудниковъ, которыхъ такъ недоставало по западу, и агентура была набербована. Многіе сотрудники были переданы мѣстнымъ жандармамъ, болѣе же серьезные остались за Зубатовымъ.

Все болѣе значительное и серьезное по работѣ было сослано административнымъ порядкомъ въ Сибирь, часть же была освобождена по невинности или для надобностей агентуры, или чтобы замаскировать нѣкоторыя освобожденія послѣдней категоріи. Много арестованныхъ, если и не пошли сотрудничать, то были распропагандированы Зубатовымъ, оторваны отъ социаль-демократіи, ушли изъ ея рядовъ и рѣшили посвятить себя легальной работѣ среди еврейства и бороться съ «Бундомъ». Такъ была создана организація минскихъ «независимыхъ», очень взволновавшая революціонные круги. Тогда выдвинулась энергичная поборница несоціалистическаго рабочаго движенія, еврейка Вильбушевичъ, очерненная социалистами. Она никогда не была сотрудницей ни отдѣленія, ни Зубатова. Тогда же отошла отъ «Бунда» и пошла въ легализацію группа молодыхъ еврейскихъ писателей, во главѣ съ Волинымъ, изъ которыхъ вышли фанатичные поклонники Зубатова. Зубатовъ внесъ тогда большой расколъ въ еврейское социаль-демократическое движеніе, но задуть работу «Бунда» изъ Москвы не удалось.

Увлеченіе марксизмомъ было въ то время повальною болѣзнью русской интеллигенціи, развившейся еще въ 90-хъ годахъ. Профессура, пресса, молодежь — все поклонялось модному богу — Марксу. Марксизмъ съ его социаль-демократіей считался тѣмъ, что избавитъ не только Россію, но и весь міръ отъ всѣхъ золъ и несправедливостей и принесетъ царство правды, мира, счастья и довольства. Марксомъ зачитывались всѣ, хотя не всѣ понимали его. Студенческія комнатки и углы украшались портретами «великаго учителя», а также Энгельса, Бебеля и Либкнехта.

Само правительство еще такъ недавно покровительствовало марксизму, давая субсидіи черезъ своего сотрудника на изданіе марксистскаго журнала. Оно видѣло въ немъ противовѣсъ страшному терроромъ народовольчеству. Грамотные люди, читая про диктатуру пролетаріата Маркса, не видѣли въ ней террора и упускали изъ виду, что диктатура невозможна безъ террора, что терроръ цѣлаго класса неизмѣримо ужаснѣе террора группы бомбистовъ. Читали и не понимали, или не хотѣли понимать того, что значилось чернымъ по бѣлому.

А легальный марксизмъ питалъ идейно подпольную работу социаль-демократовъ «Бунда» и «Россійской» партіи и очень облегчалъ имъ ихъ задачу пропаганды и стало быть содѣйствовалъ ихъ успѣху.

Непониманіе нарождающагося врага во всемъ его значеніи со стороны центрального правительства не могло не отразиться и на мѣстахъ. Жандармскія управленія не знали новаго движенія, а слѣдовательно, не могли и бороться съ нимъ, да къ тому же они и не имѣли на то средствъ. Кредитъ того времени на розыскъ, или на т. н. агентурные расходы, былъ малъ до смѣшного.

При такихъ обстоятельствахъ Московскому охранному отдѣленію было трудно справиться одному, и оно, нанеся «Бунду» большой вредъ, работы его всетаки не прекратило. Но польза тогдашняго похода Москвы на Западъ всетаки была громадна. Она заключалась въ томъ, что Департаменту полиціи было воочию доказано полнѣйшее отсутствіе освѣдомленности о новомъ движеніи у мѣстныхъ органовъ и полнѣйшая непригодность ихъ къ борьбѣ съ нимъ.

Между тѣмъ въ Декабрѣ 1900 года появился первый номеръ «Искры», центрального органа социаль-демократіи. Однимъ изъ основателей его былъ Ульяновъ-Ленинъ, а деньги на изданіе первыхъ номеровъ далъ сынъ члена Государственного Совѣта камеръ-юнкеръ Сабуровъ. Трогательное единеніе побывавшаго въ Сибири эмигранта - демагога съ украшеннымъ придворнымъ мундиромъ современнымъ политическимъ Митрофанушкой.

Слухи о томъ, что деньги даны кѣмъ то изъ служилаго сословія, породили сплетню, что ихъ далъ Витте, будущій графъ. И многіе тому вѣрили, т. к. Витте уже и тогда считали способнымъ на разные эксперименты.

«Ближайшей политической задачей русской рабочей партіи — писала «Искра» въ № 1-мъ — должно быть ниспроверженіе Самодержавія, завоеваніе политической свободы... Содѣйствовать политическому развитію и политической организаціи рабочаго класса — наша главная и основная задача» («Насущныя задачи»).

Появленіе «Искры» и ея полныя революціоннаго огня и задора статьи какъ бы открыли глаза правительству, и оно прозрѣло наконецъ весь вредъ марксизма, сѣявшаго классовую рознь и гражданскую войну, пропагандировавшаго царство хама и босяка подъ именемъ диктатуры пролетаріата. И правительство начало борьбу съ социаль-демократами болѣе рѣшительными мѣрами. Но въ этой борьбѣ русское общество ему не помогало. Русская профессура, за малымъ исключеніемъ, и русская пресса, и вообще русская интеллигенція или продолжали низко кланяться своему идолу, или молчали. Изобличеніе безнравственности марксизма, какъ теоріи, доказательствомъ вреда и неприемлемости коммунизма къ государственной жизни страны никто не занимался. Между тѣмъ всѣ извѣстные нынѣ тезисы коммунизма были уже и тогда налицо и были переведены на русскій языкъ. Ничего новаго въ дальнѣйшіе годы ни Ленинъ, ни его сторонники не сказали. Вся идеологія большевизма, захлестнувшаго спустя двадцать лѣтъ Россію кровавой волной, была налицо и въ то время. Передовое общество не только не боролось съ нею, но и преклонялось передъ ней.

* * *

Широко пошло организаціонное строительство въ тѣ годы и у социалистовъ-революціонеровъ. «Рабочая Партія политическаго освобожденія Россіи», о которой упоминалось уже, объединяла изъ Минска свои еврейскія группы въ Бѣлостокѣ, Екатеринославѣ, Житомирѣ, имѣла сторонниковъ въ Двинскѣ, Бердичевѣ и Петербургѣ. Члены этой организаціи, разгромленные въ 1900 году по Минску, уцѣлѣли по многимъ пунктамъ. Надъ ними царилъ Гершуни, сѣя сѣмена террора.

Работавшіе по южной Россіи социалисты-революціонеры послѣ неоднократныхъ неудачныхъ попытокъ къ объединенію соединились наконецъ лѣтомъ 1900 года на Харьковскомъ Сѣздѣ въ такъ называемую южную «Партію Соціалистовъ-Революціонеровъ» и выпустили программный манифестъ.

На сѣверѣ работалъ «Союзъ социалистовъ-революціонеровъ» во главѣ съ Андреемъ Аргуновымъ.

Союзъ образовался въ 1896 году въ Саратовѣ, но на слѣдующій-же годъ руководители его перебрались въ Москву, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ Союзъ заводилъ иногороднія и заграничныя связи и налаживалъ дѣло. Союзъ издалъ на гектографѣ нѣсколько прокламацій и брошюръ и отпечаталъ вновь свою программу «Наши Задачи».

Осенью 1899 года съ дѣятелями Союза познакомился пріѣхавшій изъ-за границы Азефъ. Онъ явился съ хорошими рекомендаціями отъ заграничной организаціи Житловскаго и былъ принятъ хорошо, какъ человекъ, сочувствующій социалистамъ-революціонерамъ и ихъ дѣлу.

Живя за границей, Азефъ уже въ то время давалъ кое-какія свѣдѣнія завѣдывавшему заграничной агентурой Департамента Полиціи П. И. Рачковскому. Тогда это былъ еще маленькій сотрудникъ. Попавъ въ Москву, онъ, съ согласія Рачковскаго, сталъ сообщать нѣкоторыя свѣдѣнія и Зубатову, продолжая числиться за Рачковскимъ.

Въ то время руководители Союза мечтали имѣть свою типографію и издавать свою газету, къ чему и предпринимали нѣкоторые шаги. Они завязали переговоры съ представителями группы народниковъ «Русскаго Богатства», Пѣшеховымъ и Мякотинымъ. Тѣ дали согласіе на сотрудничество въ журналѣ.

Весною 1900 года Союзъ поставилъ въ Сибири небольшую типографію, но вскорѣ переправилъ ее въ Финляндію, въ Куокалу. Печатня была небольшая, плохо оборудованная, работники неопытные, незнающіе дѣла. Работали трое. Въ Январѣ 1901 года появился первый номеръ отпечатаннаго ими журнала «Революціонная Россія», въ которомъ были между прочимъ: статья Мякотина «Разгромъ Финляндіи» и Пѣшехова — «Хроника нашихъ дней».

Въ кругахъ Департамента полиціи появленіе журнала произвело сильное впечатлѣніе. Филеры московскаго отдѣленія уже вели въ Финляндіи наружное наблюденіе за типографіей, но арестовывать ее было нельзя, т. к. то было на территоріи Финляндіи.

Вскорѣ появился «Летучій листокъ» въ память 1-го Марта 1881 г., а въ концѣ Мая 1901 года вышелъ и номеръ второй «Революціонной Россіи», призывавшій къ борьбѣ и террору. Статья Пѣшехова «Выстрѣлъ Карповича» заканчивалась цитатой изъ Некрасова:

«За идеалы, за любовь
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даромъ. Дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь...»

Лѣтомъ были отпечатаны еще два номера «Летучихъ листковъ». Все это производило сильное впечатлѣніе. Смѣлыя мысли о террорѣ въ печати являлись новостью.

Дѣла Союза шли успѣшно: приходъ кассы увеличивался, связи разрастались, стали поступать корреспонденціи изъ разныхъ городовъ. Такъ, Гершуни прислалъ статью «О Зубатовцахъ». Въ Петербургѣ началъ работать постоянный редакціонный коллективъ съ руководителями «Русскаго Богатства».

Зная кое-что, благодаря Азефу, и имѣя еще кое какія агентурныя свѣдѣнія объ этой работѣ, Зубатовъ обдумывалъ, какъ нанести ударъ столь успѣшно развивавшейся организаціи. Департаментъ полагался на него. Арестовывать типографію въ Финляндіи и наносить ударъ по Союзу въ Петербургѣ признавалось неудобнымъ по многимъ соображеніямъ. Надо было придумать такую комбинацію, которая дала-бы возможность свободно дѣйствовать и розыскному органу да и прикрывала-бы слѣды агентурныхъ источниковъ. Предстоящій провалъ надо было свалить на наружное наблюденіе.

Такъ или иначе, но руководители организаціи стали думать о выборѣ новаго мѣста для типографіи и рѣшили перебраться въ Сибирь и тамъ поставить большую типографію. Мѣстомъ для нея облюбовали Томскій переселенческій пунктъ, куда въ качествѣ служащихъ поступилъ работавшій въ Куокалѣ Барыковъ и еще нѣсколько женщинъ, членовъ организаціи. Туда надо было перевезти изъ разныхъ мѣстъ типографскія принадлежности, надо было также объѣхать нѣкоторые города и организовать доставку корреспонденціи и разныхъ матеріаловъ.

Все это надо было не упустить, видѣть и знать московскому отдѣленію. За финляндской дачей филерское наблюденіе было усилено, социалисты-революціонеры А. Аргуновъ, Марія Селюкъ, С. Барыковъ и еще нѣкоторые были обставлены наблюденіемъ опытныхъ филеровъ. Лѣтомъ Барыковъ поѣхалъ на югъ, поѣхали за нимъ и филеры. Онъ посѣтилъ рядъ городовъ, побывалъ на Кавказѣ, гдѣ особенное вниманіе удѣлилъ Баку, и наконецъ проѣхалъ въ Томскъ, куда отвезъ тяжелый багажъ — то были части новой типографіи.

Другіе филеры проводили въ Томскъ нѣкую госпожу Вербицкую, везшую также нѣкоторыя типографскія части. Установило наружное наблюденіе и то, что какія-то вещи привозились на Томскій пунктъ изъ Омска, что при проѣздѣ изъ Россіи Барыковъ и Вербицкая имѣли на нѣкоторыхъ станціяхъ Сибирской дороги конспиративныя свиданія.

Скоро по всѣмъ даннымъ наружнаго наблюденія стало ясно, что социалисты-революціонеры сгруппировались на Томскомъ переселенческомъ пунктѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, въ лѣсу и что тамъ очевидно была поставлена типографія. Работавшіе на пунктѣ не посѣщали города, всѣ-же сношенія съ Томскомъ вель врачъ Павловъ и его жена.

Зубатовъ рѣшилъ не давать социалистамъ-революціонерамъ отпечатать что-либо на новомъ мѣстѣ и произвести аресты всѣхъ причастныхъ лицъ при первой возможности. Аресты въ Томскѣ не были опасны для внутренней агентуры, но на всякій случай, для производства ликвидаціи и дознанія по этому дѣлу, было рѣшено послать своего офицера. Выборъ палъ на меня, что было утверждено и Департаментомъ, и министромъ.

Я уже нѣсколько времени и до того по приказанію Зубатова знакомился въ отдѣленіи со всѣми данными наружнаго наблюденія и съ нѣкоторыми агентурными свѣдѣніями по этому дѣлу, теперь же сталъ заниматься этимъ еще внимательнѣе. Въ половинѣ Сентября я получилъ предписаніе выѣхать экстренно въ Томскъ для производства ликвидаціи и дальнѣйшаго по нему дознанія. Посылка офицера изъ Москвы мотивировалась главнымъ образомъ необходимостью прикрыть при производствѣ дознанія источники внутренней агентуры, т. е. не дать революціонерамъ повода думать, что въ раскрытіи организаціи играло роль шпіонство съ ихъ стороны.

Быстро мчалъ меня поѣздъ въ Сибирь, но т. к. филерское наблюденіе установило, что на пунктъ провезли изъ Омска кипы бумаги, то Москва рѣшила поспѣ-

шить съ ликвидациею и распорядилась произвести обыски до моего приѣзда въ Томскъ.

23-го Сентября мѣстная Томская жандармерія въ сопровожденіи наряда полиціи и филеровъ нагрянула на переселенческой пунктъ, гдѣ въ домикѣ администраціи была обнаружена на полномъ ходу типографія социалистовъ-революціонеровъ. Въ ней были застигнуты Барыковъ, Вербицкая и Севастьянова и, кажется, еще фельдшерица Мутныхъ. Отпечатанные частично экземпляры 3-го номера «Революціонной Россіи» сушились развѣшенными по всѣмъ комнатамъ. Былъ обнаруженъ архивъ журнала съ богатымъ рукописнымъ матеріаломъ въ видѣ подлинныхъ писемъ изъ разныхъ городовъ. Кромѣ работавшаго станка нашли также и части прежней печати. Работою руководилъ Барыковъ, фельдшерицы-же исполняли роль наборщицъ. Медицинскіе щипчики служили для захвата буквъ. Въ ту же ночь были арестованы въ Томскѣ врачъ Павловъ съ женой, а также были произведены аресты и по другимъ пунктамъ Сибири.

Я узналъ объ арестѣ типографіи въ пути. Однажды вечеромъ, на участкѣ между Омскомъ и Томскомъ, пассажиры нашего поѣзда были встревожены необычной остановкой его на развѣздѣ среди степи. Завывала мятель. Остановился и встрѣчный поѣздъ. Поднялась суета, бѣгала поѣздная прислуга. Оказывается искали меня и, найдя въ салон-вагонѣ, гдѣ мы мирно играли въ шахматы, попросили во встрѣчный поѣздъ. Тамъ находился прокуроръ Омской судебной палаты Ераковъ, возвращавшійся въ Омскъ изъ Томска, гдѣ онъ ознакомился съ результатами обыска. Онъ хотѣлъ познакомиться со мною.

Поздоровавшись, прокуроръ палаты сразу огорошилъ меня вопросомъ: — «Какія Вы имѣете агентурныя свѣдѣнія по этому дѣлу?». Какъ ни неожиданъ былъ вопросъ, я отвѣтилъ, что агентурныхъ свѣдѣній у меня нѣтъ никакихъ.

— «Зачѣмъ-же Васъ тогда прислали и почему не могутъ производить дознаніе мѣстные офицеры?» Прокуроръ палаты закидывалъ меня вопросами, былъ видимо недоволенъ и удивленъ присылкой посторонняго офицера и не скрывалъ своего недоумѣнія. Какъ могъ, я старался разъяснить, что это желаніе министра внутреннихъ дѣлъ въ виду той связи, которая должна установиться по дѣлу съ Европейской Россіей, что дознаніе вѣроятно придется перенести въ одну изъ столицъ и т. д.

Прокуроръ палаты слушалъ. Онъ рассказалъ мнѣ затѣмъ результаты обыска и прибавилъ, что далъ уже указанія, кого слѣдуетъ освободить послѣ моего приѣзда. Ну, подумалъ я, и господа. Не разобрались еще въ дѣлѣ, ничего еще не знаютъ, а ужъ беспокоятся объ освобожденіяхъ. Это добра не предвѣщало. Мы разстались вѣжливо-холодно, видимо не удовлетворенные другъ другомъ.

Приѣхавъ въ Томскъ, познакомившись съ властями и принявъ дѣло, я былъ пораженъ даннымъ ему направлениемъ. Виновные были привлечены по статьямъ за устройство типографіи безъ надлежащаго разрѣшенія, какъ будто это касалось самой легальной типографіи. О сообществѣ, преслѣдовавшемъ измѣненіе существующаго политическаго строя, не было и въ поминѣ. Мѣстный прокуроръ сразу-же поспѣшилъ объявить мнѣ, кто долженъ быть освобожденъ, и просилъ сдѣлать то поскорѣе. Я отвѣтилъ категорически, что пока не разберусь въ дѣлѣ, никто освобожденъ не будетъ, что дѣло важнѣе, чѣмъ думаютъ, и что къ нему надо отнестись весьма серьезно, а не съ налету.

Получалась самая обычная въ то время вещь. Въ политическихъ дѣлахъ прокуратура въ большинствѣ случаевъ прежде всего схватывалась за освобожденіе и прежде всего принимала на себя роль адвокатовъ арестованныхъ, забывая, для чего она существуетъ. Столицы, конечно, не въ счетъ; тамъ прокуратура была на своемъ

мѣстѣ, но бывали конечно въ этомъ отношеніи исключенія и въ провинціи, гдѣ также находились иногда прокуроры даже еще болѣе жесткіе, чѣмъ жандармскіе офицеры.

Въ качествѣ наблюдающаго за производствомъ дознанія мнѣ дали молоденькаго, симпатичнаго, совершенно неопытнаго товарища прокурора, для котораго выше прокурора палаты ничего на свѣтѣ не существовало.

Побывавъ на мѣстѣ обнаруженія типографіи, я убѣдился въ недостаточной тщательности произведеннаго обыска. На одномъ изъ шкафовъ я нашелъ экземпляръ «Колокола» Герцена со свѣжими рукописными помѣтками, сдѣланными, какъ оказалось потомъ, Евгениемъ Колосовымъ, и это подорвало у меня довѣріе къ тому, что было сдѣлано. Оплошность была большая. Наличие книги Колосова въ типографіи устанавливала формальную его причастность къ ней. Онъ и былъ къ ней причастенъ, онъ покупалъ въ Омскѣ для типографіи бумагу и привозилъ ее. Не занесенная въ протоколъ обыска его книга теряла значеніе улики.

Началъ я допросы, прокуратура торопила съ освобожденіями, я протестовалъ. Отношенія усложнялись. Видя, что при неопытности мѣстной прокуратуры въ политическихъ дѣлахъ и при отдаленности прокурора палаты, дѣло можетъ быть скомкано и испорчено съ первыхъ-же шаговъ, я далъ телеграмму въ Петербургъ, прося разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, въ виду важности настоящего дѣла, производить одновременно съ формальнымъ дознаніемъ о типографіи, также и разслѣдованіе о социалистахъ-революціонерахъ въ порядкѣ Положенія о государственной охранѣ. Такъ какъ разслѣдованіе велось безъ участія прокуратуры, то я получалъ большую свободу дѣйствій.

Вскорѣ я получилъ телеграфное распоряженіе министра Сипягина производить также и разслѣдованіе. Прокуратура была очень недовольна и прокуроръ палаты поѣхалъ въ Петербургъ. О жандармскомъ офицерѣ, не согласившемся съ прокурорскимъ надзоромъ, говорили въ министерствѣ юстиціи. Произошелъ нѣкоторый конфликтъ между двумя министрами, но Сипягинъ твердо стоялъ за меня и отданное имъ распоряженіе осталось въ силѣ: — я продолжалъ производить и дознаніе, и разслѣдованіе. Кого нельзя было сразу привлечь формально къ дознанію, тотъ привлекался къ разслѣдованію и по мѣрѣ возможности переводился на дознаніе; кого прокуратура настаивала освободить по дознанію, тотъ содержался подъ стражей въ порядкѣ охраны по разслѣдованію.

Уже два мѣсяца бился я съ дознаніемъ, работая до позднихъ вечеровъ; были установлены связи по Петербургу, Москвѣ, Ярославлю, Нижнему Новгороду и Чернигову; нѣкоторые арестованные признали себя членами союза социалистовъ-революціонеровъ, но полнаго откровеннаго показанія получено еще не было. Барыковъ, главный обвиняемый, серьезный, симпатичный мужчина, говорилъ только то, что нельзя было не говорить, и держался вообще весьма осторожно. Въ Томскѣ онъ являлся центральной фигурой. Его губили найденныя при немъ письма, да подвела и невѣста, продолжавшая писать изъ Саратова, не зная объ арестѣ жениха. По этой перепискѣ она тоже была арестована.

Дамы держались проще, но была среди нихъ одна пренесимпатичная барыня. Привезутъ ее бывало въ 40°-ый морозъ на допросъ, бранится посинѣвшая во всю. Предложишь ей погрѣться около распаленной печки, предложишь чаю — начинаетъ успокаиваться. Сниметъ ботинки, грѣетъ ноги и становится по-спокойнѣе, но показанія даетъ скупое, нѣтъ, нѣтъ да и фыркнетъ: — Вы, молъ, жандармы... Другія женщины были очень симпатичныя, простыя, безъ революціонной напускной учности и важности.

Говорили привлеченныя въ общемъ всѣ по-немногу. Соціалисты-революціонеры были въ этомъ отношеніи лучше соціаль-демократовъ. На послѣднихъ ужъ очень отражалось вліяніе «Бунда» и его техники. Здѣсь-же все было больше по русски, на-распашку, и разговаривать съ эсъ-эрами было гораздо пріятнѣе.

Изъ сопоставленія различныхъ показаній и данныхъ обысковъ, получалось гдѣто весьма существенное: наличность Союза и его цѣли устанавливались формально, но полной картины все-таки не было. Товарищъ прокурора удивлялся, чего я добиваюсь и почему я не доволенъ дознаніемъ. Между тѣмъ, зная многое по агентурнымъ и филерскимъ даннымъ, я естественно хотѣлъ получить тѣ свѣдѣнія, но уже какъ показанія самихъ привлеченныхъ. Только въ переводѣ на протоколы допросовъ, эти свѣдѣнія пріобрѣтали формальныя значенія уликъ, и получить ихъ было задачей моей работы. И конечно я старался получить эти откровенныя показанія.

Наконецъ, однажды вечеромъ, въ началѣ Декабря, одна изъ арестованныхъ, попавшая въ революціонную среду, видимо, по недоразумѣнію, начала давать откровенныя показанія. То завѣтное, что хранилось у меня въ моихъ личныхъ папкахъ и не показывалось никому, даже своимъ сослуживцамъ по корпусу, стало воплощаться въ официальное показаніе. Союзъ соціалистовъ-революціонеровъ... начало работы... члены организаціи... необходимость переправы типографіи... перевозка валика, перевозка другихъ частей, работа, печатаніе...

Кто былъ слѣдователемъ, тотъ пойметъ, что переживалъ я, получая показаніе. Товарищъ прокурора, обычно дремавшій, сразу проснулся и смотрѣлъ широко раскрытыми глазами. Слѣдующій день былъ настоящимъ праздникомъ. Мои сослуживцы офицеры радовались не меньше меня, довольна была и прокуратура. Многие въ моемъ упорствѣ и нежеланіи освободить нѣкоторыхъ дѣлалось понятнымъ. Въ Петербургъ полетѣла подробная телеграмма, прокуратура освѣдомила Омскъ. Живѣе пошли допросы другихъ арестованныхъ, получались подтвержденія частныхъ, создавалась формальная картина всего дѣла.

Я съѣздилъ въ Омскъ, установилъ, гдѣ Колосовъ покупалъ бумагу для типографіи и какъ доставлялась она въ Томскъ. Какъ жалѣлъ я въ это время, что не могъ использовать противъ него какъ улику его «Колокола» съ его собственноручными замѣтками!

По разнымъ городамъ Россіи были посланы требованія о производствѣ дополнительныхъ формальныхъ обысковъ и, въ числѣ ихъ, требованіе въ Москву объ арестѣ А. Аргунова, работавшаго тогда, кажется, въ Ярославлѣ. Въ числѣ привлеченныхъ была и жена, и сестра послѣдняго и кто-то изъ свойственниковъ.

Во второй половинѣ Декабря получилось распоряженіе о переносѣ всего дознанія въ Москву со всѣми арестованными, что должно было выполнить жандармское управленіе. Забравъ слѣдственное производство и распрощавшись съ Томскомъ, я не замедлилъ выѣхать въ обратный путь, напутствуемый добрыми пожеланіями новыхъ друзей, искренно завидовавшихъ человѣку, покидавшему Сибирь и возвращавшемуся въ столицу.

Въ рождественскій сочельникъ я вернулся въ Москву. Начальство поздравило меня съ успѣшнымъ выполненіемъ порученія. Я допросилъ еще нѣсколько лицъ и въ томъ числѣ А. Аргунова, который держался очень неспокойно, и передалъ дѣло въ Московское жандармское управленіе, которое должно было раздвинуть рамки дознанія и охватить весь Союзъ.

По окончаніи дѣла, изъ числа привлеченныхъ къ нему социалистовъ-революціонеровъ, двѣнадцать человекъ были сосланы въ Сибирь на сроки отъ 3-хъ до 8-ми лѣтъ, которые были позднѣе сокращены. Многіе изъ нихъ приняли затѣмъ вновь видное участіе въ революціонной работѣ. Такъ, Севастьянова бросила бомбу въ Московскаго генераль-губернатора Гершельмана, Н. Куликовскій убилъ графа Шувалова, С. Барыковъ и Н. Чернова участвовали въ подготовкѣ убійства генерала Трепова, а Аргуновъ игралъ большую роль въ центральномъ комитетѣ и т. д.

Тотъ ударъ по социалистамъ-революціонерамъ былъ очень силенъ и очень перебилъ ихъ работу по Россіи, но все таки Департаментъ полиціи не додѣлалъ тогда своего дѣла. Арестъ Томской типографіи и причастныхъ къ ней лицъ по Сибири не сопровождался одновременнымъ, въ Сентябрь-же мѣсяцѣ, заарестованіемъ всѣхъ извѣстныхъ членовъ Союза по разнымъ городамъ Европейской Россіи. Съ этими арестами запоздали мѣсяца на три, а въ это время много работали и Аргуновъ, и Селюкъ, и поддерживавшій тѣсную связь съ ними Гершуни.

И вскорѣ послѣ ареста типографіи, за границу выѣхала Селюкъ, которую Аргуновъ снабдилъ всѣми нужными матеріалами для выпуска за границей арестованнаго въ Томскѣ № 3 «Революціонной Россіи».

Въ концѣ-же года за границу выѣхалъ и Азефъ, которому еще незаарестованные руководители Союза передали всѣ связи, явки, пароли и посылали его за границу какъ своего довѣреннаго представителя на ряду съ Маріей Селюкъ. — «Азефу мы вручили все, какъ умирающій на смертномъ одрѣ» — говорилъ позже Аргуновъ.

Все это зналъ Департаментъ полиціи и онъ тому не воспрепятствовалъ. Выѣхалъ туда и Гершуни съ полномочіями отъ Саратовскихъ и Южныхъ организацій, и ему не помѣшали.

За границей-же начались переговоры объ объединеніи, въ результатѣ чего въ Январѣ 1902 года официально образовалась Партія Социалистовъ Революціонеровъ съ Центральнымъ Комитетомъ во главѣ, съ Центральнымъ Органомъ «Революціонная Россія» и съ девизомъ: «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое».

Народилась партія, которая принесла Россіи такъ много непоправимаго вреда. Ближайшая задача партіи — сверженіе самодержавія, конечная цѣль — переустройство Россіи на социалистическихъ началахъ. Средства борьбы — пропаганда, агитація и терроръ. Партія приступала къ работѣ среди рабочихъ и интеллигенціи и, гдѣ можно, среди крестьянъ.

Партія являлась идейной послѣдовательницей Бакунина, Герцена и Лаврова. Ея идеологомъ въ легальной печати былъ столь популярный Михайловскій, принимавшій, правда робко, нѣкоторое участіе и въ подпольной работѣ. Партія являлась представительницей своеобразнаго русскаго социализма, съ основной эфемерной мечтой русской интеллигенціи, что наша крестьянская община можетъ быть легко использована какъ ступень къ переходу на социалистическій строй, что нашъ крестьянинъ природный социалистъ. Въ революціонныхъ рядахъ Партія явилась прямой послѣдовательницей Партіи Народной Воли съ ея тактическимъ девизомъ: «Цѣль оправдываетъ средства».

По ироніи судьбы и по неизмѣнному закону для всѣхъ русскіихъ революціонныхъ партій второй половины прошлаго столѣтія, главнѣйшими заправилами этой «народнической» русской партіи оказались: — Гоць, Миноръ, Гершуни, Рубановичъ, Натансонъ, Азефъ... говорить тутъ о любви къ Россіи и о заботахъ о русскомъ народѣ не приходится. Среди нихъ сверкали русскія имена вродѣ будущаго селянскаго министра и нѣмецкаго шпіона Виктора Чернова.

Департаментъ полиціи не сумѣлъ тогда помѣшать сплоченію Партіи, хотя и имѣлъ къ тому полную возможность. Не сумѣлъ, хотя имѣлъ около центра своего осведомителя Азефа, хотя объединеніе происходило за границей, гдѣ находился весьма талантливый его чиновникъ Петръ Ивановичъ Рачковскій, получавшій свѣдѣнія непосредственно отъ Азефа. Центральный и руководящій по розыску правительственный органъ не былъ на высотѣ положенія. Тамъ чванились знаніемъ розыскаго дѣла, но промахи дѣлали непоправимые. Не даромъ-же его особымъ отдѣломъ въ то время завѣдывалъ красивый, свѣтскій Донъ-Жуанъ, любитель-театраль Леонидъ Александровичъ Ратаевъ, слывшій въ Петербургѣ подъ кличкой «Корнета Отлетаева».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Студенческіе беспорядки 1899—1901 годовъ. — Беспорядки въ Москвѣ. — Беспорядки 1902 года. — Осада Университета. — Заарестованіе беспорядочниковъ. — Манежъ. — Бутырская тюрьма. — Случай въ тюрьмѣ. — Инцидентъ съ профессоромъ Герье. — Иллюминація. — Конецъ беспорядковъ. — Наказаніе. — Покушеніе Аллартъ на оберъ-полицмейстера Трепова. — Покушеніе на него-же Михалевица и социалистовъ-революціонеровъ.

Пришлось мнѣ въ тѣ годы познакомиться хорошо и со студенческими беспорядками. Студенческіе беспорядки 1899—1902 годовъ послужили началомъ того общественнаго движенія, которое, нарастая затѣмъ постепенно, захватывало все новые и новые слои населенія, слилось съ революціоннымъ и вылилось въ первую 1905 г. революцію, принесшую Россіи хотя и несовершенную, но все-таки конституцію.

8-го Февраля 1899 года, во время годичнаго акта въ Петербургскомъ Университетѣ, студенты, недовольные ректоромъ Сергѣевичемъ за сдѣланное имъ предупрежденіе о нарушеніи уличнаго порядка, освистали его. Послѣ акта, при выходѣ изъ университета, у студентовъ произошло столкновеніе съ полиціей, во время котораго толпа была разсѣяна съ примѣненіемъ нагаекъ. Студенты объявили забастовку, которая и перекинулась на всѣ другія высшія учебныя заведенія столицы, а затѣмъ и по другимъ городамъ.

Оппозиціонные круги общества приняли сторону молодежи и для выясненія причинъ и обстоятельствъ, сопровождавшихъ беспорядки, по Высочайшему повелѣнію былъ назначенъ Генералъ-Адъютантъ Ванновскій, по результатамъ работъ котораго были приняты мѣры къ упорядоченію академической жизни студентовъ и въ числѣ ихъ были утверждены, 29 Іюля 1899 г., «Временныя правила объ отбываніи воинской повинности воспитанниками учебныхъ заведеній, удаляемыми изъ сихъ заведеній за учиненіе скопомъ беспорядковъ».

Это было одно изъ самыхъ ошибочныхъ мѣропріятій царскаго правительства. Въ армію вливали самыхъ недисциплинированныхъ, распропагандированныхъ молодыхъ людей. Тамъ они въ большинствѣ случаевъ сразу-же попадали въ привилегированное положеніе, что меньше всего походило на отбываніе наказанія, которое выдумало для нихъ правительство. Между тѣмъ, всѣ оппозиціонные и революціонные круги приняли новое мѣропріятіе какъ отправку молодежи на исправленіе какъ-бы въ дисциплинарные батальоны. Поднялась агитація противъ правительства. Въ результатъ — вредъ для арміи, вредъ для правительства и никакой пользы и толку для молодежи.

Осенью 1900 года, беспорядки начались въ Кіевскомъ Университетѣ и, когда къ участникамъ примѣнили временныя правила, волненія перекинулись и на другіе университетскіе города.

Въ обществѣ ходили чудовищные рассказы о томъ суровомъ режимѣ, которому будто-бы подвергаются въ войскахъ студенты. Распространялись ложные слухи, что нѣсколько студентовъ были даже разстрѣляны. Молодежь волновалась, волновалось и общество. Создавалось крайне враждебное отношеніе къ правительству и главнымъ образомъ къ министру народнаго просвѣщенія Боголѣпову и, наконецъ, 14-го февраля 1901 года прибывшій изъ-за границы социалистъ-революціонеръ, бывшій студентъ Карповичъ, смертельно ранилъ послѣдняго. Нѣкоторые круги интеллигенціи высказали сочувствіе случившемуся, что еще больше подняло настроеніе молодежи.

19-го февраля произошли беспорядки въ Петербургѣ и Харьковѣ, а 23-го начались они и у насъ въ Москвѣ. Въ тотъ день студенты собрались на университетскомъ дворѣ, когда-же пришла полиція, то студенты взломали двери въ актовъ залъ, гдѣ и продолжали сходку. Университетское начальство обратилось къ оберъ-полицмейстеру, по распоряженію котораго выходившихъ со сходки стали задерживать и направлять въ манежъ на Моховой.

Слухъ о начавшихся беспорядкахъ распространился по городу. Группы учащихся, вмѣстѣ съ празднующеюся молодежью и подростками, появлялись то въ одной, то въ другой части города и нарушали обычный порядокъ жизни. Все тянулось къ манежу: Иногда толпы начинали пѣть студенческія пѣсни.

Вызывались усиленные наряды полиціи, жандармскіе эскадроны и казаки, при приближеніи которыхъ молодежь шикала, свистала и разбѣгалась, чтобы собраться въ другомъ мѣстѣ. Наряды направлялись туда, туда скакали жандармы, и беспорядочники вновь разбѣгались, и такъ до безконечности. Происходила какая-то своеобразная игра въ кошку и мышку.

Съ непривычки полиція дѣйствовала неумѣло, неразумно, что только подбодряло демонстрантовъ и увеличивало общую сумятицу и беспорядокъ. Больше всего ерунды было въ манежѣ, куда направляли со всѣхъ сторонъ арестованныхъ.

Огромный манежъ былъ полонъ народу. Студенты, вольные, курсистки, полиція и нѣсколько эскадроновъ жандармовъ. Крики, пѣсни и ржанье лошадей. Надъ всѣмъ повисъ густой паръ и запахъ навоза. Порядку никакого. Нѣсколько сотенъ задержанной публики дѣлали, что хотѣли. На кучѣ песку, около одной изъ стѣнъ манежа организовалась сходка. Взобравшійся наверхъ студентъ, предсѣдатель, неистово звонить колокольчикомъ и начинаетъ затѣмъ говорить. Галдежъ и рѣчи. Въ другомъ концѣ импровизованный хоръ что-то поетъ. Въ лѣвомъ углу отъ входа большая группа молодежи устроила живую стѣну-кругъ, за которой любители предаются свободной любви съ попавшими въ манежъ проститутками. Берегающіе происходящее дѣйство студенты хохочутъ. Фактъ былъ зарегистрированъ и тогда-же доведенъ до свѣдѣнія товарища прокурора Золотарева, впоследствии товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

Власть бездѣйствовала. Распорядившійся всѣмъ полицмейстеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Свѣшниковъ, «бѣлая шапка», какъ прозвали его студенты, предпочиталъ разговаривать и ничего рѣшительнаго не предпринимать, т. к. считалъ, что беспорядки носятъ академическій характеръ. Нѣкоторые полицейскіе офицеры беспомощно метались отъ одной группы къ другой, убѣждали не пѣть, прекратить сходку, просили уговорить товарищей не безобразничать съ дамами и т. д.

Тамъ же и помощникъ начальника охраннаго отдѣленія Сазоновъ. Женатый на москвичкѣ, бывшей курсисткѣ, онъ—поклонникъ гуманныхъ мѣръ, много разговариваетъ, резонерствуетъ, но что либо приказать по собственной инициативѣ воздерживается.

Подобный же беспорядокъ замѣчается всюду и на улицѣ. Толпа видитъ безтолочь, и это ее веселитъ. Съ наступленіемъ сумерекъ, подростки мальчишки начинаютъ бить фонари.

Офицеры охраннаго отдѣленія, посланные наблюдать за тѣмъ, что и какъ дѣлается, докладываютъ своему начальнику о творящемся безобразіи съ обѣихъ сторонъ; Зубатовъ докладываетъ Трепову, послѣдній рветъ и мечетъ и распекаетъ свою полицію. Общая полиція негодуетъ на насъ.

На наше счастье въ тотъ годъ беспорядки въ Москвѣ не носили политическаго характера. Студенческій исполнительный комитетъ даже выпустилъ прокламацію, приглашая студентовъ не участвовать въ уличныхъ демонстраціяхъ. Все шло официально подъ флагомъ академической борьбы.

На 4-е Марта въ Москвѣ была назначена большая демонстрація, но ее не допустили, собравшихся же нѣсколько десятковъ человекъ арестовали, на чемъ наши беспорядки и кончились. Задержанныхъ подержали нѣкоторое время въ Бутырской тюрьмѣ и поудалляли затѣмъ изъ Москвы на время, кто куда хотѣлъ. Удаленіе это носило опереточный характеръ: кто жилъ далеко, уѣзжалъ обычно въ Рязань или Тамбовъ, а то и ближе.

Въ другихъ городахъ студенческіе беспорядки того года носили болѣе острый характеръ. Такъ въ Петербургѣ 4-го марта у Казанскаго собора произошло настоящее побоище между демонстрантами съ одной стороны и полиціей съ войсковымъ нарядомъ — съ другой. Демонстранты дѣйствовали палками, желѣзными прутьями и даже стрѣляли. Наряды употребили въ дѣло холодное оружіе и нагайки. За демонстрантовъ вступился генераль князь Вяземскій, членъ Государственнаго Совѣта, но получилъ, соотвѣтствующій отпоръ отъ градоначальника, а затѣмъ и должное возмездіе, дабы не совался не въ свое дѣло и не мѣшалъ дѣйствіямъ полиціи. Оппозиціонные круги не замедлили съ протестами. Среди повышеннаго настроенія земскій статистикъ Лаговскій стрѣляетъ съ тротуара въ кабинетъ оберъ-прокурора Побѣдоносцева.

11-го марта произошла внушительная демонстрація въ Кіевѣ съ участіемъ рабочихъ и разночинной интеллигенціи, причемъ былъ выкинутъ флагъ «за политическую свободу». Происходили беспорядки и въ другихъ городахъ. Въ общемъ, всѣ эти студенческіе беспорядки, конечно, являлись отраженіемъ политическаго настроенія нѣкоторыхъ слоевъ общества, но про нихъ все таки говорили тогда, что они носили не политическій, а академическій характеръ. Это было спокойнѣе, но не совсѣмъ вѣрно.

Студенческіе беспорядки 1902 года носили уже повсюду официально признанный политическій характеръ. Заправилы студенческаго движенія не безъ подталкиванія революціонныхъ организацій собрались въ началѣ того года на Всероссийскій студенческій съѣздъ. Съѣздъ подвелъ, какъ писали тогда, «итоги академической борьбы» и призывалъ студентовъ выступить открыто на путь политической революціонной борьбы, считая то вѣрнымъ и твердымъ шагомъ, который долженъ привести къ желанной цѣли въ борьбѣ съ правительствомъ.

Захватило новое движеніе и Москву. Въ концѣ Января началось у насъ глухое броженіе среди студентовъ университета, вылившееся наконецъ въ большую сходку въ актовомъ залѣ. Сходка носила политическій характеръ. Кромѣ студентовъ разныхъ учебныхъ заведеній, на ней были курсистки и, правда, немного постороннихъ лицъ. Была принята политическая резолюція и изъ окна былъ выкинутъ флагъ съ революціонной надписью. Жгли какой то научный кабинетъ, жгли документы и раздавали прокламаціи.

Въ виду такого характера событій, рѣшено было дѣйствовать энергично и не въ примѣръ прошлому году. И какъ только университетская администрація увѣдомила оберъ-полицмейстера о характерѣ происходящей сходки и попросила о принятіи мѣръ къ водворенію порядка, университетъ былъ окруженъ войсками. Въ манежъ были высланы войсковые и полицейскіе наряды. Выходившихъ изъ университета арестовывали. Отъ нихъ узнали, что сходочники дебоширничаютъ, произносятъ революціонныя рѣчи, печатаютъ на гектографѣ прокламаціи. Въ манежъ были командированы офицеры охраннаго отдѣленія, прибыли туда на дежурство и чины прокурорскаго надзора.

Вечеромъ, часовъ около 10-ти, явившійся въ манежъ оберъ-полицмейстеръ Треповъ приказалъ мнѣ:

— «Я поручаю Вамъ манежъ. Въ Вашемъ распоряженіи полурота пѣхоты и находящаяся здѣсь полиція. Сюда придутъ арестованные изъ университета. Ихъ надо принять и сдѣлать, что нужно. Надѣюсь, что все будетъ выполнено, какъ слѣдуетъ».

Я попросилъ у генерала еще взводъ казаковъ, и на его вопросъ для чего, отвѣтилъ, что казаки успокоительнѣй всего дѣйствуютъ на толпу. Казаки были мнѣ даны.

Оберъ-полицмейстеръ ушелъ съ нарядами къ университету. Огромный манежъ опустѣлъ. Полурота пѣхоты, нѣсколько полицейскихъ офицеровъ, десятка два городскихъ и взводъ конныхъ казаковъ терялись въ немъ. Переговоривъ съ офицерами, я сдѣлалъ слѣдующія приготовленія. Отъ главныхъ дверей манежа, вдоль его, были растянуты шпалерами двѣ шеренги пѣхоты, сомкнувшіяся въ дальнемъ концѣ, благодаря чему получился длинный коридоръ-тупикъ, шириною сажени въ четыре. Коридоръ былъ подѣленъ на пять частей, причемъ при началѣ каждаго дѣленія, стояло по два казака. Остальные казаки выстроены были внутри манежа по обѣ стороны входныхъ дверей. Тамъ же была и вся полиція.

Планъ былъ таковъ. Когда толпа хлынетъ въ манежъ, она устремится по нашему живому коридору. По моей командѣ два казака отъ входа отрѣжутъ и замкнутъ уже вошедшую въ коридоръ толпу и слѣдуютъ за ней, пока она не упрутся въ тупикъ. Когда толпа упрутся въ тупикъ, первая часть коридора замыкаетъ кольцо и отходитъ съ окруженными людьми въ сторону. Въ тотъ же моментъ укороченный уже коридоръ смыкается въ новый тупикъ, автоматически наполняется напирющей извнѣ толпой, образуется второе кольцо и такъ далѣе, всѣ пять. При каждомъ кольцѣ казаки поддерживаютъ порядокъ.

Нѣсколько полицейскихъ офицеровъ встрѣчаютъ толпу при входѣ, вырываютъ изъ рукъ палки и бросаютъ ихъ въ правый уголъ манежа. Нѣсколько другихъ офицеровъ энергично отдѣляютъ женщинъ и передаютъ ихъ городovýmъ въ лѣвый уголъ, въ особое кольцо. При немъ также казаки. Въ манежѣ должна быть полная тишина. Шумѣть и пѣть не разрѣшается. При попыткахъ къ тому, казаки грозятъ нагайками. Грозятъ, но не бьютъ. Слушаться только моихъ распоряженій.

Построивъ нарядъ и убѣдившись, что всѣ поняли, что намъ надлежитъ выполнить, я вышелъ за двери манежа. Темно. Пылаютъ факелы пожарныхъ. Отъ манежа къ университету протянулись войска. Зловѣщая тишина. Стало непріятно. Мнѣ доложили, что въ университетѣ до тысячи человекъ, что есть боевая дружина и готовится покушеніе на Трепова. На него бросится кто-то изъ кавказцевъ.

Около полуночи, послѣ безрезультатныхъ переговоровъ съ осажденными въ Университетѣ, пожарные взломали двери, казаки и городовые проникли въ университетъ, окружили всѣхъ бывшихъ тамъ на сходкѣ и погнали изъ зданія. Все хлынуло на улицу и, подпираемое нарядомъ, двинулось къ манежу.

Густая тьма, фантастически освѣщаемая вспыхивающими факелами; неподвижныя шпалеры войскъ и медленно двигающаяся среди нихъ, замыкаемая казаками толпа, поющая какую-то революціонную пѣсню. Все это производило необычайное, жуткое впечатлѣніе.

Я поспѣшилъ въ манежъ, захлопнулъ двери и приказалъ открыть ихъ только при самомъ приближеніи толпы. На душѣ было неспокойно. Толпой надо сразу овладѣть, захватить, взять въ руки. Иначе — не справиться, и будетъ беспорядокъ. Удастся ли?

Издали доносился шумъ и пѣніе. Все ближе, ближе. Вдругъ распахнулись двери... Скрестившись локтями, въ заломленныхъ назадъ папахъ, съ палками въ рукахъ двигаются впереди что то горланя, повидимому, кавказцы, попеременно съ женщинами. Глаза горятъ, лица взволнованы.

— «Казаки, нагайки вверхъ! Молчать, перестать пѣть!»... — раздалась команда. Яркій свѣтъ манежа, казаки съ поднятыми нагайками, сильный властный окрикъ и полнѣйшая неожиданность происшедшаго какъ бы ошеломили толпу. Пѣніе смолкло. Передніе ряды оторопѣли, попятились назадъ, но подпираемые массой уже нерѣшительно продвигались впередъ.

Моментъ былъ выигранъ. Полиція выхватила женщинъ, отбрасывала палки, хистени; казаки раздѣляли толпу, пѣхота смыкала кольца. Все шло, какъ нужно.

Черезъ нѣсколько минутъ въ разныхъ сторонахъ манежа оказалось пять окруженныхъ пѣхотою большихъ группъ арестованныхъ. Около нихъ разѣзжались казаки. Отдѣльно въ углу женскій кругъ. Всюду тишина. Женщины на всѣхъ беспорядкахъ самый зажигательный для толпы элементъ. Изолированіе ихъ понижаетъ настроеніе мужчинъ. Безъ женщинъ мужчины менѣе воинственны.

За арестованными появился Треповъ въ сопровожденіи полиціи, офицеровъ, чиновниковъ и прокуратуры. Онъ видимо былъ удивленъ тѣмъ, что увидѣлъ. Подойдя ко мнѣ, генераль сказалъ:

— «Я общалъ Великому Князю освободить манежъ для занятій войскъ къ 6-ти часамъ. Перепишите арестованныхъ и переправьте въ Бутырскую тюрьму. Тамъ приготовленъ ужинъ. Вся полиція въ Вашемъ распоряженіи. Я Вамъ не мѣшаю. Дѣлайте, что нужно».

Передача полиціи въ мое распоряженіе въ то время какъ на мѣстѣ находились полицмейстеры въ генеральскихъ чинахъ — былъ фактъ знаменательный, что и учли конечно въ мою пользу.

Отдавъ приказаніе, генераль направился въ сторону, сѣлъ на поданный ему стулъ и закурилъ сигару.

Теперь уже было легко. Начали регистрацію задержанныхъ. Время отъ времени меня звали то къ одному, то къ другому кругу. Суденты требовали ѣсть, спрашивали, для чего казаки, что будутъ дѣлать съ арестованными. Я объяснилъ, что ѣда ожидаетъ въ Бутыркахъ, что въ нашихъ общихъ интересахъ скорѣе кончить регистрацію, что казаки необходимы для порядка. Съ молодежью можно было говорить; ей только не надо было лгать.

Въ одномъ кругу попытались было начать пѣть, но казаки внушительно пригрозили нагайками и водворилась тишина. Ко мнѣ подошелъ товарищъ прокурора и началъ говорить о неумѣстности угрозъ казаковъ. Я отвѣтилъ, что казаки исполняютъ мои приказанія, относительно же умѣстности и правильности ихъ я отвѣтственъ передъ моимъ начальствомъ. Отдавъ затѣмъ честь рукою, я пошелъ дѣлать свое дѣло. Больше ко мнѣ прокуратура не подходила.

Часа черезъ три началась отправка задержанныхъ въ Бутырки. Для женщинъ были поданы фургоны, но онѣ гордо отказались отъ нихъ и пошли пѣшкомъ. Это имъ досталось не легко. До тюрьмы было нѣсколько верстъ, и многія изъ нихъ жалѣли потомъ о своей горячности, но было поздно.

Къ шести часамъ манежъ былъ свободенъ, и я доложилъ о томъ Трепову. Генераль, ни разу не вмѣшавшійся въ мои распоряженія и только наблюдавшій за тѣмъ, что и какъ дѣлается, поблагодарилъ меня, пожалъ крѣпко руку и сказалъ улыбаясь: «будете представлены къ награждѣ».

Всѣ разошлись. Вернувшись домой, я трясся какъ въ лихорадкѣ. Пришлось выпить вина. Но, слава Богу, все сошло хорошо. Ни одного удара, ни одного скандала, ни одной жалобы на дѣйствія войскъ или полиціи.

Эта ночь предопредѣлила мою позднѣйшую службу въ Царскомъ Селѣ. Въ лицѣ Дмитрія Федоровича Трепова я приобрѣлъ солидную служебную протекцію.

Въ слѣдующіе дни мнѣ приходилось имѣть дѣло въ Бутырской тюрьмѣ. Администрація университета начала свое дознаніе, студенты отказывались разговаривать съ нею, и мнѣ поручили убѣдить ихъ заполнить анкетные листы.

Когда я явился въ тюрьму, то начальникъ тюрьмы, проведя меня въ общій коридоръ, куда выходило нѣсколько огромныхъ пересыльныхъ камеръ съ нѣсколькими сотнями арестованныхъ, закрылъ за мною желѣзную дверь, и я остался одинъ среди заключенныхъ. Пройдя въ одну изъ палатъ, я сталъ въ простѣнокъ между окнами, чтобы видѣть всю толпу и не имѣть никого позади себя, и началъ говорить. Я убѣждалъ студентовъ принять анкетные листы, предложилъ имъ отъ имени Трепова газеты и обѣщалъ ускореніе дѣла. Настроеніе складывалось въ мою пользу: взяли листы, взяли газеты. Вдругъ съ галерки послышался выкрикъ:

— «Да что съ нимъ разговаривать, товарищи, жандармъ вѣдь, вонъ его!»... Выкрики повторялись, толпа зашумѣла, стало какъ то нехорошо. Въ это время одинъ изъ студентовъ пріоткрылъ мой портфель и заглянулъ въ него. Я вспылить: — «Что Вы дѣлаете, студентъ. Я довѣрчиво разговариваю съ Вами, а Вы забираетесь ко мнѣ въ карманъ, развѣ это можно!»

Этотъ глупѣйшій инцидентъ выручилъ меня. Стоявшіе около меня студенты начали шикать на своего товарища. Кто-то кричалъ: «Коллега, стыдно, оставьте, нельзя»...

Воспользовавшись моментомъ, я двинулся впередъ, дѣлая жестъ рукой, толпа раступилась. Какъ я вышелъ цѣлымъ изъ камеры, какъ я прошелъ по коридору и очутился за огромной желѣзной дверью, гдѣ меня встрѣтилъ начальникъ тюрьмы, я не понимаю. Наговоривъ любезностей начальнику тюрьмы за оставленіе меня одного среди арестованныхъ, я уѣхалъ. Я чувствовалъ себя избитымъ. Въ отдѣленіи говорили, что на мнѣ не было лица.

Послѣ этого случая Бутырки сдѣлались какъ бы моей монополіей. То и дѣло приходилось ѣздить и разговаривать съ арестованными.

Случилось тогда такое обстоятельство. Профессоръ Герье, десятка два слушательницъ котораго были среди арестованныхъ, попросилъ разрѣшенія у оберъ-полицейстера переговорить со своими слушательницами. Свиданіе было разрѣшено, но въ присутствіи жандармскаго офицера, и выборъ палъ на меня.

Въ тюремномъ классѣ были собраны арестованныя слушательницы курсовъ Герье. Поздоровавшись съ ними, профессоръ занялъ учительское мѣсто, всѣ разсѣлись по партамъ, а я сѣлъ сзади. Профессоръ обратился къ курсисткамъ съ рѣчью, въ которой высказалъ слѣдующее:

— «М. Г. Вы знаете, что я профессоръ. Вы учитесь у меня, слушаете меня, признаете мой авторитетъ въ наукѣ и никому изъ Васъ не приходитъ въ голову

спорить со мною и говорить, что Вы знаете науку лучше меня. Вамъ не приходится въ голову учить меня, даже спорить со мною по моему предмету. Отчего же Вы думаете, что наука управлять государствомъ менѣе сложна. Отчего въ дѣлѣ политики Вы, молодая, неопытная, только что вступающія въ жизнь дѣвушка, считаете себя компетентными спорить съ властью. Считаете возможнымъ доказывать ей, что она не права, что Вы лучше ея знаете, что надо дѣлать, и требуете тѣхъ или иныхъ политическихъ реформъ»...

Почтенный сѣдой профессоръ долго развивалъ свои мысли, говорилъ талантливо и горячо, но успѣха не имѣлъ. Ему отвѣчала растрепанная дѣвица: тутъ было все. Нѣсколько курсистокъ наговорили ему затѣмъ много нехорошаго, нетактичнаго и даже дерзкаго. Мнѣ пришлось приблизиться и стать около профессора.

Удивленный, взволнованный и растроганный профессоръ покинулъ классъ и вышелъ со мною. При проходѣ черезъ большое помѣщеніе, гдѣ происходило свиданіе арестованныхъ съ родственниками, студенты узнали профессора, начались шканья и свистки. Я довелъ профессора до выхода, распрощался съ нимъ и вернулся въ приемную. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ подошли два студента и отъ имени всѣхъ остальныхъ просили удалиться, предупредивъ, что въ противномъ случаѣ они не ручаются за послѣдствія. Я отвѣтилъ, что въ насиліе толпы студентовъ противъ одного не вѣрю, что нахожусь среди нихъ не ради удовольствія, а по службѣ. Если же они сами вѣрятъ въ то, что говорятъ, то я, во первыхъ, немедленно прекращу всѣ свиданія и удалю родныхъ и знакомыхъ, а во вторыхъ, попрошу начальника тюрьмы вызвать караулъ и принять соответствующія мѣры. Отвѣтъ подѣйствовалъ успокоительно. Мнѣ пришлось нарочно пробыть въ пересыльной лишникъ четверть часа.

Въ тотъ день вечеромъ арестованные устроили въ видѣ протеста иллюминацію: жгли соломенники и подушки, высовывая ихъ въ окна, что заставило вызвать пожарную команду.

Финаломъ московскихъ студенческихъ беспорядковъ того года явились: высылка многихъ въ Сибирь, увольненіе многихъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и удаленіе остальныхъ на разные сроки изъ Москвы.

Наказаніе первой категоріи являлось очень строгимъ и не соответствовало видѣннѣмъ беспорядочниковъ въ массѣ. Къ примѣненію ссылки не было достаточныхъ формальныхъ данныхъ. Основаніемъ для этого тяжкаго наказанія служили большей частью, хотя и солидные, но всетаки агентурныя свѣдѣнія, исшедшія отъ той же молодежи. Самое же заключеніе о персональной виновности каждаго арестованнаго, дѣлалось на-спѣхъ и безъ строгой провѣрки выставленныхъ уликъ. Отсюда частая несправедливость наказанія.

Студенческіе беспорядки очень отражались на настроеніи города вообще. Повсюду чувствовалась особая нервозность и приподнятость.

Однажды въ тѣ дни, 9-го Февраля, пришедшая къ оберъ-полицмейстеру на приемъ курсистка Аллартъ выстрѣлила въ генерала въ упоръ, но револьверъ далъ осѣчку. Покушеніе à la Вѣра Засуличъ не удалось. Аллартъ схватили, обезоружили и привели въ охранный отдѣленіе. Маленькая, черненькая, нервная дѣвица, она очень была взволнована и не могла толкомъ разъяснить, почему и за что она стрѣляла. Если бы не чиновникъ Войлошниковъ, она была бы избита во дворѣ городовыми, которые очень любили генерала. Аллартъ опросили и передали въ жандармское управленіе.

Въ тѣ же дни, какъ то вечеромъ нѣкій, кажется, акцизный чиновникъ, Михалевичъ, пытался проникнуть къ генералу съ намѣреніемъ убить его ножомъ. Его во время замѣтили и арестовали, а ножъ отобрали. Михалевичъ производилъ впечатлѣніе какого то страннаго человѣка и на допросѣ признался, что хотѣлъ убить оберъ-полицмейстера.

Этимъ покушенія на генерала Трепова не кончились. Послѣ Декабрьской 1904 г. демонстраціи, Московскій комитетъ социалистовъ-революціонеровъ издалъ прокламацію, въ которой заявилъ, что онъ не остановится передъ тѣмъ, чтобы «казнить» Великаго Князя и Трепова.

Убіиство Великаго Князя комитетъ уступилъ Савинкову, а для убійства Трепова воспользовался предложеніемъ молодого чедовѣка Полторацкаго, котораго и снабдилъ револьверомъ. Вскорѣ револьверъ однако отобрали, сказавъ, что выдадутъ, когда будетъ нужно. Въ комитетѣ въ то время видную роль игралъ Зензиновъ.

1-го Января 1905 г. Полторацкій узналъ, что на слѣдующій день Треповъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, и сейчасъ-же сообщилъ о томъ въ комитетъ, прося указаній, причемъ предупредилъ, что если ему не дадутъ револьвера, то онъ управится своими средствами, но возлагаетъ отвѣтственность за то на партію. Не получивъ отвѣта, Полторацкій отправился 2-го Января на вокзалъ и произвелъ въ проходившаго въ вагонъ генерала два выстрѣла, но промахнулся. Социалисты-революціонеры, конечно, отреклись отъ этого покушенія, заявивъ въ «Революціонной Россіи», что Партія ничего общаго съ нимъ не имѣетъ. Такъ пишется исторія.

Весною того-же 1905 года, уже въ бытность Трепова Петербургскимъ генераль-губернаторомъ, боевая группа социалистовъ-революціонеровъ, съ Барыковымъ во главѣ, сдѣлала настоящую облаву на генерала на Большой Морской улицѣ, но вся организація была выслѣжена и арестована охраннымъ отдѣленіемъ.

Годъ спустя, лѣтомъ 1906 года, социалисты-революціонеры вновь пытались убить генерала. Въ Петергофскій паркъ былъ посланъ убійца, который и убилъ тамъ какъ-то вечеромъ нѣкоего генерала Козлова, думая, что стрѣлялъ въ Трепова. Произошла «маленькая» ошибка. Все равно царскій генераль. Такимъ-же образомъ въ Пензѣ, вмѣсто жандармскаго генерала Прозоровскаго, убили пѣхотнаго генерала Лиссовскаго; въ Кіевѣ, вмѣсто жандармскаго генерала Новицкаго, ударили въ Купеческомъ Саду ножомъ одного изъ отставныхъ армейскихъ генераловъ, а въ Швейцаріи, вмѣсто министра Дурново, отправили на тотъ свѣтъ нѣмецкаго купца Мюллера. Все это «маленькія» ошибки нашихъ социалистовъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Рабочія волненія и забастовки 1895—96 годовъ. — Рабочій вопросъ и невниманіе къ нему Витте и его министерства. — Зубатовъ — легализаторъ. — Зубатовскія организаціи въ Москвѣ. — Манифестація рабочихъ въ 1902 году и вѣнокъ на гробницу Царя-Освободителя. — Гнѣвъ Витте. — Мечты Зубатова. — Легализація въ Минскѣ. — Легализація въ Одессѣ и ея провалъ. — Причины провала Зубатовскаго движенія. — Отвѣтственность Витте по рабочему вопросу. — Ссылка Зубатова и его самоубійство. — Моя болѣзнь. — Убіиство Сипягина. — Поѣздка на Кавказъ. — Харьковско-Полтавскіе безпорядки. — Назначеніе В. К. Плеве и А. А. Лопухина. — Реформа розыска и открытіе провинціальныхъ охранныхъ отдѣленій. — Назначеніе меня въ Крымъ.

Рабочія волненія и забастовки 1895—96 годовъ выдвинули для правительства на очередь рабочій вопросъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, понимая всю государственную важность этого вопроса и заинтересованное въ немъ также и съ точки зрѣнія поддержанія общественнаго порядка въ странѣ, первое пошло въ этотъ періодъ по пути правильнаго его разрѣшенія законодательнымъ порядкомъ.

Далеко не таково было отношеніе къ рабочему вопросу министерства финансовъ съ его фабричной инспекціей и во главѣ съ Витте, на обязанности котораго по существу лежалъ рабочій вопросъ во всемъ его объемѣ въ то время. Витте ревниво оберегалъ подчиненную ему сферу, но простиралъ свои заботы только на капиталистовъ и не обращалъ должнаго вниманія на рабочихъ и ихъ нужды. И когда, подъ влияніемъ забастовокъ, по Высочайшему повеленію былъ образованъ при Департаментѣ торговли и мануфактуръ комитетъ для составленія проекта закона о нормировкѣ рабочаго времени въ фабрично-заводской промышленности, то при работахъ его различіе во взглядахъ двухъ министерствъ выявилося въ полной мѣрѣ.

На засѣданіяхъ комитета на защиту интересовъ рабочаго класса выступили тогда не чины министерства Витте съ предсѣдателемъ Ковалевскимъ, что явилось бы вполне естественнымъ, а представители министерства внутреннихъ дѣлъ: — вице-директоръ Департамента полиціи Семякинъ и хозяйственнаго департамента С. Щегловитовъ.

Почти во всѣхъ пунктахъ законопроекта представителямъ министерства внутреннихъ дѣлъ приходилось бороться съ Ковалевскимъ и другими чинами министерства финансовъ, отстаивавшими интересы фабрикантовъ. Слухи объ этой борьбѣ двухъ министерствъ проникли въ общество и были отмѣчены печатью.

Результатомъ тогдашнихъ работъ явился законъ 2-го Іюня 1897 года, который Витте разъяснилъ затѣмъ своей инструкціей чинамъ фабричной инспекціи и циркулярами опять-таки во многомъ не въ пользу рабочихъ.

Между тѣмъ рабочее движеніе было въ то время на перепутьи, и отъ правительства въ значительной степени зависѣло дать ему то или иное направленіе. Рабочіе являлись той силой, къ которой жадно тянулись революціонныя организаціи и особенно социаль-демократическія. Социаль-демократы старались уже тогда завладѣть пролетаріатомъ и направить его не только на борьбу съ существующимъ политическимъ строемъ, но и противъ всего социальнаго уклада жизни. Социальная революція и диктатура пролетаріата уже были провозглашены тогда конечною цѣлью борьбы. Конечно, все это казалось бреднями... Увы!!

То былъ моментъ, когда правительству надлежало овладѣть рабочимъ движеніемъ и направить его по руслу мирнаго профессиональнаго движенія. Витте и его министерство этимъ вопросомъ отъ сердца не интересовались. Изъ двухъ силъ, правильнымъ взаимоотношеніемъ которыхъ въ значительной мѣрѣ разрѣшается рабочій вопросъ — капиталистъ и рабочій — Витте смотрѣлъ только на перваго. Не связанный ни происхожденіемъ, ни духовно со старымъ дворянствомъ и его родовой аристократіей, онъ, очень заискивая въ нихъ свѣтски, сердцемъ тянулся къ новой знати — финансовой. Ее онъ и защищалъ и весьма часто въ ущербъ рабочаго класса.

Между тѣмъ властямъ на мѣстахъ приходилось сталкиваться и считаться съ проявленіями рабочаго движенія. Надо было такъ или иначе дѣйствовать. Въ такомъ положеніи была и Москва. Зубатовъ, какъ развитой, вдумчивый, много читавшій человекъ, видѣлъ нарастающее движеніе въ должномъ свѣтѣ и хорошо понималъ значеніе рабочаго вопроса и его роль въ судьбахъ Россіи. Онъ понималъ, что съ рабочими нельзя бороться одними полицейскими мѣрами, что надо дѣлать что то иное, и рѣшилъ дѣйствовать въ Москвѣ, какъ находилъ правильнымъ, хотя-бы то былъ и не обычный путь.

Онъ рѣшилъ не отдавать московскія рабочія массы въ руки социалистовъ, а дать имъ направленіе полезное и для нихъ, и для государства. Отсюда вытекла легализація рабочаго движенія, прозванная «Зубатовщиной». Зубатовъ занялся дѣ-

ломъ, которое не входило въ кругъ его обязанностей, что лежало на Витте и его агентахъ, но не выполнялось ими.

Основная идея Зубатова была та, что при русскомъ самодержавіи, когда Царь надпартиенъ и не заинтересованъ по преимуществу ни въ одномъ сословіи, рабочіе могутъ получить все, что имъ нужно черезъ Царя и его правительство. Освобожденіе крестьянъ лучшее тому доказательство.

Рабочее движеніе должно быть профессиональнымъ, а не революціонно социаль-демократическимъ и его надо направить на этотъ первый путь. И хотя у самихъ социаль-демократовъ увлеченіе экономизмомъ почти проходитъ, но все-таки это направление надо использовать. Правительство уже сдѣлало ошибку, прозѣвавъ его, но что-же дѣлать, лучше поздно, чѣмъ никогда. Путемъ собесѣдованія Зубатовъ сталъ готовить изъ рабочихъ пропагандистовъ его идей. Въ отдѣленіи была заведена бібліотека съ соответствующимъ подборомъ книгъ. Ввэбъ, Геркнеръ, Проккоповичъ, Зомбартъ, новый трудъ Бердяева — поворотъ къ идеализму, все было пущено въ ходъ, дабы переубѣдить сторонниковъ революціоннаго марксизма и направить ихъ въ сторону профессиональнаго движенія. Зубатовъ заставлялъ насъ основательно знакомиться со всѣми этими трудами, руководилъ этими занятіями и давалъ указанія: что, и какъ говорить съ арестованными интеллигентами и съ рабочими. Арестованнымъ социаль-демократамъ давали читать только книги нужнаго намъ для дѣла экономическаго направленія, остальное дорабатывалось при собесѣдованіяхъ на допросахъ. Мы вели въ открытую своеобразную контръ-пропаганду. Левъ Тихоміровъ давалъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ нужнаго направленія статьи, т. к. сочувствовалъ вполне проекту Зубатова.

Черезъ своихъ первыхъ развитыхъ и энергичныхъ рабочихъ, среди которыхъ выдѣлялся Слѣповъ, Зубатовъ приступилъ къ образованію въ разныхъ частяхъ города рабочихъ кружковъ, въ которыхъ и начались занятія. Эти кружки были враждебно настроены къ революціи и ея вождямъ. Марксъ былъ для нихъ врагомъ, какъ заядлый ненавистникъ Россіи, какъ одинъ изъ вреднѣйшихъ міровыхъ социалистовъ.

Рабочіе собирались въ свои клубы, и не только занимались, но и толковали о своихъ дѣлахъ и нуждахъ, и развлекались. Ихъ представители по указанію Зубатова обратились къ нѣкоторымъ профессорамъ, и начались правильныя занятія, лекціи и рефераты. Все проводилось официально черезъ оберъ-полицмейстера и генераль-губернатора. Рабочіе сами ходили всюду съ ходатайствами добиться того или другого. Зубатовъ былъ душа всего дѣла, главный рычагъ, но держался для постороннихъ въ сторонѣ.

Въ то-же время, зная все, что дѣлается на фабрикахъ и заводахъ, Охранное Отдѣленіе своевременно приходило на помощь рабочимъ въ случаѣ какихъ либо несправедливыхъ или неправильныхъ дѣйствій хозяевъ или заводской администраціи. Въ этихъ видахъ по воскреснымъ днямъ въ охранномъ отдѣленіи офицеры и чиновники принимали заявленія и жалобы отъ рабочихъ по всѣмъ вопросамъ. Рабочимъ давали разъясненія, справки, а заявленіямъ должное направленіе и поддержку въ дальнѣйшемъ въ пользу рабочихъ.

Такимъ путемъ въ рабочихъ вѣдрялось сознаніе, что они могутъ добиваться своихъ желаній безъ социалистовъ, мирнымъ путемъ и что власть не только не мѣшаетъ, но и помогаетъ имъ.

Движеніе разрасталось. Успѣхъ былъ очевиденъ. Рабочіе довѣрчиво подходили къ власти и сторонились революціонеровъ.

Мѣстные революціонные дѣятели всполошились, но обставленные надзоромъ были безсильны. Пошли сплетни и клевета среди разночинной интеллигенціи. Въ старой Россіи было такъ: разъ гдѣ либо видна рука правительства, значить то плохо; сдѣлай то-же самое кто либо иной — хорошо.

Дошло до Петербурга. Тамошнія соціалъ-демократическія организаціи стали присылать своихъ делегатовъ познакомиться, что такое дѣлается въ Москвѣ. Зубатовъ, зная о пріѣздѣ этихъ ораторовъ, устраивалъ обыкновенно такъ, что гость допускался на собраніе, ему разрѣшали говорить, но противъ него выступалъ заранѣе подготовленный болѣе сильный, горячій, талантливый ораторъ-москвичъ. Онъ побивалъ пріѣзжаго на диспутѣ и пріѣзжіи проваливался въ глазахъ рабочихъ; революціонеръ пасовалъ передъ реформистомъ. Послѣ-же диспута, на обратномъ пути въ Петербургъ депутатовъ нерѣдко арестовывали, что было большою тактической ошибкой, очень повредившей дѣлу легализаціи. Правда, благодаря этимъ арестамъ нежелательные наѣзды въ Москву прекратились; но зато и Москву стали называть гнѣздомъ провокаціи, причемъ въ это понятіе входило уже всякое дѣйствіе, связанное такъ или иначе съ охраннымъ отдѣленіемъ, и словомъ провокація было окрещено и все новое движеніе.

Между тѣмъ въ Москвѣ рабочіе жили новою, болѣе осмысленною, общественною, но не революціонною жизнью. Они жадно слушали профессоровъ, занимались самообразованіемъ, изучали экономическіе вопросы, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока дѣлами руководилъ самъ Зубатовъ и пока участіе въ дѣлѣ легализаціи охраннаго отдѣленія не стало достояніемъ широкихъ слоевъ общества.

1902-й годъ былъ апогеемъ зубатовскихъ организацій въ Москвѣ. 14-го же Февраля того года былъ утвержденъ уставъ: «Московского Общества вспоможенія рабочихъ въ механическомъ производствѣ».

22-го Февраля зубатовскими организаціями была устроена грандіозная манифестація въ Кремлѣ. До 45.000 рабочихъ собрались къ памятнику Царя-Освободителя. Полиція отсутствовала. Порядокъ поддерживался самими рабочими. Была отслужена панихида по Александру II-му и возложенъ вѣнокъ. На панихидѣ присутствовалъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ. Смотрѣлъ на происходящее съ удивленіемъ П. И. Рачковскій, командированный нарочито изъ Петербурга. Впечатлѣніе отъ происходящаго было большое. Манифестація рабочихъ происходила всего лишь нѣсколько дней спустя послѣ студенческихъ беспорядковъ.

Въ тотъ-же день рабочіе отправили въ Петербургъ депутацію, которая возложила серебряный вѣнокъ на гробницу Царя-Освободителя въ усыпальницѣ Петропавловской крѣпости. Зубатовъ легализаторъ былъ на верху своей славы. Довѣріе къ нему со стороны Трепова и Великаго Князя было полное.

Но Витте рвалъ и металъ. Московскіе капиталисты не разъ обращались къ нему съ жалобами, что полиція вмѣшивается въ ихъ взаимоотношенія съ рабочими; жаловалась и фабричная инспекція. Онъ пытался препятствовать этому, но успѣха не имѣлъ. Министерство-же внутреннихъ дѣлъ, видя благоволеніе къ работѣ Зубатова Великаго Князя и видя также и результаты въ смыслѣ вліянія на рабочихъ въ то время, когда вездѣ уже бурлило, стало покровительствовать новатору.

Зубатовъ-же, видя успѣхъ въ Москвѣ, уже мечталъ поставить дѣло и по другимъ пунктамъ, мечталъ развитъ его въ государственномъ масштабѣ, въ каковомъ направленіи и дѣйствовали на министра внутреннихъ дѣлъ.

Съ разрѣшенія Сипягина работа была начата и въ Минскѣ. Во главѣ ея стала большая поклонница Зубатова нѣкая М. Вильбушевичъ. Зубатовъ руководилъ ею изъ Москвы, на мѣстѣ-же наблюдалъ начальникъ Минскаго Жандармскаго Управ-

ленія полковникъ Васильевъ. Движеніе въ Минскѣ имѣло полный успѣхъ и забило работу революціонеровъ. Революціонеры негодовали, и не было той грязи и клеветы, которую не выливали-бы на Зубатова и его послѣдователей. Сотрудниковъ умышленно смѣшивали съ легализаторами и всѣхъ ихъ выдавали за провокаторовъ. Я забѣгу теперь немного впередъ, чтобы покончить съ легализаціей именно Зубатова.

По назначеніи министромъ внутреннихъ дѣлъ Плеве, послѣдній, повидавшись и побесѣдовавъ съ Зубатовымъ, очень заинтересовался его проектами по рабочему вопросу, призналъ его начинанія полезными для государства и далъ согласіе на ихъ продолженіе и развитіе. Зубатовъ не упустилъ, конечно, изъ виду развитъ передъ новымъ министромъ идею, насколько неправъ Витте, игнорирующій рабочій вопросъ, и сколь было-бы полезно для постановки новаго дѣла черезъ министра внутреннихъ дѣлъ имѣть институтъ фабричной инспекціи въ подчиненіи у этого послѣдняго. Передъ Плеве рисовался цѣлый планъ широчайшей реформы. И какъ только Зубатовъ былъ переведенъ въ Петербургъ, о чемъ будетъ сказано ниже, ему было разрѣшено не только опекать уже созданное московское движеніе, но и продолжать таковое-же въ Минскѣ и ставить его въ Одессѣ, Кіевѣ и, самое главное, въ Петербургѣ.

Конецъ 1902 года и начало 1903 прошли для Зубатова въ подготовительныхъ по Петербургу работахъ. На квартирѣ Зубатова шли совѣщанія съ лицами, увлекавшимися идеей поставить рабочее профессиональное движеніе въ Россіи и шедшими на совмѣстную работу съ Зубатовымъ, за которымъ оставалась однако, скрытая закулисная роль негласнаго руководителя. На совѣщаніяхъ участвовали уже занимавшаяся легализаціей въ Минскѣ Вильбушевичъ, предназначенный для постановки дѣла въ Одессѣ нѣкій Шаевичъ, прежній сотрудникъ, а въ то время чиновникъ департамента, Гуровичъ, профессора Скворцовъ и Орнацкій и еще нѣсколько видныхъ Петербургскихъ дѣятелей, а также оканчивавшій въ томъ году Духовную Академію священникъ Гапонъ, который долженъ былъ начать работу среди рабочихъ въ Петербургѣ.

Но эти большія собранія въ сущности лишь утверждали тѣ основныя начала организаціи, которыя вырабатывались въ болѣе интимныхъ бесѣдахъ на конспиративной квартирѣ Мѣдника на Преображенской улицѣ, между Зубатовымъ, Вильбушевичъ, Шаевичемъ и Гапономъ, т. е. между непосредственными работниками. Раза два былъ на этихъ бесѣдахъ и я. Неподдѣльной искренностью дышало то, что говорила Вильбушевичъ, искреннимъ казался и Гапонъ, глаза котораго горѣли какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, но Шаевичъ оставилъ по себѣ странное, неопредѣленное впечатлѣніе: не то революціонеръ, не то легальный дѣятель, ни рыба, ни мясо. Онъ мнѣ не понравился, хотя Зубатовъ былъ имъ очень доволенъ, но онъ очень иногда увлекался и ошибался въ своихъ симпатіяхъ.

Въ результатъ предпринятыхъ Зубатовымъ шаговъ, въ началѣ 1903 года въ Петербургѣ было основано «Общество петербургскихъ рабочихъ», торжественное открытіе котораго состоялось при участіи ректора Петербургской Духовной Академіи. Но, понимая невозможность широкой работы въ предпринятомъ направленіи при враждебномъ отношеніи къ нему министра финансовъ, Зубатовъ тогда же предпринялъ нѣкоторые шаги для привлеченія его къ этому дѣлу, и къ Витте была отправлена депутація рабочихъ съ просьбой о содѣйствіи, но тотъ отнесся къ ней крайне неблагопріятно, и депутація ушла отъ него ни съ чѣмъ. Начатое въ Петербургѣ дѣло стало понемногу развиваться.

Въ тотъ же періодъ времени Зубатовъ началъ легализацію и въ Одессѣ, куда былъ посланъ Шаевичъ, присматривать же за нимъ долженъ былъ начальникъ

Одесскаго охраннаго отдѣленія Васильевъ, который былъ вызванъ въ Петербургъ вмѣстѣ со мною и которому даны были соотвѣтствующія по этому поводу указанія и инструкціи. Градоначальнику Шувалову отъ имени Плеве было послано письмо о поддержкѣ новаго движенія съ указаніемъ лицъ туда командируемыхъ. Съ этими лицами былъ познакомленъ начальникъ личной охраны Плеве, Александръ Спиридоновичъ Скандраковъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ министра. Плеве зналъ Скандракова еще со временъ своего директорства, когда тотъ былъ сперва жандармскимъ офицеромъ у генерала Новицкаго въ Кіевѣ, а затѣмъ начальникомъ Московскаго охраннаго отдѣленія. Онъ былъ другъ Судейкина. Черезъ Скандракова Плеве былъ въ курсѣ и всей петербургской легализаціи, черезъ него же онъ зналъ и все то, что хотѣлъ знать своимъ личнымъ путемъ. Скандраковъ вѣдалъ у него перлюстраціей, предназначавшейся только для министра. Въ лицѣ Скандракова была своя личная не только физическая охрана, но и сверхъ-полиція, наблюдавшая путемъ перлюстраціи не только за нѣкоторыми частными лицами, но и за министрами, за нѣкоторыми сановниками и даже за самимъ директоромъ Департамента полиціи.

Работа въ Одессѣ началась и стала расширяться. Но занятый своимъ прямымъ дѣломъ, Васильевъ не справился съ порученной ему надзору легализаціей, Шаевичъ ускользнулъ у него изъ рукъ, сыгралъ въ лѣвизну, и одесская работа закончилась лѣтомъ 1903 года большой забастовкой, въ которой приняли главное участіе именно соорганизованные Шаевичемъ рабочіе.

Теперь все сразу обрушилось на Зубатова. Всѣ враги Зубатова какъ бы объединились противъ него и рѣшили использовать благоприятный моментъ для его паденія. Про Зубатова кричали, что онъ самъ устроилъ забастовку, что онъ самъ революціонеръ. Обвиненіе въ революціонизмѣ было конечно нелѣпо, но оно шло изъ круговъ чиновничества и его конечно подхватили въ пику правительству. Въ дѣло вмѣшался Великій Князь Александръ Михайловичъ, доложившій Государю, что забастовку въ Одессѣ устроилъ самъ Зубатовъ. Директоръ Лопухинъ въ это время былъ за-границей. Плеве взвѣсилъ всѣ обстоятельства и рѣшилъ пожертвовать Зубатовымъ и покончить съ нимъ, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ узналъ, что Зубатовъ ведетъ противъ него интригу вмѣстѣ съ Витте и княземъ Мещерскимъ, изъ которыхъ послѣдній старается повліять на Государя, дабы убрать его, Плеве, и назначить на его постъ Витте.

Послѣдній долженъ былъ начать нѣкоторыя либеральныя реформы и въ частности реформу по рабочему вопросу въ духѣ идей Зубатова.

Взбѣшенный раскрытою интригою, недовольный Одесскими событіями и направливаемый на Зубатова со всѣхъ сторонъ, Плеве доложилъ Государю о томъ, что главнымъ виновникомъ Одесской забастовки является Зубатовъ, дѣйствовавшій самовольно и безъ всякаго вѣдома министра. Доложилъ государю Плеве и о раскрытіи имъ интриги и объ участіи въ ней Зубатова и высказалъ мнѣніе о необходимости увольненія Зубатова, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Зубатовъ былъ уволенъ. Мстительный Плеве придалъ увольненію скандально-оскорбительный характеръ. Плеве вызвалъ Зубатова и въ присутствіи командира Корпуса жандармовъ, генерала фонъ-Валля, наговорилъ ему много рѣзкаго вообще и въ частности за одесскую забастовку. Никогда не бывшій по существу чиновникомъ, Зубатовъ отвѣтилъ Плеве не менѣе рѣзко, указавъ ему, что опыты по легализаціи въ Одессѣ дѣлались съ разрѣшенія его, министра, и въ заключеніе быстро вышелъ изъ кабинета и такъ хлопнулъ дверьми, что, какъ потомъ рассказывалъ мнѣ Скандраковъ, чуть стекла не посыпались. «Орелъ былъ очень взбѣшенъ» — говорилъ Скандраковъ.

Генералу фонъ-Валль было приказано наблюсти за немедленной сдачей Зубатовымъ должности его бывшему по Москвѣ помощнику, полковнику Сазонову. Произвели какъ бы обыскъ въ его письменномъ столѣ. Зубатовъ былъ арестованъ и высланъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, Шаевичъ же былъ сосланъ въ Вологду.

Съ увольненіемъ Зубатова рушилась въ сущности его легализація, т. к. продолженіе ея не шло уже такъ, какъ понималъ и велъ ее онъ, ея творецъ и вдохновитель. Рушился любопытный опытъ Зубатовскаго разрѣшенія рабочаго вопроса на мѣстахъ. Идея Зубатова была вѣрна и не нова, но проведеніе ея въ жизнь было уродливо и неправильно. Оно явилось казеннымъ, полицейско-кустарническимъ и шло, какъ говорится, не по принадлежности. Для профессиональнаго русскаго рабочаго движенія не нашлось въ нужный моментъ національнаго, свободнаго, общественнаго вождя. Не выдѣлило такого реформатора изъ своихъ рядовъ и правительство. У Витте, какъ министра финансовъ, не оказалось глубокаго знанія и пониманія рабочаго вопроса, ни государственнаго чутья къ нему, ни интереса. Его собственныя записки лучшее тому доказательство. Не нашлось около Витте и человѣка, который бы зажегъ его интересомъ къ рабочему вопросу и направилъ бы его на разрѣшеніе этого вопроса государственнымъ размахомъ, какъ то было у Витте въ другихъ сферахъ его дѣятельности. Графъ Витте бранится въ своихъ запискахъ на все и на вся и только мать свою родную онъ, кажется, не обругалъ, но за его политику по рабочему вопросу будущій историкъ Россіи его самого навѣрное не похвалить.

Что же случилось съ Зубатовымъ? Ненавидимый революціонерами, непонятый обществомъ, отвергнутый правительствомъ и заподозрѣнный нѣкоторыми въ революціонности, Зубатовъ уѣхалъ въ ссылку. Но опала и ссылка, гдѣ мнѣ удалось побывать у него въ гостяхъ лѣтомъ 1904 года, удалось и долго и хорошо побесѣдовать, не повліяли на его политическія убѣжденія. И во Владимірѣ и послѣ, живя въ Москвѣ, Зубатовъ продолжалъ оставаться честнымъ человѣкомъ и идейнымъ, и стойкимъ монархистомъ.

И когда, спустя четырнадцать лѣтъ, Зубатовъ, сидя за обѣдомъ съ своей семьей въ Замоскворѣчьи, узналъ, что Царь отрекся, что въ Россіи революція, — онъ молча выслушалъ страшную вѣсть, понялъ весь ужасъ происшедшаго и вышелъ въ соседнюю комнату....

Раздался выстрѣлъ. Зубатова не стало.

Полная нервнаго напряженія работа по студенческимъ безпорядкамъ 1902 года свалила меня. Меня лихорадило и душилъ кашель. Врачи признали туберкулезъ и требовали выѣзда въ Абастуманъ. Средствъ не было. Стали списываться съ Петербургомъ.

Какъ разъ въ это время, 2-го Апрѣля днемъ, намъ въ отдѣленіе протелефонировали изъ Петербурга, что тамъ только что убитъ министръ Сипягинъ. Убійца, бывший кіевскій студентъ безпорядочникъ Балмашовъ былъ одѣтъ въ адъютантскую форму и отрекомендовался министру какъ прибывшій изъ Москвы съ пакетомъ отъ Вел. Кн. Сергѣя Александровича.

Новость неприятная. Всѣ были взволнованы. На другой день появилась прокламація, разъяснявшая мотивы убійства и озаглавленная: «Боевая организація партіи социалистовъ-революціонеровъ». Она имѣла подзаголовокъ: «По дѣламъ вашимъ воздастся вамъ».

Въ ту же ночь, въ отдѣленіе пришла телеграмма отъ начальника Саратовскаго жандармскаго управленія, сообщавшая, что находившійся тамъ подъ наблюденіемъ московскихъ филеровъ нѣкій Мельниковъ, несшій при себѣ какой-то свертокъ и ставшійся скрыться отъ наблюденія, напалъ на одного изъ филеровъ, нанесъ ему нѣсколько ножевыхъ ранъ и скрылся. Убѣгая Мельниковъ обронилъ свертокъ, въ которомъ оказался типографскій шрифтъ и прокламація Боевой Организациі обь убійствѣ Сипягина, датированная 2-е Апрѣля. Въ отдѣленіи растерялись. На лицо была связь съ убійствомъ министра. Растерялся и Департаментъ полиціи. Свалилась какъ снѣгъ на-голову Боевая Организациія. Откуда это, кто во главѣ ея? Что же дѣлаетъ за-границей Рачковскій, вѣдь тамъ центральный комитетъ!

Телеграмма изъ Саратова указывала, что наружное наблюденіе гдѣ-то соприкасается съ Боевой организацией. Мѣдниковъ волновался и ходилъ въ красныхъ пятахъ. Просматривались сводки загородняго филерскаго наблюденія.

Въ тѣ дни изъ департамента пришло распоряженіе, чтобы я немедленно отправился въ Тифлисъ для ознакомленія съ положеніемъ революціоннаго дѣла на Кавказѣ, чѣмъ мнѣ предоставили возможность ѣхать лѣчиться. Забравъ жену и дочурку Ксенію, которую она подарила мнѣ въ 1901 году, я не замедлилъ выѣхать, провожаемый съ завистью сослуживцами, которымъ предстояло много хлопотъ.

Служить въ Москвѣ мнѣ больше уже не пришлось. Я уѣзжалъ отсюда, унося новый служебный опытъ, маленькій крестикъ Станислава 3-й степени, какъ поощреніе къ работѣ, и первый Высочайшій подарокъ—золотые карманные часы съ государственнымъ гербомъ, пожалованные за Высочайшій пріѣздъ въ тѣ годы въ Москву Государя Императора. Много я послѣ получалъ болѣе цѣнныхъ и красивыхъ подарковъ, но тотъ скромный оберъ-офицерскій мнѣ былъ дороже всѣхъ. Хранилъ я его бережно подъ ключомъ и сталъ носить только послѣ большевицкой революціи, пока, однажды, въ свѣтлый Іюльскій петербургскій вечеръ, герои «чернаго автомобиля» не напали на насъ съ женою и не освободили насъ отъ всего того, что было въ карманахъ. Погибъ и дорогой подарокъ.

Въ Тифлисѣ я узналъ о Харьковско-Полтавскихъ крестьянскихъ беспорядкахъ и о томъ, что они были быстро прекращены Харьковскимъ губернаторомъ княземъ Оболенскимъ, прибѣгнувшимъ къ поркѣ. На томъ и кончилась энергія князя. Позднѣе, послѣ покушенія на него Кочуры, онъ сдалъ въ Финляндіи по всѣмъ статьямъ.

Въ описаніи этихъ крестьянскихъ разгромовъ, социалисты-революціонеры доходили до крайняго цинизма. Одна изъ ихнихъ прокламацій сообщала въ тѣ годы на поученіе своей молодежи, что крестьяне «буйствъ и безчинствъ никакихъ не дѣлали, никого не били и не убивали, только если помѣщикъ не соглашался отдать добромъ, такъ отбирали насильно... не чужое, не помѣщичье добро брали они, а только возвращали себѣ свое, потомъ - кровью добытое, несправедливо присвоенное помѣщиками. Какіе же они грабители»...

Такъ писала тогда добрая «бабушка» Брешко-Брешковская и будущій селянскій министръ Черновъ. Они очень любили крестьянъ. Первая даже платочкомъ повязалась тогда и «Катериной» подписываться стала, что не помѣшало однако ей позже, при первой же къ тому возможности, въѣхать на жительство въ Царскіе хоромы, въ Зимній Дворецъ.

Въ Тифлисѣ же узналъ я о назначеніи министромъ Плеве и директоромъ Департамента полиціи Лопухина. Вскорѣ послѣдній вызвалъ меня изъ командировки, т. е. находилъ ее неправильной и далъ мнѣ отпускъ въ Абастуманъ. Лѣчасъ въ горахъ, я рвался на Сѣверъ. Тамъ, въ связи съ происшедшими событіями шла боль-

шая работа по реорганизации политического розыска. Убийство Сипягина, официальное заявление о своем существовании со стороны Боевой организации, крестьянские беспорядки, участие в которых социалистов-революционеров было несомненно, стрельба Кочуры в князя Оболенского за усмирении беспорядков — все это ясно указывало новому министру на плохую постановку розыска на местах и в центрах. Прощедший школу Директора департамента полиции в 80-х годах, помня «Народную Волю», Плеве приступил к реорганизации розыска. Но только Плеве не понимал того объекта, против которого он стал перестраивать розыскной аппарат. На происходящее в России революционное движение того времени Плеве продолжал смотреть глазами 80-х годов. Он не понимал его широкого общественного характера и видел в нем, как некогда, в эпоху «Народной Воли», лишь проявление злой воли кучки энергичных революционеров. Он думал, что достаточно только изъять их из обращения и революция будет побуждена.

Плеве пригласил на пост директора Департамента полиции популярного в то время прокурора Харьковской Судебной Палаты, слышавшего за либерала Алексея Александровича Лопухина, назначением которого он мирил себя с либеральными кругами.

Заведующим Особым отделом Департамента полиции был назначен Зубатов, хотя официально, сперва заведовал им никто Зиберт. С Зубатовым Плеве долго беседовал сейчас же после своего назначения министром, по дороге в Троицко-Сергиевскую Лавру, которую он считал нужным посетить, приступая к тяжелой и ответственной работе. Летучий отряд во главе с Мѣдниковым был взят из Москвы в Департамент.

Был разработан проект учреждения по главным городам России охраняемых отделений под именем розыскных пунктов. Государь утвердил положение об них, и новые органы начали действовать. Они были независимы на местах и подчинялись Департаменту полиции. Начальники их в строевом отношении прикомандировывались к местным жандармским управлениям, но это подчинение было лишь формальное, зависели они только от директора, на местах же ближе всего стояли к губернатору.

Внутренняя агентура через сотрудников и филерское наблюдение через особо нанятых для того людей были заведены повсюду. Руководящие директивы по розыску шли по Зубатову, филерская же служба практиковалась по Мѣдникову. Из его Летучаго отряда были назначены заведующие наружным наблюдением во все вновь открытые отделения. Подчиняясь начальникам, эти старшие филеры сохраняли самую тесную связь со своим Евстратий Павловичем и писали ему подробные письма о всем, что делалось в отделениях. Начальники последних фактически подпадали под самый бдительный надзор и контроль Мѣдникова. Они должны были писать ему обо всем частными письмами. Доклад директору — письмо Мѣдникову, а кто знал хорошо Зубатова, то писал еще и ему. Своеобразно, но впервые Департамент полиции взял в свои руки все нити политического розыска в стране и стал фактически и деловито руководить им.

Реформа розыска была встречена крайне недружелюбно в Корпусе жандармов и его штабе. Была довольна молодежь, т. к. ей давали ход по интересной работе, но старые начальники управлений, считавшие себя богами, были обижены. Они официально отходили от розыска, хотя фактически они им серьезно и не занимались. Их значение уменьшалось в глазах местной администрации, полиции и обывателя. К тому же и кредиты, отпускавшиеся им на агентурные расходы переходили к новым органам.

Штабъ корпуса видѣлъ въ реформѣ усиливающееся вліяніе Департамента полиціи. Часть офицеровъ уходила изъ подъ его власти, и въ корпусъ вливалось статское начало, т. к. весь укладъ службы и обихода охранныхъ отдѣленій рѣзко отличался отъ жандармскихъ управленій. Появилась новая кличка для части офицеровъ — «департаментскіе» или «охранники».

Губернаторы же въ городахъ, гдѣ открывались охранныя отдѣленія, были довольны. Новые органы становились ближе къ нимъ, чѣмъ вполнѣ независимые жандармскія управленія, и во главѣ ихъ были молодые офицеры, на которыхъ, казалось, можно больше вліять. Офицеры эти, зачастую, сами искали опоры въ губернаторахъ. Самое же главное было то, что губернаторъ и начальникъ охраннаго отдѣленія являлись одинаково заинтересованными въ поддержаніи спокойствія въ губерніи и имѣли общее прямое начальство.

Съ новой реформой всѣ служившіе при Зубатовѣ въ Москвѣ офицеры получили отвѣтственныя назначенія: подполковникъ Сазоновъ былъ назначенъ начальникомъ Петербургскаго охраннаго отдѣленія, ротмистръ Ратко — Московскаго, ротмистръ Петерсенъ — Варшавскаго, ротмистръ Герарди взятъ въ Петербургъ и позже назначенъ начальникомъ дворцовой полиціи. Нѣсколько чиновниковъ и въ томъ числѣ Меньшиковъ были переведены въ Департаментъ въ особый отдѣлъ.

Меня, самага молодого, назначили начальникомъ Таврическаго охраннаго отдѣленія, которое создавалось въ виду нахождения въ томъ районѣ Императорской Ливадіи. Мнѣ дали о томъ телеграмму въ Абастуманъ и потребовали немедленнаго вступленія въ должность, ввиду предполагавшейся поѣздки въ Ливадію Ихъ Величествъ. Я выѣхалъ въ Крымъ. Для меня началась самостоятельная отвѣтственная служба.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Служба въ Крыму. — Поиски Мельникова. — Севастопольскіе эсъ-эры. — Отъѣздъ Государя изъ Крыма. — Переводъ меня въ Кіевъ. — Отъѣздъ изъ Симферополя. — Петербургъ. — Значеніе Кіева. — Назначеніе меня начальникомъ Кіевскаго Охраннаго отдѣленія. — Приѣздъ въ Кіевъ. — Губернаторъ Ф. Ф. Треповъ. — Прокуроръ Палаты С. А. Лопухинъ. — Генераль-губернаторъ Драгомировъ. — Приемъ отдѣленія. — Генераль В. Д. Новицкій. — Арестъ Мельникова. — Гершъ-Исааковъ-Ицковъ, онъ-же Григорій Андреевичъ Гершуни. — Розыски Гершуни и его арестъ. — Скандалъ съ Новицкимъ и его уходъ. — Клевета Новицкаго на Плеве.

Приѣхавъ въ Симферополь, я засталъ администрацію въ волненіи въ виду ожидавшагося Высочайшаго приѣзда. Вскорѣ Ихъ Величества приѣхали и прослѣдовали въ Ливадію.

Таврическимъ губернаторомъ въ то время былъ только-что назначенъ Владимиръ Федоровичъ Треповъ, братъ Московскаго. Мнѣ это было очень пріятно. Но городъ былъ еще полонъ воспоминаній о старомъ губернаторѣ Лазаревѣ и его женѣ, при которыхъ жизнь кипѣла весельемъ. Новый губернаторъ требовалъ дѣла.

Знакомиться съ обстановкой Крыма и ставить розыскъ мнѣ приходилось при валичій Державныхъ Хозяевъ, что было очень трудно. Вскорѣ приѣхалъ Плеве и проѣхалъ въ Ялту. Впервые я представился тогда ему, и онъ говорилъ со мной какъ съ молодымъ, неопытнымъ, но недурнымъ ученикомъ. Департаментъ-же полиціи въ это время засыпалъ меня телеграммами о розыскѣ и арестѣ утеряннаго наблюденіемъ въ Саратовѣ террориста Мельникова, который направился въ Крымъ, что очень беспокоило Петербургъ. Мнѣ прислали знавшихъ его въ лицо филеровъ. Всѣ поѣзда между Симферополемъ и Севастополемъ сопровождались филерами и жан-

дармами, на почтовыхъ-же станціяхъ были учреждены дежурства. Автомобилей тогда еще не было. Я метался между главными пунктами. Въ самомъ Севастополѣ эсъ-эровская группа съ докторомъ Никоновымъ и его друзьями наблюдалась очень хорошо. Мы знали все, что дѣлалось у нихъ. Знали, какъ ѣздить они въ одинъ изъ пригородныхъ хуторовъ и мастерять тамъ на гектографѣ прокламаціи. Въ городѣ-же, получая корреспонденцію, читаютъ ее всегда передъ каминомъ: чуть подозрительный шорохъ — жандармы — все летитъ въ пламя. Знали кое что и другое. Но Мельникова все таки не находили, что Петербургу не нравилось.

Въ началѣ Декабря Государь съ семьей возвратился изъ Ливадіи въ Севастополь, чтобы слѣдовать на Сѣверъ. Былъ ясный осенній день. Красавецъ «Штандартъ» подъ брейдъ-рымпеломъ Его Величества гордо величественно подходитъ къ Царской Пристаніи. Онъ точно сознаетъ, кого имѣетъ на борту. Государь съ семьей на палубѣ. Флигель-Адъютантъ полковникъ Мосоловъ держитъ на рукахъ одну изъ Великихъ Княженъ. — «Какой счастливецъ» — говорятъ на пристани. Играютъ гимнъ. Салютуетъ почетный караулъ. Съ рейда, съ горы, со всѣхъ сторонъ несется «ура»...

Все промелькнуло быстро, какъ хорошій сонъ. «Они» уѣхали, и стало какъ-то особенно буднично и сѣро.

Не прошло и нѣсколько дней послѣ того, не успѣли мы съ женой налюбоваться пожалованными мнѣ прелестными дамскими часиками съ брилліанговымъ орломъ, какъ я получилъ телеграмму о назначеніи меня начальникомъ Кіевскаго охраннаго отдѣленія съ требованіемъ ликвидировать дѣла и прибыть въ Петербургъ. Я только что сталъ привыкать къ мѣсту, мы только что распаковали вещи и—опять укладываться, опять переѣзжать... Жена плакала. Откажись. Мнѣ жалко покидать Крымъ, но ничего не подѣлаешь. Стали спѣшно собираться и, спустя немного, я уже ѣхалъ въ Петербургъ.

Начальство приняло меня въ Петербургѣ очень внимательно. Кіевомъ тогда очень интересовались. Послѣдніе террористическіе акты были связаны съ Кіевомъ. По даннымъ департаментской агентуры, глава Боевой организаціи Гершуни тяготѣлъ къ Кіеву, и тамъ гдѣ-то витала и Брешко-Брешковская. Перлюстрація указывала, что на Кіевъ идетъ изъ-заграницы переписка по Боевой организаціи. Она шла даже и открытками. То получится изображеніе красной вѣдьмы, то всадникъ, взявшій барьеръ — понимай, что кто-то перемахнулъ границу. Сгустившуюся около Кіева конспирацію надо было распутать и ликвидировать, а главное надо было изловить Гершуни.

Кромѣ того, изъ Кіева-же социаль-демократы распространяли въ большомъ количествѣ по всему Югу прокламаціи, отпечатанныя косымъ шрифтомъ. Надо было отыскать и эту типографію.

Начальство было недовольно начальникомъ Кіевскаго управленія генераломъ Новицкимъ. Управленіе ничего не знало. Плохо былъ освѣдомленъ и порекомендованный Новицкимъ первый начальникъ охраннаго отдѣленія, почему туда и рѣшили назначить розыскаго офицера, прошедшаго охранное отдѣленіе. А. А. Лопухинъ далъ мнѣ нѣсколько цѣнныхъ житейскихъ совѣтовъ. Одному въ жизни не прожить, говорилъ онъ мнѣ, между прочимъ, надо имѣть поддержку, и онъ совѣтовалъ мнѣ найти ее въ прокуратурѣ. Прокуроромъ-же палаты въ Кіевѣ былъ его дядя.

Зубатовъ хотѣлъ начать тогда и въ Кіевѣ легализацію рабочаго движенія и говорилъ со мной на эту тему. Это было одновременно съ началомъ Одесской лега-

лизаціи. Плеве благословлялъ на работу. Я упрашивалъ Зубатова не начинать пока легализацію въ Кіевѣ, а дать мнѣ сначала время и возможность заняться только революціей, а тамъ видно будетъ. Онъ уступилъ, и легализація миновала Кіевъ.

Въ началѣ Января 1903 года, я приѣхалъ въ Кіевъ и прежде всего явился генералу Новицкому. Принялъ онъ меня холодно. Онъ ненавидѣлъ Зубатова, и это перекладывалось на меня и къ тому-же меня назначили смѣнить его любимаго офицера, котораго признали несоотвѣтствующимъ должности начальника охраннаго отдѣленія, хотя вообще онъ былъ хорошею офицеръ.

Губернаторъ Ф. Ф. Треповъ, генералъ, братъ двухъ Треповыхъ, съ которыми мнѣ уже приходилось служить, принялъ меня хорошо. Онъ былъ на уходѣ. Плеве былъ недоволенъ имъ за демонстрацію 1902 г., которая прошла въ Кіевѣ съ большою помпой, чѣмъ революціонеры очень гордились и хвастались, и поэтому Плеве считалъ Трепова слишкомъ мягкимъ.

Прокуроръ палаты Лопухинъ производилъ впечатлѣніе хорошаго стараго московскаго барина. Спокойный, онъ смотрѣлъ на меня покровительственно свысока. Говорилъ онъ слегка картавя, а слово филеръ произносилъ на французскій манеръ, что имѣло какой-то особый шармъ. Чувствовалось, что въ немъ можно найти благожелателя.

Съ трепетомъ ѣхалъ я являться генералъ-губернатору генералъ-адъютанту Драгомирову, который былъ и командующимъ войсками округа. Про него ходило много легендъ и анекдотовъ. Въ Петербургѣ меня предупреждали, что онъ либералъ, что онъ не любитъ жандармовъ и въ очень плохихъ отношеніяхъ съ Новицкимъ. Рассказывали, что когда-то, когда Драгомировъ былъ помоложе и любилъ выпить, онъ какъ-то закутилъ и веселился дня три. И будто-бы тогда Новицкій написалъ на него докладъ въ Петербургъ. Узнавъ о томъ, Драгомировъ послалъ телеграмму Государю Александру III-му такого содержания: «Третій день пью здоровье Вашего Императорскаго Величества». И будто-бы получилъ въ отвѣтъ: «Пора-бы и перестать».

Драгомировъ возненавидѣлъ Новицкаго и, при первой-же послѣ этого встрѣчѣ съ нимъ, повернулся къ Новицкому спиной, низко нагнулся и, раздвинувъ фалды сюртука, сказалъ: — «Виновать, Ваше Превосходительство, сѣките, виновать!» Анекдотъ этотъ былъ очень распространенъ. Все это не предвѣщало ничего хорошаго, и я естественно волновался.

Въ большой пріемной дома командующаго войсками выстроилось человекъ двадцать разнаго званія и положенія. Вышелъ Драгомировъ. Крупный, въ сѣрой казакей черкескѣ съ кинжаломъ, съ Георгіемъ на шеѣ, болѣзненный на видъ, онъ обходилъ по очереди всѣхъ представлявшихся. Дошелъ до меня; я представился. Внимательно всматриваясь въ меня и спросивъ, въ чемъ будетъ заключаться моя служба и кому я буду подчиняться, Драгомировъ призналъ съ разстановкой: — «Такъ, такъ... ну дай Богъ, дай Богъ» и ухмыляясь подалъ мнѣ руку.

Когда же я одѣвался уже въ швейцарской, сверху вдругъ послышался голосъ Драгомирова: — «Ротмистръ, ротмистръ!»

Я сталъ сбрасывать пальто и подбѣжалъ къ лѣстницѣ, а Драгомировъ продолжалъ кричать сверху: — «Ротмистръ, Вы мнѣ артиллеристиковъ то моихъ раздѣляйте, хорошенько раздѣляйте, прощайте!»

Я уходилъ ободренный. Пріемъ генералъ-губернатора мнѣ понравился. Его фраза объ артиллеристахъ была знаменательна: это своего рода картъ-бляншь относительно военныхъ.

Я представился затѣмъ его помощнику генералу Сухомлинову, который отвѣтилъ мнѣ визитомъ въ тотъ же день и поздравилъ меня съ успѣхомъ у генералъ-

губернатора. Я сталъ принимать отдѣленіе. Въ качествѣ сотрудниковъ мнѣ были представлены два студента, изъ которыхъ ни одинъ никакихъ партійныхъ связей не имѣлъ, да одинъ рабочій желѣзнодорожникъ, это было все. Канцелярію составляли три человѣка, которые были въ ссорѣ и другъ съ другомъ не разговаривали.

На своей квартирѣ предшественникъ передалъ мнѣ двѣ увѣсистыхъ кипы записокъ Департамента полиціи съ копіями перлюстрированныхъ писемъ. Перевязавъ кипы веревкой, я увезъ ихъ къ себѣ въ гостиницу. Начавъ разбираться, я увидѣлъ, что бумаги тѣ были нечитаны, а если и читаны, то исполненія по нимъ не дѣлалось никакого. Между тѣмъ въ письмахъ былъ цѣннѣйшій матеріалъ по эсъ-эрамъ. Недовольство Кіевомъ мнѣ стало понятно. Припавъ филеровъ и денежный ящикъ, я донесъ о вступленіи въ должность и приступилъ къ работѣ. Но работа эта вначалѣ сильно осложнялась ненормальнымъ отношеніемъ съ генераломъ Новицкимъ.

Генералъ Новицкій въ жандармско-революціонномъ мірѣ являлся знаменитостью. Онъ 25 лѣтъ состоялъ начальникомъ одного и того же Кіевского жандармскаго управленія и прослужилъ ихъ довольно талантливо и громко. Боролся онъ нѣкогда съ народовольцами и съ успѣхомъ. Былъ въ молодости красивъ и представительнъ. Но это было все.

Когда я встрѣтился съ Новицкимъ, это былъ тучный генералъ съ короткой шеей, бритый, съ энергичной сѣдой головой, съ черными нафабреными усами и бровями, съ живыми глазами. Говорилъ громко. Одѣвался отлично. Дома ходилъ по старинному въ бѣломъ жилетѣ съ Владиміромъ на шеѣ и въ разстегнутомъ сюртукѣ.

Онъ весь былъ въ прошломъ и любилъ рассказывать про былые дни и дѣла. Новаго революціоннаго движенія онъ не зналъ. Агентуры настоящей не имѣлъ. Отъ Витте, послѣ открытія Кіевского Политехническаго Института, онъ получалъ на спеціальную по нему агентуру десять тысячъ въ годъ, но это было ихъ обоихъ частное дѣло. Во всѣхъ городскихъ сплетняхъ и передрыгахъ былъ отлично освѣдомленъ. Играя каждый день въ карты въ клубѣ съ мѣстными тузами, между которыми были и евреи, считалъ, что получаетъ отъ нихъ богатѣйшій освѣдомительный матеріалъ...

Полиція, чиновники, мирное населеніе его боялись очень, активные же революціонеры надъ нимъ подсмѣивались. Вскорѣ послѣ моего приѣзда, зная о предстоящемъ 25-ти лѣтнемъ юбилеѣ генерала по должности начальника управленія, мѣстный комитетъ Росс. Соц.-Дем. Раб партіи выпустилъ посвященную ему крайне ядовитую прокламацію - адресъ, отпечатанную во множествѣ экземпляровъ «косымъ» шрифтомъ.

Окинувъ прошлую службу генерала и указавъ на преслѣдованія, которымъ подвергались отъ него разныя мѣстныя организаціи, комитетъ благодарилъ генерала за исключительно снисходительное къ нему отношеніе, благодаря чему комитетъ, де, могъ работать спокойно и его типографія успѣла «стереть» свой косой шрифтъ. И вотъ, мѣняя послѣдній на другой, комитетъ считаетъ своимъ долгомъ поблагодарить юбиляра. Прокламація была не въ бровь, а въ глазъ и доставила генералу много неприятныхъ минутъ.

Открытіе охраннаго отдѣленія въ городѣ Новицкій считалъ какъ бы личнымъ оскорбленіемъ; а меня своимъ личнымъ врагомъ. Такое отношеніе вліяло и на офицеровъ. Все это далеко не облегчало и безъ того не легкую работу. Приходилось рассчитывать только на себя. Скоро счастливый случай подбодрилъ и меня, и моихъ подчиненныхъ.

Однажды въ концѣ Января 1903 года филеры встрѣтили несжиданно на улицѣ боевика Мельникова, котораго мы такъ тщетно искали въ Крыму, но Мельниковъ сумѣлъ удрасть. Я былъ внѣ себя. Не окончивъ Горнаго Института, Мельниковъ сдѣ-

лался професіональнимъ революціонеромъ, перешель на нелегальное положеніе и являлся какъ бы помощникомъ Гершуни по Боевой Организациі. Онъ принималъ большое участіе въ подготовкѣ убійства Сипягина, стоялъ близко къ одной изъ эсъ-эровскихъ типографій и исполнялъ роль разъѣзднаго агента. Неудача съ Мельниковымъ являлась большою оплошностью Я разнесъ филеровъ. Были приняты всѣ возможныя мѣры и на другой же день филеры арестовали его. Наткнувшись на филеровъ, Мельниковъ бросился бѣжать, юркнулъ въ одинъ изъ дворовъ и закупорился въ уборной. Валомали дверь и взяли его.

Онъ жилъ подъ фамиліей Завадскаго и, какъ оказалось, пріѣхалъ въ Кіевъ изъ Крыма, уѣхавъ оттуда передъ пріѣздомъ Царя. На квартирѣ у него былъ найденъ большой складъ новой эсъ-эровской литературы и въ томъ числѣ манифестъ «южной» партіи социалистовъ-революціонеровъ. Арестомъ Мельникова начальство было очень довольно, и потому мы всѣ получили награды, и это насъ очень ободрило. Еще больше, чѣмъ раньше, всѣ мысли и старанія были направлены теперь на Гершуни, роль и значеніе котораго были уже совершенно ясны.

Шавельскій мѣщанинъ, провизоръ Гершъ Исааковъ Ицковъ, онъ же Григорій Андреевичъ Гершуни, Гершунъ или Гершунинъ, являлся создателемъ и диктаторомъ Боевой организациі партіи социалистовъ-революціонеровъ. Онъ организовалъ убійство Сипягина и покушеніе на Оболенскаго, подготовлялъ убійство Побѣдоносцева и Клейгельса. Азефъ былъ знакомъ съ нимъ, зналъ про эти его предпріятія, но свѣдѣнія о нихъ Департаменту не давалъ, сообщая лишь о Гершуни въ общихъ чертахъ.

Убѣжденный террористъ, умный, хитрый, съ желѣзной волей, Гершуни обладалъ исключительной способностью овладѣвать той неопытной, легко увлекающейся молодежью, которая, попадая въ революціонный круговоротъ, сталкивалась съ нимъ. Его гипнотизирующій взглядъ и вкрадчивая убѣдительная рѣчь покоряли ему собесѣдниковъ и дѣлали изъ нихъ его горячихъ поклонниковъ. Человѣкъ, надъ которымъ начиналъ работать Гершуни, вскорѣ подчинялся ему всецѣло и дѣлался безпрекословнымъ исполнителемъ его велѣній. Ему особенно поклонялись революціонныя дѣвицы. Въ Кіевѣ былъ цѣлый кружокъ такихъ восторженныхъ революціонерокъ, изъ которыхъ выработалось нѣсколько террористокъ.

Частью лично, частью черезъ своихъ сподручныхъ Гершуни подыскивалъ подходящихъ для террора людей и начиналъ работать надъ ними. Такъ распропагандировалъ онъ и направилъ на убійство слабовольнаго Балмашева. Онъ давилъ на него своимъ вліяніемъ до послѣдняго дня. Дѣйствуя на Балмашева, онъ въ то же время обрабатывалъ слабохарактернаго артиллерійскаго поручика Григорьева и его будущую жену Юрковскую, которая одно время была восторженной поклонницей Гершуни, чѣмъ, конечно, тотъ и пользовался. Онъ систематически подталкивалъ ихъ на убійство Побѣдоносцева и Клейгельса и, добившись согласія, въ теченіе нѣсколькихъ дней навѣщалъ ихъ, чтобы поддерживать въ нихъ революціонный пылъ и рѣшимость. И въ день похоронъ Сипягина они пошли стрѣлять въ намѣченные жертвы, но оставшись одни, безъ своего злого генія, они оказались сами собою и совершить убійства не рѣшились.

Они постарались затѣмъ совсѣмъ отойти отъ Гершуни и его террора, но это было не такъ то легко. Запутавъ ихъ уже въ конспирацію, заставивъ ихъ уже сдѣлать кое-что преступное и тѣмъ скомпрометировать себя, Гершуни не оставлялъ ихъ въ покоѣ. Уѣхавъ изъ Петербурга, онъ посылалъ къ нимъ то Мельникова, то Ремян-

никову, и тѣ, выполняя его порученія, старались склонить ихъ на преступленіе. Они напоминали имъ данныя ими обѣщанія, Ремянникова же даже угрожала. Такъ фабриковались «идейные» террористы.

Тупого хохла столяра Кочуру сперва натаскивалъ сподручный Гершуни — Аронъ Вейценфельдъ, а затѣмъ за него взялся самъ Гершуни. Онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней гуляетъ съ нимъ въ окрестностяхъ Кіева, уговаривая на «подвигъ», расписывая ему, какимъ онъ окажется «героемъ». И когда тотъ согласился, наконецъ, убить Оболенскаго, Гершуни держитъ его въ рукахъ до самаго момента стрѣльбы въ Харьковскомъ саду Тиволи. Въ ожиданіи выхода Оболенскаго они сидятъ на скамейкѣ. Кочура хочетъ закурить, но Гершуни выхватываетъ портсигаръ — не смѣй развлекаться. Выходитъ Оболенскій и Гершуни толкаетъ Кочуру — иди, стрѣляй, и самъ исчезаетъ...

Самъ Гершуни остороженъ до крайности. Онъ только внушаетъ, натаскиваетъ и толкаетъ на дѣло. Дѣйствуютъ-же другіе. Нужны, напримѣръ, револьверы и патроны — онъ даетъ деньги Григорьеву и Кочурѣ, и первый покупаетъ по его велѣнію патроны для Балмашева, второй же для себя. Правда Гершуни самъ отравляетъ пули стрихниномъ, но на то онъ и провизоръ. Нужно написать послѣ убійства Сипягина письма за-границу, онъ ихъ составляетъ, но пишетъ не онъ самъ. Одно письмо пишетъ по его указанію Ремянникова, другое-же подъ его диктовку пишетъ Юрковская.

У Гершуни все продумано и на послѣ убійства. Мститъ Оболенскому онъ посылаетъ русскаго Кочуру, хотя на стрѣльбу вызывался еврей. Важно, чтобы потомъ узнали, что за крестьянъ мстилъ крестьянинъ. Посылая на убійство Балмашева, Кочуру и Григорьева, онъ заставляетъ ихъ писать свои біографіи и письма къ товарищамъ. Надо, чтобы это осталось для потомства. Прийдя за этимъ къ Кочурѣ въ гостиничный номеръ, онъ предупредительно вынулъ изъ кармана перо, бумагу и чернила. И тотъ пишетъ. Если-же литература не выходитъ, Гершуни говоритъ, что напишетъ и поправитъ самъ. Сколько такихъ писемъ и рѣчей казенныхъ революціонеровъ, которыхъ они никогда не писали и не произносили, выдаются за подлинныя благодаря Гершуни и ему подобнымъ дѣятелямъ.

Рядомъ продуманныхъ дѣйствій, постепенно, но вѣрно втягивалъ Гершуни въ терроръ намѣченныхъ ему лицъ, и тѣмъ не оставалось ничего иного, какъ исполнить его велѣнія. Есть что то сатанинское въ этомъ давленіи и вліяніи Гершуни на свои жертвы. Кочура дрожалъ передъ нимъ. Онъ началъ давать о немъ показанія въ тюрьмѣ только тогда, когда увидѣлъ его фотографію, на которой тотъ былъ снятъ въ арестантскомъ халатѣ и въ кандалахъ.

«Федоръ Петровичъ» для однихъ, Брентовъ и Кауфманъ для другихъ, всегда снабженный нѣсколькими подложными паспортами, Гершуни казался неуловимымъ. Плеве сердился. Однажды онъ призвалъ къ себѣ Зубатова и, указавъ ему на стоящую на письменномъ столѣ фотографію Гершуни, сказалъ, что карточка эта будетъ украшать его столъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не будетъ арестованъ. И департаментъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы арестовать Гершуни. Фотографіи и примѣты Гершуни были разосланы по всѣмъ розыскнымъ учрежденіямъ и пограничнымъ пунктамъ. Былъ пущенъ слухъ, что за его арестъ дадутъ премію — пятнадцать тысячъ. Начальники отдѣленій то и дѣло получали циркуляры, напоминанія, письма. То тамъ, то здѣсь брали по ошибкѣ лицъ, похожихъ на Гершуни. Была такая ошибка сдѣлана желѣзнодорожниками жандармами и въ Кіевѣ. Задержали пассажира перваго класса, очель походившаго на Гершуни, и продержали его часа два, пока не удалось установить его самоличность.

Въ Кіевѣ я старался попасть на слѣдъ Гершуни агентурой. Мало по малу у меня начались освѣщенія эсъ-эровской среды. Удалось установить, куда поступаютъ письма, получавшіяся изъ-за границы по дѣламъ Боевой организаціи и присылавшіяся въ Кіевъ на адресъ учительницы англійскаго языка Алисы Лойдъ. Она передавала ихъ одной изъ своихъ ученицъ барышнѣ Рейнботъ, а та своей матери, которая состояла въ нелегальномъ красномъ крестѣ. Будучи женой члена С-П-Бургскаго Окружного Суда, имѣя нѣкоторыя связи, эта почтенная пособница революціи думала, что она внѣ всякихъ подозрѣній и опасностей. Она и передавала письма одному изъ комитетчиковъ. Въ квартирѣ ея скрывались иногда и нелегальные.

Удалось подойти и къ конспиративной квартирѣ мѣстнаго комитета, въ качествѣ которой служила одна лѣчебница на Бессарабскомъ базарѣ, гдѣ проживала фельдшерица Роза Рабиновичъ, черезъ которую многое дѣлалось. Въ той лѣчебницѣ, говорили, скрывалась какъ-то «бабушка» подъ видомъ простолюдинки съ платочкомъ на головѣ. Были и еще кое-какіе подходы. Указанныя агентурой мѣста и лица наблюдались филерами, но слуховъ о Гершуни не было.

Въ ночь съ 5-го на 6-ое Мая 1903 г. я узналъ, что въ комитетѣ идутъ разговоры о томъ, что завтра 6-го Мая будетъ убитъ въ Уфѣ губернаторъ. Я телеграфировалъ въ Уфу и въ департаментъ, и на другой день получилъ телеграмму изъ Уфы, что губернаторъ убитъ. Очевидно телеграмма наша запоздала. Мы насторожились и усилили наблюденіе за конспиративной квартирой. Снявъ номеръ въ гостиницѣ окнами на лѣчебницу, черезъ площадь, мы вели оттуда наблюденіе день и ночь. Агентура была предупреждена быть вообще повнимательнѣе. Повидался я тогда съ однимъ господиномъ, у котораго до моего пріѣзда останавливался иногда Гершуни, но тотъ господинъ выказалъ такой страхъ передъ Гершуни, что за его квартирой я поставилъ наблюденіе, думая, что Гершуни можетъ заявиться туда, и онъ его укроетъ и дастъ ему пріютъ. Это былъ сотрудникъ — трусь.

13-го Мая утромъ явился ко мнѣ на квартиру совершенно необычно одинъ изъ моихъ сотрудниковъ, по имени «Конекъ», и сообщилъ, что въ мѣстномъ комитетѣ получена телеграмма, которая очень всѣхъ взволновала. Что, видимо, долженъ пріѣхать кто-то очень важный. Чувствовалось, что Конекъ что-то не договариваетъ. Какъ ни старался я узнать что либо еще — не выходило, а по глазамъ видно, что знаетъ больше, но что сказать боится. Гершуни — подумалъ я. Я перевелъ разговоръ на другую тему и попрощался съ нимъ, какъ бы не придавъ услышанному большого значенія.

Разставшись съ Конькомъ, я послалъ первую въ тотъ день телеграмму директору о полученныхъ свѣдѣніяхъ, прибавивъ, что по моему предположенію они касаются Гершуни. Очень ужъ волновались въ лѣчебницѣ.

Забравъ затѣмъ интересные эсъ-эровскіе адреса, я поѣхалъ къ начальнику почтово-телеграфнаго округа, прося установить, не получались ли на кого-либо изъ нихъ депеши вчера или сегодня. Вскорѣ онъ мнѣ сказалъ, что была депеша на имя Рабиновичъ по адресу лѣчебницы. Я попросилъ копію депеши, но она была принята по аппарату Юза, а въ такихъ случаяхъ лента наклеивается на бланкъ и въ бюро слѣда не остается. Волнуясь, я сталъ просить добыть копію и симпатичный старикъ обѣщавъ затребовать служебное повтореніе.

Распрощавшись съ нимъ, я поѣхалъ домой, приказалъ снять наблюденіе съ эсъ-эковъ и собрать всѣхъ освободившихся людей въ отдѣленіе. Въ канцеляріи скрытое волненіе. Моя нервность передается служащимъ.

Часа черезъ два томительнаго ожиданія послышался звонокъ по телефону отъ начальника округа: просятъ пріѣхать. Спѣшу. Начальникъ округа подалъ мнѣ синій бланкъ. Едва скрывая волненіе читаю:

«Папа приѣдетъ завтра. Хочетъ повидать Федора. Дарниціенко». Перечитывая депешу нѣсколько разъ, не вѣря своимъ глазамъ. Все ясно. Я поблагодарилъ горячо начальника округа и помчался домой. Конечно, все ясно, думалось мнѣ. Папа — это Гершуни; Федоръ — одно изъ наблюдаемыхъ лицъ; Дарниціенко — мѣсто назначеннаго свиданія — станція Дарницы. Иначе не можетъ быть! И въ головѣ стучить, что и какъ надо сдѣлать.

Приѣхавъ домой, въ отдѣленіе, я позвалъ завѣдующаго наружнымъ наблюдениемъ. Мы обсудили съ нимъ положеніе дѣлъ. Онъ согласился съ моими заключеніями. Мы сдѣлали наряды на желѣзнодорожныя станціи: Кіевъ—первый, Кіевъ—второй, Дарница и Боярка и оставшимися людьми усилили наблюденіе за эсъ-эрами. Я приказалъ собрать филеровъ, чтобы сказать нѣсколько словъ. Говорить съ ними было легко. Всѣ они были запасные унтеръ-офицеры изъ войскъ. Я предупредилъ ихъ, что по полученнымъ свѣдѣніямъ къ намъ долженъ приѣхать Гершуни, и что его надо арестовать во что бы то ни стало, что все, что зависѣло отъ меня, какъ начальника розыска, я сдѣлалъ и что теперь уже дѣло наружнаго наблюденія. Я требовалъ быть внимательнѣе, дѣйствовать умно и рѣшительно и приказалъ провѣрить, заряжены ли у всѣхъ браунинги. Люди были наэлектризованы. Отвѣтомъ мнѣ было военное: — «постараемся, господинъ начальникъ».

Наряды ушли. Въ наблюденіе отправлены всѣ, даже канцеляристы. Остались лишь дежурные. Я отправилъ директору вторую телеграмму, указавъ, какъ я понималъ добытую съ телеграфа депешу и какія приняты окончательныя мѣры для заарестованія ожидаемаго Гершуни.

Между тѣмъ Гершуни, подавъ послѣ Воронежа со станціи Нижнедѣвицкѣ телеграмму, спокойно продолжалъ свой путь. Совершивъ удачно убійство Богдановича, онъ предполагалъ побывать въ Кіевѣ, проѣхать въ Смоленскъ по дѣламъ и затѣмъ перебраться за-границу. Осторожный ко всему, онъ внимательно посматривалъ на проходившихъ иногда кондукторовъ, стараясь закрываться при появленіи ихъ газетой, какъ будто читая ее.

Около 6-ти часовъ вечера дежурившіе на станціи Кіевъ—второй филеры встрѣтили шедшій въ Кіевъ пассажирскій поѣздъ. Когда поѣздъ остановился, изъ вагона вышелъ хорошо одѣтый мужчина въ фуражкѣ инженера съ портфелемъ въ рукахъ. Оглянувшись разсѣянно, инженеръ пошелъ медленно вдоль поѣзда, посматривая на колеса и буфера вагоновъ. Вглядываясь въ него, наши люди не двигались. Поѣздъ свистнулъ и ушелъ. Инженеръ остался. Какъ будто бы «онъ», думали филеры, но сходства съ карточкой нѣтъ! Вдругъ инженеръ остановился, нагнулся, сталъ поправлять шнурки на ботинкахъ и вскинулъ глазами вкось на стоявшихъ поодаль филеровъ. Этотъ маневръ погубилъ его. Взгляды встрѣтились. «Нашъ» — сказалъ старшій филеръ; — «глаза его, съ косиной, онъ».

Филеры стали еще осторожнѣе. Каждый дѣлалъ свое дѣло. Всѣ были одѣты по разному, двое богомольцами. Близко была Лавра.

Оправившись, Гершуни пошелъ вдоль полотна и направился къ городу. Пошли и филеры. Арестовывать его было нельзя: мѣсто неудобное, городъ далеко, можетъ уйти. Стали подходить къ конечной станціи конки, что шла по Большой Васильковской улицѣ отъ станціи «Лыбедь», до самой лѣчебницы Рабиновичъ. Гершуни подошелъ къ ларьку минеральныхъ водъ и спросилъ лимонаду. Онъ очень волновался: рука дрожала, стаканъ ходилъ. Выпивъ кое-какъ лимонадъ и расплатившись, онъ

направился къ вагону. Двое филеровъ опередили его и заняли площадку. Гершуни блѣдный какъ полотно зашатался. Задніе филеры схватили его: «Вы арестованы!»...

Появились извозчики, городской.

Задержаннаго усадили съ двумя конвоирами на передняго извозчика, остальные усѣлись на заднемъ и всѣ поѣхали въ Старокіевскій участокъ. Было уже темно. Гершуни старался улыбаться, говорилъ, что агенты, очевидно, ошиблись, что онъ ничего дурного не сдѣлалъ, что, очевидно, это недоразумѣніе. Филеры соглашались, что можетъ быть это и такъ, и что въ Старокіевскомъ разберутъ.

Это, видимо, успокоило задержаннаго. Ему разрѣшили закурить. Такъ доѣхали до участка. Послали за мной.

Я въ тотъ моментъ былъ на свиданіи въ конспиративной квартирѣ. Услыхавъ отъ прибѣжавшаго нарочнаго, что «шляпа» арестованъ, я полетѣлъ съ нимъ въ Старокіевскій участокъ. Встрѣтивъ по дорогѣ товарища прокурора палаты Корсака, я схватилъ его на радостяхъ, расцѣловавъ и, сказавъ, что случилось, помчался дальше.

На лѣстницѣ участка перевожу духъ, стараюсь казаться спокойнымъ, вхожу.

Большая комната полна народу: филеры, чиновники, полиція. Лица возбужденныя. Спрашиваю — «гдѣ онъ?» Показываютъ. Никакого сходства съ фотографіей.

— «Кто Вы такой, какъ ваша фамилія?» — обращаюсь я къ задержанному.

— «Нѣтъ, Вы кто такой! — закричалъ на меня Гершуни. «Какое право имѣли эти люди задержать меня? Я — Родъ, вотъ мой паспортъ, выданный Кіевскимъ Губернаторомъ. Я буду жаловаться!»

— «Ну и нахаль же» — подумалъ я.

Назвавъ себя, я продолжалъ:

— «Что же касается васъ, то вы не господинъ Родъ, а Григорій Андреевичъ Гершуни. Я Васъ знаю по Москвѣ, гдѣ вы были арестованы».

Гершуни сразу какъ бы осѣлъ.

— «Я не желаю давать никакихъ объясненій», проговорилъ онъ рѣзко.

— «Это ваше дѣло» — отвѣтилъ я и приказалъ произвести личный осмотръ.

Изъ задняго кармана вынули браунингъ, заряженный на всѣ семь. Въ карманѣ былъ еще восьмой патронъ. Въ стволѣ налетъ отъ выстрѣла. При немъ оказалось 600 слишкомъ рублей и 500 франковъ, записная книжка съ шифрованными помѣтками, пузырекъ съ безцвѣтной жидкостью и два паспорта на имя Родъ, изъ которыхъ одинъ заграничный, фальшивый.

Въ портфель же, который составлялъ весь его багажъ, была чистая смѣна бѣлья и нѣсколько мелко исписанныхъ листковъ. Оказалось, что то были: черновикъ прокламаціи объ усмиреніи рабочихъ въ Златоустѣ, черновикъ прокламаціи Боевой организаціи объ убійствѣ Богдановича и двѣ статьи о томъ же убійствѣ. По прочтеніи ихъ не оставалось сомнѣнія, что Гершуни ѣхалъ прямо съ убійства Богдановича, что онъ являлся авторомъ и приговоровъ объ убійствахъ, печатавшихся отъ имени Боевой организаціи и отчетовъ объ убійствахъ, а также авторомъ и хвалебныхъ гимновъ о Боевой организаціи и ея работѣ, т. е. о самомъ себѣ!!

Во все время производства обыска и писанія протокола Гершуни угрюмо молчалъ, вскидывая иногда глазами на кого либо изъ присутствующихъ.

Только при чтеніи протокола, замѣтивъ дату 13-е Мая, онъ сказалъ, саркастически улыбаясь:

— «Жандармамъ и тринадцать везетъ!»

Послѣ составленія протокола Гершуни поступилъ въ распоряженіе жандармскаго управленія и былъ заключенъ въ камеру при Старокіевскомъ участкѣ. Роль охраннаго отдѣленія была окончена. Мы наше дѣло сдѣлали.

Вернувшись домой и выслушавъ доклады филеровъ, арестовавшихъ Гершуни, я горячо поблагодарилъ ихъ и послалъ третью телеграмму директору, уже объ арестѣ, въ которой просилъ разрѣшенія не производить въ цѣляхъ сохраненія отъ провала агентуры никакихъ партійныхъ арестовъ.

Сдѣлавъ все это, я поѣхалъ къ генераль-губернатору. Выслушавъ докладъ, генераль Драгомировъ взялъ меня за плечи, поцѣловалъ и сказалъ: — «Молодчина, и везетъ же Вамъ, молодчина!»

Я насилу сдерживался. Горло сжимало. Нервы гуляли.

Вернувшись домой, я продолжалъ нервничать: какъ бы не убѣжалъ. Всю ночь, какъ говорила потомъ жена, я вскакивалъ, бредилъ, кричалъ. Мнѣ все мерещился побѣгъ. . .

На слѣдующій день насъ многіе поздравляли. Всѣ спрашивали, конечно, какъ это удалось, на что мы неизмѣнно отвѣчали: случайно, по фотографіи.

Получили мы, наконецъ, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшіяся телеграммы изъ Петербурга, въ отвѣтъ на депешу объ арестѣ.

Начальство и друзья горячо поздравляли и радовались успѣху. Отъ Мѣдникова пришло поздравленіе изъ Уфы. Оказывается, онъ работалъ тамъ съ Летучимъ отрядомъ. Очевидно, Азефъ, не предупредивъ Ратаева, который замѣнилъ Рачковскаго, о готовящемся покушеніи на Богдановича, заднимъ числомъ направлялъ теперь вниманіе Департамента къ Уфѣ. Туда и командировали самого Мѣдникова.

Въ тотъ же день, по телеграммѣ изъ Петербурга, Гершуни заковали въ кандалы. Кандалы до суда, широко практикуемые въ Европѣ, у насъ почти не примѣнялись. Въ данномъ случаѣ они были болѣе, чѣмъ умѣстны. Гершуни театрално поцѣловалъ желѣзо. Вечеромъ его увезли въ Петербургъ подъ сильнымъ конвоемъ въ сопровожденіи жапдармскаго офицера.

Арестъ Гершуни встрѣтилъ у высшаго начальства въ Петербургѣ полное удовлетвореніе. Охранное отдѣленіе было хорошо награждено. Всѣмъ моимъ подчиненнымъ дали денежныя награды, завѣдывавшему наружнымъ наблюденіемъ еще и орденъ, мнѣ же былъ Высочайше пожалованъ чинъ подполковника. На такую высокую награду я не имѣлъ даже права рассчитывать. Шелъ всего лишь десятый годъ моей офицерской службы и шестой мѣсяцъ въ чинѣ ротмистра.

Участіе «Конька» въ арестѣ было скрыто для постороннихъ хорошо, но черезъ нѣсколько лѣтъ, благодаря Департаменту, онъ былъ разоблаченъ и его обвинили въ выдачѣ Гершуни. Это несправедливо. Гершуни онъ не выдавалъ и имени его не называлъ.

13-го Мая, генераль Новицкій не былъ въ Кіевѣ, а находился въ Петербургѣ. Незадолго передъ тѣмъ у насъ съ нимъ произошло большое столкновеніе. Я уже говорилъ, что съ первыхъ же дней моего пребыванія въ Кіевѣ генераль Новицкій не взлюбилъ меня. Онъ видѣлъ во мнѣ то новое начало въ Корпусѣ жандармовъ, что пришло на смѣну жандармскимъ ветеранамъ, хотя и много послужившимъ государству, но устарѣвшимъ. Онъ органически не могъ мириться съ этимъ, и началась борьба. Съ первыхъ же дней генераль старался подчинить меня себѣ, но это у него не вышло. По инструкціи я былъ совершенно самостоятеленъ, въ дѣловомъ отношеніи. При первомъ же случаѣ моей поѣздки къ Драгомирову съ докладомъ, генераль сказалъ мнѣ, что мы поѣдемъ вмѣстѣ. Пришлось согласиться. Поѣхали мы вмѣстѣ и вмѣстѣ вошли въ кабинетъ генераль-губернатора. Драгомировъ попросилъ насъ сѣсть и, обратившись къ генералу, просилъ его доложить, что есть у него.

Тотъ доложилъ. Помолчавъ немного, хитрый Драгомировъ спросилъ, нѣтъ ли еще чего, и когда услышалъ, что нѣтъ, всталъ и, обращаясь къ генералу Новицкому, сказалъ: — «Благодарю Васъ, Ваше Превосходительство, я Васъ больше задерживать не буду». Генералу пришлось откланяться и уйти, я же остался въ кабинетѣ генераль-губернатора. Это и много другихъ мелочей дѣлали все болѣе и болѣе наши отношенія натянутыми. Чувствовалось, что это ненормальное положеніе должно чѣмъ нибудь разрѣшиться. Скоро подошелъ и поводъ.

Закончивъ какъ-то розыскъ большой группы эсъ-дековъ, я послалъ генералу докладъ, которымъ, ссылаясь на параграфъ инструкціи, просилъ генерала о производствѣ обысковъ и арестовъ. Генераль пришелъ въ ярость: — «Какъ онъ, мальчишка, смѣетъ учить меня, что я долженъ дѣлать!»

Онъ приказалъ вызвать меня въ управленіе. Явившись, я засталъ генерала торжественно засѣдавшимъ за громаднымъ столомъ и окруженнымъ всѣми офицерами управленія и товарищами прокурора. Парадъ былъ спеціально приготовленъ для меня.

Едва я успѣлъ поклониться, какъ генераль, держа въ рукахъ мой докладъ, началъ кричать:

— «Какое право имѣете Вы, ротмистръ, отдавать мнѣ подобныя распоряженія! Какъ смѣете Вы писать мнѣ подобныя предписанія!»

Взявъ себя въ руки, я отвѣтилъ:

— «Вашему Превосходительству я предписаній не давалъ. Я только просилъ Васъ согласно утвержденной министромъ инструкціи о производствѣ обысковъ и арестовъ по законченному мною розыску».

Генераль совершенно вышелъ изъ себя и, ударивъ кулакомъ по столу, еще громче закричалъ:

— «Вы, ротмистръ, и просить меня объ этомъ не имѣете права. Я Вамъ докажу, ротмистръ, докажу; я...»

Тогда уже я, перебивъ генерала, рѣзко, но спокойно отчеканилъ ему:

— «Просить Ваше Превосходительство я имѣю полное право о чемъ угодно и въ данномъ случаѣ я долженъ это дѣлать и сдѣлалъ. А какъ Ваше превосходительство отнесется къ моей просьбѣ, это дѣло Ваше!»

Сказавъ это, я повернулся круто кругомъ по военному, вышелъ изъ комнаты и уѣхалъ въ отдѣленіе. Дома я тотчасъ же телеграфировалъ о происшедшемъ въ Петербургъ, прося перевести меня куда либо въ другое мѣсто ввиду невозможности совмѣстной службы съ генераломъ Новицкимъ. Не успѣлъ я окончить телеграммы, какъ ко мнѣ пріѣхалъ бывший свидѣтелемъ всего происшедшаго товарищъ прокурора Палаты Корсакъ, дружившій съ генераломъ. Онъ обнялъ меня, выразилъ мнѣ сочувствіе по поводу случившагося, выразилъ удивленіе моей выдержанности на рѣзкости генерала, старался меня успокоить и какъ нибудь уладить происшедшее недоразумѣніе. Я отвѣтилъ ему, что работать въ подобной обстановкѣ я не могу, что не я утверждалъ инструкцію, не я назначалъ себя и въ Кіевъ. Я подчиняюсь генералу въ дисциплинарномъ отношеніи, но по дѣлу я самостоятеленъ и останусь таковымъ. Мнѣ надоѣли эти постоянные уколы, интриги. Вся вина моя въ томъ, что я слишкомъ молодъ по сравненію съ генераломъ. Очевидно, вмѣстѣ мы служить не можемъ; такъ пусть же разберется начальство, кто правъ, кто виноватъ, кто нуженъ, а кто нѣтъ!

Черезъ нѣсколько дней генераль Новицкій былъ вызванъ въ Петербургъ. Плеве предложилъ ему быть членомъ Совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, но онъ отказался и подалъ въ отставку. Такъ кончилась борьба новаго теченія со старымъ въ

средѣ жандармеріи у насъ въ Кіевѣ. Въ другихъ мѣстахъ она такого обостреннаго характера не носила. Старики ворчали, но уступали позиціи молодежи.

По возвращеніи генерала въ Кіевъ, я согласно устава, представился ему по случаю полученія Высочайшей награды, надѣвъ впервые официально густые штабъ-офицерскіе эполеты.

Генераль жестоко отомстилъ Плеве за свой уходъ въ своихъ запискахъ, изданныхъ социалистами-революціонерами еще при царскомъ режимѣ, если только записки дѣйствительно писаны имъ. Онъ обвинилъ Плеве въ попустительствѣ убійству Уфимскаго губернатора Богдановича изъ-за соперничества на романической почвѣ. То была клевета, не имѣвшая, конечно, никакого основанія. Но оппозиціонная печать, конечно подхватила и эту сплетню: въ борьбѣ съ правительствомъ всѣ средства считались позволительными. Наклеветалъ въ тѣхъ запискахъ Новицкій и на меня.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Методы борьбы съ революціей. — Борьба съ эсъ-эрами. — Террористка Фрума Фрумкина. — Покушеніе на Новицкаго. — Товарищъ Александръ. — Работа эсъ-дековъ. — Демонстрація на Прорѣзной. — Комиссія Рафальскаго. — Драгомировъ и что такое филерь. — Забастовка 1903 года. — Стрѣльба по рабочимъ. — Вице-губернаторъ Штакельбергъ и Драгомировъ. — 1904 годъ. Война. — Обыскъ у богача еврея. — Арестъ эсъ-дековской типографіи. — Первое Мая. — Азефъ глава Боевой организаціи. — Убійство Плеве. — М. И. Гуровичъ и его усердіе. — Работа Азефа. — Драгомировъ и его отъѣздъ изъ Кіева.

Практиковались тогда два метода борьбы съ революціонными организаціями на мѣстахъ. Первый состоялъ въ томъ, что организаціи давали сплотиться и затѣмъ ликвидировали ее, чтобы дать прокуратурѣ сообщество съ бѣльшими по возможности доказательствами виновности. Второй же заключался въ систематическихъ ударахъ по революціоннымъ дѣятелямъ, дабы мѣшать работѣ, не позволять организоваться, проваливать ихъ въ глазахъ ихъ же товарищей, какъ дѣятелей не конспиративныхъ, что влечетъ удаленіе отъ работы, и т. д., иными словами, дѣйствовать системой предупрежденія преступленія, а не только пресѣченіемъ. Первый былъ болѣе эффѣктенъ по результатамъ, второй болѣе правиленъ по существу. Я былъ сторонникомъ второго метода. Мы наносили мѣстнымъ эсъ-эрамъ ударъ за ударомъ, мѣшая имъ. Вскорѣ послѣ ареста Гершуни мы порознь арестовали наиболѣе активныхъ работниковъ. Эсъ-эры массой тогда не владѣли. Партія только-что складывалась. Ихъ кіевскій комитетъ состоялъ изъ евреевъ. Сторонниками партіи въ Кіевѣ была еврейская интеллигентная молодежь, преимущественно дѣвицы. Вліяніе Гершуни сказалось въ томъ, что всѣ онѣ бредили терроромъ.

Какъ то стало мнѣ извѣстно, что въ организаціи ждуть съ нетерпѣніемъ нѣкую повивальную бабку, убѣжденную террористку. Она устроитъ типографію. Имѣть типографію было мечтой каждой революціонной организаціи. То была Фрума Фрумкина изъ Минска. Нанявъ комнату, она стала оборудовать типографію. Скоро наружное наблюденіе показало, что къ ней принесли деревянную раму, пронесли осторожно, провѣряя, нѣтъ ли наблюденія. На другой же день къ ней нагрянули съ обыскомъ.

Фрумкина была до крайности нехороша собой, даже страшна. Смуглая, черная, съ длиннымъ очень лицомъ, большими непріятными глазами, къ тому же еще хромала. Занимала она небольшую комнатку. Встрѣтила полицію зло, съ руготней, а когда явился я провѣрить обыскъ, она схватила съ окна ножъ и сдѣлала быстрее

движеніе ко мнѣ. Ее схватили и посадили на кровать съ двумя городовыми по бокамъ. Такъ она и просидѣла до конца обыска и злилась ужасно. Послѣ она говорила, что хотѣла всадить въ меня ножъ, но рѣшила, что такую мелочью какъ я не стоитъ заниматься. Еще до того случая, въ Минскѣ, она хотѣла убить жандармскаго полковника Васильева, но ее отговорили. Передъ арестомъ же она хотѣла ѣхать въ Одессу и покончить тамъ съ градоначальникомъ.

Станокъ для печатанія былъ искусно вдѣланъ и замаскированъ въ кухонномъ по виду столѣ. Касса для шрифта была устроена изъ спичечныхъ коробокъ. Было порядочно шрифту. Станокъ еще не начиналъ работать. Фрумкину посадили въ тюрьму. Сидя тамъ, она рѣшила убить генерала Новицкаго. Тотъ еще не успѣлъ сдать управленія. Фрумкина раздобыла въ тюрьмѣ хорошо отточенный ножикъ и подала заявленіе о желаніи дать откровенное показаніе, но только лично генералу Новицкому. Тотъ поддакъ на удочку и вызвалъ ее на допросъ, хотя уже очень давно никого не допрашивалъ.

Въ маленькомъ кабинетѣ Новицкій и Фрумкина были одинъ на одинъ. Фрумкина наговорила генералу много комплиментовъ и что-то рассказала ему про мѣстныя дѣла. Генералъ былъ доволенъ и сталъ записывать показанія. Этого только Фрумкиной и нужно было. Улучивъ моментъ, она, сидѣвшая немного сбоку генерала, бросилась къ нему и схвативъ лѣвой рукой за голову, правой хотѣла перерѣзать сонную артерію.

Генералъ отмахнулся правой рукой и, какъ человѣкъ сильный, этимъ жестомъ отбросилъ Фрумкину къ стѣнѣ и крикнулъ жандарма.

Стоявшій за дверью жандармъ вбѣжалъ и схватилъ Фрумкину. Вбѣжалъ и я съ однимъ офицеромъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ мы поджидали конца допроса. Вздвонанный генералъ прикладывалъ къ шеѣ платокъ, виднѣлась кровь. Какъ фуриа ужасная вырывалась изъ рукъ жандармовъ Фрумкина. Ей связали руки веревками. Ее судили и сослали на каторгу. Черезъ нѣсколько лѣтъ она уже въ Москвѣ, состоя въ одной изъ боевыхъ организацій, явилась въ театръ съ цѣлью убить градоначальника, была арестована и повѣшена.

Неудачная постановка типографіи заставила эсъ-эровъ удовольствоваться гектографомъ. Приѣхавшій нелегальный Федоръ, помѣстившись въ четвертомъ этажѣ, неподалеку отъ лѣчебницы, открылъ у себя цѣлую фабрикацію прокламацій. А такъ какъ обыски производились обычно ночью, то Федоръ занимался печатаніемъ днемъ. Къ вечеру-же онъ такъ очищалъ свою квартирку, что въ ней ничего даже подозрительнаго, не только что предосудительнаго, не оставалось. Ночевалъ-же онъ, гдѣ Богъ пошлетъ. Явились мы къ нему около 4-хъ часовъ дня. Онъ только что приготовилъ гектографскую массу и снималъ первыя прокламаціи. Въ рубашкѣ, засучивъ рукава, съ перемазанными синими пальцами, онъ былъ застигнутъ за работой. Податься было некуда. Федоръ, еврей, назвать себя отказался и предъявилъ фальшивый паспортъ. Это былъ интересный типъ идейнаго, профессиональнаго странствующаго революціонера. То былъ фанатикъ своего дѣла. Такихъ работниковъ давала только еврейская среда. Впрочемъ, Мельниковъ немного походилъ на него, но его натаскалъ Гершуни.

Кружковъ у эсъ-эровъ было мало. Рабочіе тяготѣли или къ Бунду, или къ русскимъ социаль-демократамъ. Но вотъ какъ-то пошелъ шумъ, что приѣхалъ изъ-за границы нѣкій агитаторъ «интеллигентъ» Александръ, работаетъ отлично, говоритъ хорошо, спорить на дискуссіяхъ съ эсъ-деками умѣло. Нѣсколько недѣль искали мы его и наконецъ взяли какъ-то большую рабочую сходку съ интеллигентомъ. Онъ оказался нелегальнымъ. Послѣ переписи онъ пожелалъ видѣть меня. Привели его

въ отдѣленіе ночью. Небольшого роста рыжеватый еврей, видъ полуинтеллигентный, шустрый.

— «Я — говорить, — Александръ, хочу съ Вами работать. Я не вѣрю въ революціонное движеніе, не вѣрю въ руководителей. Все ложь. Я имѣю хорошія связи, меня знаетъ даже «бабушка». Она благословила меня передъ отъѣздомъ сюда, поцѣловала».

Я былъ пораженъ. Какъ, Александръ, о которомъ такъ много говорили, попался внезапно и предлагалъ себя въ сотрудики. Но фактъ на лицо.

Мы долго бесѣдовали съ нимъ. Онъ былъ присланъ изъ-за границы, отъ центра, ставить пропаганду по нашему краю. Я пришелъ къ заключенію, что онъ можетъ принести большую пользу по освѣщенію эсъ-эровскаго центра за-границей, но это уже было внѣ моей компетенціи, а дѣло департамента.

Я подробно описалъ все департаменту и къ удивленію моему получилъ отвѣтъ, что департаментъ въ центральной агентурѣ не нуждается. Я былъ удивленъ и вновь предпринялъ нѣкоторые шаги, чтобы договориться съ особымъ отдѣломъ, но напрасно. Что думаю за странность. Оставаться Александру въ Кіевѣ было неудобно и онъ выѣхалъ за-границу. Писалъ опъ мнѣ оттуда письма и удивлялся, что никто съ нимъ не работаетъ. Письма тѣ попадали департаменту въ перлюстрацію и присылались мнѣ для установокъ.

Дошло до меня наконецъ, что Александръ арестованъ гдѣ-то на границѣ съ транспортомъ и объявленъ провокаторомъ. Все это было очень странно и неясно. Надо полагать, что Азефъ, которому въ департаментѣ по всему вѣроятію открыли Александра, боясь конкуренціи за-границей, не пропустилъ его туда какъ новаго департаментскаго освѣдомителя, а затѣмъ и провалилъ его, какъ сдѣлалъ позже съ Татаровымъ. Отсутствіе перекрестной около Азефа агентуры и дало ему возможность лгать департаменту, какъ онъ хотѣлъ. Провѣрки надъ нимъ не было.

Нѣсколько иной характеръ носила работа у социаль-демократовъ. У нихъ въ Кіевѣ было больше кружковъ. Кружки дѣлились на кружки Росс.-Соц.-Дем.-Рабочей Партіи и Бундовскіе. Комитетъ первой состоялъ частью изъ русскихъ, частью изъ евреевъ и былъ хорошо законспирированъ. Его типографія отлично работала. Въ кружкахъ шли правильныя занятія. Часто устраивались сходки. Сходки происходили обычно на квартирахъ, но съ наступленіемъ теплаго времени устраивались массовки. За городомъ, гдѣ либо въ лѣсу, собирались какъ на прогулку организованные рабочіе. Выступали ораторы. Раздавались призывы къ пролетариату: бороться съ буржуазіей; побѣда надъ капиталомъ, диктатура пролетаріата — вотъ цѣль борьбы. Великій Марксъ сказалъ... и т. д.

Первыя массовки удавались, но потомъ мы научились предупреждать ихъ безъ особаго шума. Разъѣздъ, другой казаковъ, и при видѣ ихъ массовка разбѣгается ураганомъ.

Происходили сходки и на Днѣпрѣ. Подъ вечеръ, въ тихихъ затонахъ Труханова острова, сцѣпивши бортами нѣсколько лодокъ, руководители устраивали настоящую плавучую аудиторію. На всякій случай взято пиво, хлѣбъ, селедки. Какъ будто-бы прогулка. Кстати, есть и барышни. Справляться съ этими сходками было легко. На приготовленномъ своевременно катерѣ мой лихой жандармскій изъ казаковъ поручикъ Ереминъ, атакывавалъ обычно эту флотилію и тащилъ ее на буксирѣ въ городъ, а тамъ уже всѣ арестованные шли по обязательному постановленію отбывать за сходку административныя взысканія. Отъ этихъ сходокъ отучили быстро. На Днѣпрѣ не разбѣжишься, это не въ лѣсу.

Труднѣе было совладать съ такъ называемыми «биржами». На Подолѣ, гдѣ жила главная масса евреевъ, эсъ-деки выбирали какую либо улицу и тамъ въ опредѣленный часъ собиралась партійная публика. Агитаціи, «дискуссіи» шли въ открытую. Жаргонъ слышался повсюду, русской рѣчи не было. При появленіи полиціи все смолкало, на тротуарѣ мирное гулянье. Брать было не за что. Посылали патрули, при видѣ которыхъ молодежь разбѣгалась, но и это не помогало, биржи продолжались.

Весь молодой еврейскій Подоль былъ въ сущности организованъ по разнымъ партіямъ. Эсъ-эры, эсъ-деки партійные, бундовцы, пайлоэціонъ, анархисты — все что угодно. Все это ширилось, росло, вздымалось.

Старое небогатое еврейство съ безпокойствомъ посматривало на эту социалистическую молодежь, которая съ 9-10 лѣтъ уже попадала въ кружки, читала прокламаціи, разбрасывала ихъ, выполняла разные революціонныя порученія. Она считала себя сознательной, организованной, смѣялась надъ стариками и въ большинствѣ не признавала синагоги. Вѣтхозавѣтные старики качали головами. Богатое-же еврейство, ослѣпленное блескомъ золота, вѣря только въ свое всемогущество, не замѣчало, какой врагъ, единый по вѣрѣ и крови, нарождался у него. А онъ росъ и множился, отчасти на его же деньги.

Мы-же съ нимъ боролись только полицейскими мѣрами. Конечно, этого было недостаточно.

Къ 1-му Мая эсъ-деки стали энергично готовиться. Предполагалась демонстрація, которая должна была начаться на Прорѣзной улицѣ и направиться на Крещатику. Я плохо еще тогда вошелъ къ нимъ агентурою; свѣдѣній о комитетѣ не было. У нихъ было больше сплоченности и меньше измѣны, чѣмъ у ихъ соперниковъ эсъ-эровъ. У послѣднихъ все выходило больше на распашку. Въ данномъ случаѣ, на эсъ-декахъ болѣе отражалось вліяніе родственнаго имъ по теоріямъ крѣпко организованнаго Бунда.

Къ недопущенію демонстраціи были приняты необходимыя мѣры. Назначена она была на 3 часа. Къ тому времени толпы гулявшей публики заполнили Крещатику. Всѣмъ хотѣлось посмотреть, что будетъ. Но ожиданія были напрасны. Выскочившіе въ 3 часа на середину Прорѣзной улицы социаль-демократы и растрепанныя дѣвицы съ краснымъ флагомъ были въ тотъ-же моментъ перехвачены появившимися изъ воротъ городовыми и гулявшими въ публикѣ на тротуарахъ филерами. Нѣкоторые демонстранты бросились было внизъ къ Крещатику, крича «ура», но были также схвачены. Все кончилось молніеносно, и только валявшіеся то тамъ, то здѣсь по Прорѣзной улицѣ галоши, палки и другіе предметы обихода, указывали, что тамъ происходило только-что что-то необычайное.

Генераль Драгомировъ въ то время демонстративно проѣзжалъ по Крещатику въ коляскѣ, безъ всякой охраны. Эффектъ былъ полный.

— «Что-же Вы — говорилъ онъ мнѣ потомъ смѣясь — обѣщали демонстрацію, я поѣхалъ и ничего не видѣлъ!»

Дабы не повадно было, нѣсколько десятковъ арестованныхъ на Прорѣзной улицѣ прошли затѣмъ черезъ особую комиссію для наложенія взысканій, согласно обязательному постановленію, воспрещавшему уличныя сборища. Въ этой комиссіи разыгрался любопытный инцидентъ Секретаремъ и докладчикомъ въ этой комиссіи оказался нѣкій Рафальскій, курьезный типъ чиновника съ лѣвизной, мѣтившаго въ губернаторы, а потому заигрывавшаго съ публикой и корчившаго изъ себя либерала.

Онъ былъ чѣмъ-то вродѣ непремѣннаго члена по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Въ приготовленномъ имъ отъ комиссіи для генераль-губернатора докладѣ указывалось участіе каждаго изъ арестованныхъ въ демонстраціи лицъ, согласно моихъ и полицейскихъ данныхъ, причемъ очень часто была такая формулировка: «Такой-то по показанію задержавшаго его филера кричалъ «ура» или — «находился въ группѣ лицъ, окружавшихъ флагоносца» и т. д., но всегда со ссылкой, «по показанію филера такого-то».

Когда комиссія въ которую входилъ и я, окончивъ работу, была приглашена генераль-губернаторомъ, который долженъ былъ опредѣлить каждому наказаніе, Драгомировъ пригласилъ всѣхъ сѣсть и предложилъ Рафальскому доложить списокъ арестованныхъ, вину каждаго и спроектированное наказаніе. Рафальскій сталъ читать докладъ и какъ-только доходилъ до словъ — по указанію филера —, то читалъ ихъ съ легкой насмѣшкой, и продолжалъ: проектируется одинъ, два или три мѣсяца заключенія. Подчеркнулъ онъ разъ непріятныя ему слова, подчеркнул два. Меня это задѣло. Ясна была извѣстная, старая либеральная манера мѣшать съ грязью все, что относилось къ жандармеріи, хотя-бы сами купались въ грязи по уши. Драгомировъ, еще не знавшій хорошо меня, слушалъ внимательно, но ни одного наказанія не утверждалъ и только говорилъ иногда:—«Дальше, дальше», и чуть чуть улыбаясь, посматривалъ на меня.

Рафальскій, одобренный молчаніемъ Драгомирова, въ третій разъ и уже болѣе замѣтно подчеркнул — по указанію филеровъ. Я не выдержалъ, всталъ и обратился къ генераль-губернатору за разрѣшеніемъ доложить, что такое филеръ охраннаго отдѣленія, на которыхъ такъ часто дѣлаются ссылки.

— «Доложите, доложите» — сказалъ генераль.

Рафальскій съ удивленіемъ косялъ на меня изъ подъ очковъ, смотрѣли внимательно и члены комиссіи.

— «Ваше Высокопревосходительство, — началъ я, — филеръ это агентъ наружнаго наблюденія, находящійся на службѣ и получающій жалованье по вѣдомостямъ, которыя идутъ въ контроль. Согласно инструкціи директора Департамента полиціи, филеры набираются изъ запасныхъ унтеръ-офицеровъ арміи, гвардіи и флота, по предъявленіи ими отличныхъ рекомендацій и аттестатовъ отъ ихъ войскового начальства».

— «Вотъ какъ, — протянулъ Драгомировъ, — а я и не зналъ. Такъ, такъ... хорошо, что сказали» — и, обратившись затѣмъ къ Рафальскому, проговорилъ:

— «Такъ что тамъ, прочитайте сначала, что тамъ намѣчено?»

Рафальскій началъ снова читать и какъ только дошелъ до словъ «по указанію филера», Драгомировъ перебилъ его:

— «Сколько тамъ назначено?»

— «Два мѣсяца, Ваше Высок-во.»

— «Такъ... согласенъ, — утвердилъ генераль губернаторъ, и при дальнѣйшемъ чтеніи все, что имѣло ссылку на показаніе филера, генераль губернаторъ или утверждалъ, или усиливалъ. И только когда кончилось все чтеніе, онъ обратился ко мнѣ съ улыбкой:

— «Ну, а этимъ... (тутъ онъ употребилъ нелестное словечко) — дѣвицамъ, скостимъ немного, дадимъ имъ по мѣсяцу вмѣсто трехъ. Ну ихъ...»

Финалъ доклада оказался неожиданнымъ для Рафальскаго, и онъ чувствовалъ себя сконфуженнымъ. Мы разстались врагами.

Въ то лѣто съ Юга шла стихійная забастовка рабочихъ, которая захватила и Киевъ. Бороться съ нею было невозможно, и мы старались только, чтобы она не вылилась въ уличные беспорядки. На Подолѣ, у Лавры, на Житнемъ Сазарѣ собирались рабочіе; имъ мѣшали, ихъ разгоняли, но движеніе шло на подъемъ. Въ городѣ было неспокойно. Зловѣще завывали заводскіе гудки. То тамъ, то вѣдсь проѣзжали казаки. Центромъ движенія скоро сдѣлались желѣзнодорожныя мастерскія, гдѣ немѣлныя дѣйствія Начальника дорогъ Немѣшаева только подливали масла въ огонь.

Немѣшаевъ былъ большой баринъ, любилъ пожить, благоволилъ къ женскому персоналу своихъ служащихъ, отлично держалъ внѣшнюю сторону сѣти своихъ дорогъ и конечно лѣвилъ. Объ его похожденияхъ ходили легенды и ихъ отмѣчали даже революціонныя прокламаціи. На рабочихъ онъ должнаго вниманія не обращалъ, и въ разразившуюся забастовку вмѣшался, какъ говорится, слегка присвистывая. Вмѣшался и только обострилъ дѣло.

Чувствовалось, что сгушавшаяся атмосфера должна разрядиться чѣмъ-то большимъ. Ввиду требованія большихъ войсковыхъ нарядовъ, собрали засѣданіе съ военными чинами подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора барона Штакельберга, дабы выяснить, какъ должны дѣйствовать войска. Военные стояли за опредѣленные рѣшительныя мѣры, гражданская-же власть требовала войскъ и въ то-же время хотѣла, чтобы они дѣйствовали какъ классныя дамы — уговорами. Когда всѣ наговорились, Штакельбергъ спросилъ мое мнѣніе. Я сказалъ, что стрѣльба по сборищамъ не должна быть примѣняема и что лучше всего разсѣивать ихъ казаками, прибѣгая, при надобности, къ нагайкамъ. Дѣйствуетъ-же за-границей полиція резиновыми палками и дѣйствуетъ жестоко, и средство это считается законнымъ и вполнѣ достигаетъ цѣли. Стрѣлять не приходится. У насъ резиновыхъ палокъ еще нѣтъ, но нагайки вполнѣ могутъ ихъ замѣнить и употребленіе ихъ будетъ вполнѣ отвѣчать тѣмъ желѣзнымъ прутьямъ, пружинамъ, кистенямъ, цѣпочкамъ и веревкамъ съ гайками на концахъ, которыми вооружены рабочіе.

Не успѣлъ я докончить доклада, какъ съ вокзала дали знать по телефону, что рабочіе залили локомотивы въ депо и что около двухъ тысячъ ихъ собирается у товарной станціи на путяхъ. Засѣданіе было прервано, и мы съ барономъ Штакельбергомъ поѣхали на вокзалъ.

На путяхъ стояла плотная масса рабочихъ. Противъ нихъ пѣхота и казаки. Командиръ сотни доложилъ, что на путяхъ, межъ рельсъ, его казаки дѣйствовать не могутъ.

Баронъ Штакельбергъ лично обратился къ рабочимъ, предлагая разойтись и предупреждая, что въ противномъ случаѣ будетъ трижды данъ сигналъ горниста, послѣ чего войска начнутъ дѣйствовать оружіемъ.

Рабочіе не расходились. Впереди появились женщины съ дѣтьми. Стали садиться на землю. Проигралъ трижды рожокъ, раздалась команда, и ближайшая рота пошла на рабочихъ стѣной въ рукопашную...

На мгновеніе, все какъ-бы смолкло. Толпа попятилась назадъ. Какъ молоты посыпались тупые удары прикладовъ. Шелъ хрустѣ... Толпа обратилась въ паническое бѣгство... По сторонамъ подгоняли казаки... Минута, двѣ — все было кончено, толпа разсѣяна.

Уже дѣйствовавшая рота собралась. Раненыхъ не было; кого помяли, убѣжали. Офицеры и мы со Штакельбергомъ разговаривали о происшедшемъ. Вдругъ справа раздался залпъ, за нимъ второй и третій.

Что, почему, кто приказалъ стрѣлять? Бросились въ сторону залповъ. Тамъ

рота, сдѣлавъ послѣдній залпъ по направленію горы Соломенки, стояла еще «на изготовку», первая полу-рота съ колѣна.

— «Кто приказалъ стрѣлять?» — обратился къ ротному командиру подбѣжавшій Штакельбергъ. Тотъ доложилъ спокойно, что группа рабочихъ изъ разбѣжавшихся стала бросать въ роту камнями, что былъ раненъ солдатъ, офицеръ и сбитъ съ ногъ помощникъ исправника, которому камень угодилъ въ колѣнную чашку, и что онъ, ротный командиръ, согласно приказа по Округу, долженъ былъ въ виду такого дѣйствія рабочихъ противъ его роты, отвѣтить имъ огнемъ, что и выполнилъ.

Офицеръ былъ правъ. Но было что-то неприятное, щемящее... Всѣ мы видѣли, какъ двое изъ убѣгавшихъ въ гору перекувыркнулись послѣ второго залпа и остались лежать, какъ двое другихъ споткнулись, упали и, вставъ, неловко пытались бѣжать дальше, но не скоро... Чувствовалось, какъ-будто сдѣлали что-то нехорошее...

Штакельбергъ волновался. Онъ просилъ меня поѣхать съ нимъ къ Драгомирову. По дорогѣ онъ повѣдалъ мнѣ, что какъ бывший чиновникъ для порученій, онъ не пользуется у генерала вѣсомъ. Мнѣ жаль было его. Пожилой человекъ, онъ никогда не боялся идти въ гущу происходящаго, былъ хорошій человекъ и честный. Я далъ слово, что войду къ генераль-губернатору вмѣстѣ съ нимъ.

О насъ доложили и сейчасъ-же попросили въ кабинетъ. Драгомировъ вышелъ какъ туча. Путаюсь, Штакельбергъ сталъ докладывать ему о трехъ залпахъ и о четырехъ раненыхъ. Выходило, что войска дѣйствовали глупо, стрѣлять не умѣютъ.

Драгомировъ вспылилъ: — «Какъ такъ, какой полкъ? Отчислить отъ командованія ротой!» И пошелъ...

Штакельбергъ окончательно растерялся. Вижу насталъ мой чередъ.

— «Ваше Высок-во, разрѣшите доложить», — обратился я къ Командующему.

— «Что еще? Докладывайте», — проговорилъ онъ.

— «Ваше Высок-во, на тысячную толпу рабочихъ послѣ трехъ сигналовъ была пущена рота пѣхоты. Въ двѣ минуты, работая прикладами, рота разсѣяла толпу въ чистую.»

— «Значитъ рота дѣйствовала хорошо?»

— «Отлично, Ваше Высок-тво.»

— «А стрѣльба?»

— «То другая рота стрѣляла по рабочимъ, которые бросали въ нее камнями и ранили нѣсколько человекъ.»

— «Такъ, понимаю, — съ разстановкой говорилъ генералъ, — значитъ войска, разгонявшія толпу, дѣйствовали хорошо?»

— «Только трескъ шелъ отъ прикладовъ, Ваше Выс-тво. Отлично работали.»

Настроение генерала сразу измѣнилось. Онъ спросилъ, какой тамъ былъ батальонъ, и просилъ Штакельберга поблагодарить его командира, сказавъ, что отдастъ въ приказъ. Приказалъ затѣмъ позаботиться о семьяхъ убитыхъ, если они окажутся, и распрощавшись отпустилъ насъ.

Мы ушли, Штакельбергъ благодарилъ меня за выручку. Стали совѣщаться, что предпринять, чтобы не произошло новыхъ беспорядковъ изъ-за убитыхъ. Стрѣльба дѣйствительно была глупая, хотя ротный командиръ и былъ формально правъ.

Но залпы разрядили грозу. Съ того момента движеніе какъ-то сразу пошло на убыль. Настроение рабочихъ упало и скоро все вошло въ норму. Случай со стрѣльбой почти не нашелъ отзвука въ дальнѣйшихъ событіяхъ. Даже сами рабочіе считали, что войска дѣйствовали правильно. Революціонные комитеты не сумѣли использовать такого хорошаго для агитаціи противъ правительства повода, и о стрѣльбѣ на вокзалѣ скоро забыли.

1904-й годъ принесъ съ собою войну, а съ ней въ первые мѣсяцы и нѣкоторую пріостановку въ массовой революціонной работѣ. Кружки почти прекратились. Рабочіе, боясь военныхъ судовъ, которые въ умахъ массы были обязательны во время войны, боялись собираться на сходки. Къ тому-же призывы по мобилизаціи выхватывали то одного, то другого партійнаго дѣятеля.

Продолжала хорошо работать лишь типографія мѣстнаго комитета эсъ-дэковъ. Ее надо было раскрыть во что бы то ни стало. Становилось уже совѣстно, что мы не можемъ до нея добраться. Между тѣмъ подойти къ ней можно было только путемъ паружнаго наблюденія, такъ какъ имѣть въ типографіи внутреннюю агентуру значило бы самому участвовать въ ея работѣ, иными словами, дать классической примѣръ провокаціи.

Постепенно подходя къ типографіи, дошли мы до распространителей ея литературы. Нѣтъ, нѣтъ, да и приведутъ молодца, обложеннаго подъ рубашкой стопками свѣже-отпечатанныхъ прокламацій. Нѣкоторые изъ такихъ разносчиковъ, взятые съ полицнымъ, ночью, становились «сотрудниками». Стала отпечатанная типографіей литература вмѣсто кружковъ и улицъ попадать къ намъ «агентурнымъ путемъ». Пудами отправляло такую литературу отдѣленіе въ Департаментъ полиціи. Допло до того, что изъ отпечатанной вновь партіи въ 2000 экземпляровъ къ намъ попадало три четверти. Съ удивленіемъ смотрѣлъ иногда заходившій въ отдѣленіе товарищъ прокурора на кипы этихъ листовъ, на которыхъ краска еще размазывалась, настолько они бывали свѣжи. Да ужъ не сами ли печатають, навѣрно думалъ про насъ онъ.

Отъ распространителей мы дошли до центра распространенія, оставалось установить посредника между этимъ центромъ и самой типографіей. А это было самое трудное. Чѣмъ ближе къ типографіи, тѣмъ строже конспирація.

Въ это время Драгомировъ, во время одного изъ докладовъ, сказалъ мнѣ, смѣясь, что до него дошли слухи, будто бы я не арестую типографію потому, что она помѣщается у какого-то знатнаго богатаго человѣка.

— «Такъ Вы вотъ что сдѣлайте, говорилъ онъ мнѣ, Вы обыщите меня самого! Обыщите и весь мой домъ и ужъ разъ меня обыщите, генераль-губернатора, то на Васъ никто не будетъ обижаться, если Вы къ нему пожалуете съ обыскомъ».

Намекъ былъ ясенъ. Довольно зло. Я доложилъ, что къ сожалѣнію мы еще не подошли къ типографіи, но что скоро надѣмся успѣть и въ этомъ, и рассказалъ ему, какъ технически обстоитъ дѣло съ ея розыскомъ. Генераль-губернаторъ очень заинтересовался моимъ рассказомъ, и разстались мы хорошо.

Какъ разъ на другой день я получилъ указаніе, что къ сыновьямъ одного богатаго еврея, жившаго на Институтской улицѣ, привезли большой транспортъ свѣжей литературы, и я направилъ туда нарядъ полиціи, отправился и самъ. Богатый домъ, огромная квартира. Взволнованный отецъ молодыхъ людей, господинъ Г., ходитъ по красному ковру роскошной гостиной. Онъ хочетъ поговорить по телефону, но приходится ему въ этомъ отказать. У сыновей нашли и два тюка транспорта, и еще кое какую литературу, а главное гектографъ со свѣже отпечатанными прокламаціями. Дѣти богача работали на пролетаріевъ. Помощникъ пристава, изъ бывшихъ офицеровъ, такъ обрадовался результатамъ обыска, что рѣшилъ, что въ домѣ гдѣ либо и спрятана самая типографія. Это былъ на рѣдкость энергичный полицейскій чинъ. Онъ перерылъ весь домъ и даже забрался въ садъ. Войдя туда, я засталъ его въ бесѣдкѣ. Раскраснѣвшійся, онъ въ остервенѣніи долбилъ топоромъ дубовый полъ бесѣдки, рѣшивъ, что подъ нимъ обязательно спрятана типографія.

— «Господинъ полковникъ, Вы разрѣшите, я ее отыщу, она навѣрное здѣсь!»

Насилу успокоилъ я его, сказавъ, что все, что надо, найдено уже, что онъ отлично произвелъ обыскъ и что я доложу о томъ губернатору. Онъ былъ счастливъ и все таки продолжалъ просить:

— «Господинъ полковникъ, разрѣшите полъ въ бесѣдѣ все таки вскрыть, для вѣрности!»

Обыскъ у мѣстнаго богача надѣлалъ много шуму въ городѣ. Были арестованы его два сына. Самъ Г., прійдя въ тотъ или на слѣдующій день въ клубъ, сказалъ неосторожно, что онъ не беспокоится за сыновей, что за деньги все возможно и онъ добьется быстрого освобожденія дѣтей у жандармскаго управленія. Эти слова были доведены мною оффиціально до свѣдѣнія департамента, прокуратуры и жандармскаго управленія, гдѣ производилось дознаніе. Въ результатѣ каждый боялся поднять вопросъ объ освобожденіи братьевъ Г., и они просидѣли благодаря отцу много больше, чѣмъ могли бы просидѣть. Красавица мать очень страдала.

Вскорѣ послѣ этого обыска агентура указала мнѣ, что завтра вечеромъ, часовъ около десяти, у моста, что ведетъ въ крѣпость на Печерскѣ, должно состояться свиданіе одного изъ комитетчиковъ съ человѣкомъ изъ типографіи и что комитетчикъ тотъ и есть посредникъ между центромъ и типографіей. Онъ долженъ на томъ свиданіи передать для типографіи черновикъ первомайской прокламаціи. Было это за нѣсколько дней до перваго мая. Всѣ уже нервничали въ ожиданіи этого дня. Комитеты готовили демонстрацію, мы же готовились нанести своевременно хорошій ударъ и сорвать всѣ ихъ планы.

Мой завѣдующій наружнымъ наблюденіемъ посмотрѣлъ мѣсто, гдѣ должно было состояться свиданіе, и установилъ самое осторожное наблюденіе кругомъ. Мѣсто было скверное: глушь, ни одного человѣка.

Въ назначенный день и часъ плохенькій извозчикъ и женщина изъ шатающихся, то были филеры, дѣйствительно замѣтили по виду интеллигентнаго человѣка, который подойдя къ мосту встрѣтился съ молодымъ, какъ будто, рабочимъ. Было темно. Поговоривъ съ минуту, встрѣтившіеся разошлись. Въ сторону интеллигента пошла женщина, за рабочимъ же поплелся извозчикъ. Вскорѣ ихъ приняли поджидавшіе въ сосѣднихъ улицахъ другіе филеры, которые и продолжали уже наблюденіе. Интеллигентъ долго крутилъ и въ концѣ концовъ ушелъ отъ филеровъ, его утеряти. «Щуплый» же, такъ прозвали филеры рабочаго, былъ проведенъ въ одинъ изъ домовъ на улицѣ, на которую выходили зады съ Бульварно-Кудрявской. Вышелъ и садъ нашего дома. Зашелъ туда «Щуплый» осторожно, предварительно умно провѣривъ свой заходъ. Вотъ эта-то провѣрка, оглядываніе, чаще всего и проваливала революціонеровъ.

Дальнѣйшее наблюденіе за тѣмъ домомъ показало, что онъ почти никѣмъ не посѣщается. Тамъ царилъ тишина. Только подъ вечеръ выходилъ, какъ будто, рабочий къ воротамъ, стоялъ, курилъ и уходилъ обратно. Онъ наблюдалъ, конечно, за тѣмъ, что дѣлается около.

Совокупность всѣхъ данныхъ розыска привела насъ къ заключенію, что мы напали на типографію, а потому произведя передъ первымъ мая аресты, я направилъ нарядъ и въ подозрительный домъ. Результатъ превзошелъ наши ожиданія. Въ верхнемъ этажѣ небольшого двухъэтажнаго дома, въ квартирѣ изъ трехъ комнатъ съ кухней, была обнаружена большая хорошо оборудованная типографія. Жила тамъ социаль-демократка Севастьянова, скромная по виду, довольно симпатичная, типа народной учительницы женщина. Она была привлечена уже по какому-то дознанію при управленіи и бывала тамъ на допросахъ. Бывать въ жандармскомъ управленіи и въ то же время завѣдывать типографіей было довольно смѣло.

Всѣ комнаты и кухня были запачканы типографской краской. Въ кухонныхъ ведрахъ — черная вода. Во второй комнатѣ на специальномъ столѣ находился печатный станокъ, на которомъ уже было отработано нѣсколько тысячъ первомайскихъ прокламацій. Кипы чистой бумаги, кучи обрѣзковъ и старыя прокламаціи валялись повсюду. Уборная была сплошь завалена бумажными остатками. Въ одной изъ комнатъ находился большой сундукъ. Тамъ оказался аккуратно сложенный въ пачкахъ знаменитый стершійся косою шрифтъ. Обнаруженіе его доставило намъ несказанное удовольствіе. Севастьянова даже пошутила надъ тѣмъ, какое мы сдѣлали открытіе. Въ томъ же сундукѣ былъ весь архивъ мѣстнаго комитета съ массой рукописей. Оказалось, что типографія помѣщалась здѣсь нѣсколько лѣтъ. Работала сама Севастьянова, ей помогали еще два человѣка, которыхъ мы не обнаружили. Всю черную работу по кухнѣ выполнялъ дворникъ, который, очевидно, былъ посвященъ въ тайну квартиры, былъ изъ «сознательныхъ». Его тоже арестовали.

Не оказалось въ типографіи только второго маленькаго станка, который передъ первымъ мая изъ осторожности, перенесли на квартиру одного небольшого партійнаго работника. Тотъ такъ былъ гордъ этимъ обстоятельствомъ, что подѣлился секретомъ съ товарищемъ, товарищъ сказалъ женѣ, жена сболтнула кому-то, дошло до насъ и станокъ былъ также арестованъ.

Въ ту же ночь были большіе аресты. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, когда въ городѣ уже появились прокламаціи съ призывомъ на демонстрацію, я, опираясь на наличность призыва, спроектировалъ произвести въ предупрежденіе демонстраціи аресты наиболѣе активныхъ партійныхъ работниковъ. Я побывалъ у прокурора палаты, посвятилъ его въ свой планъ, и онъ согласился съ его правильностью. Аресты производились административнымъ порядкомъ, отъ имени губернатора. Взяли человѣкъ сто пятьдесятъ и всѣмъ объявили, конечно, причину ареста. Празднованіе перваго мая было сорвано и, если администрація и особенно мы были довольны, то не менѣе въ душѣ радовались и рядовые партійные работники, что были заарестованы. Всѣхъ ихъ освободили черезъ нѣсколько дней послѣ перваго мая и для нихъ, конечно, было лучше просидѣть ихъ въ заключеніи, чѣмъ демонстрировать во время войны со всѣми затѣмъ послѣдствіями. Были довольны и заправила: хотѣли-де устроить, да не удалось, полиція помѣшала. Лучше отдѣлаться пятью днями въ «предупрежденіе», чѣмъ сидѣть три мѣсяца «за демонстрацію».

Наступило лѣто. Въ городѣ было настолько спокойно, что мнѣ разрѣшили отпустить, который начинался 15-го Іюля. Но въ тотъ день въ Петербургѣ Боевая организація партіи социалистовъ-революціонеровъ, во главѣ которой стоялъ тогда Азефъ, убила министра Внутреннихъ дѣлъ Плеве.

Эвно Азефъ — здоровый мужчина съ толстымъ скуластымъ лицомъ, типа преступника, прежде всего былъ крайне антипатиченъ по наружности и производилъ сразу весьма непріятное и даже отталкивающее впечатлѣніе. Обладая выдающимся умомъ, математической аккуратностью, спокойный, разсудительный, холодный и осторожный до крайности, онъ былъ какъ бы рожденъ для крупныхъ организаторскихъ дѣлъ. Рѣдкій эгоистъ, онъ преслѣдовалъ прежде всего свои личные интересы, для достиженія которыхъ считалъ пригодными всѣ средства до убійства и предательства включительно.

Властный и не терпѣвшій возраженій тонъ, смѣлость, граничащая съ наглостью, необычайная хитрость и лживость, развивавшаяся до виртуозности въ его всегдашней двойной крайне опасной игрѣ, создали изъ него въ русскомъ революціонномъ мірѣ единственный въ своемъ родѣ типъ-монстръ.

И ко всему этому Азефъ былъ нѣжнымъ мужемъ и отцомъ, очаровательнымъ въ интимной семейной обстановкѣ и среди близкихъ друзей.

Въ немъ было какое-то почти необъяснимое страшное сочетаніе добра со зломъ, любви и ласки съ ненавистью и жестокостью, товарищеской дружбы съ измѣной и предательствомъ. Только варьируя этими разнообразнѣйшими, богатѣйшими свойствами своей природы, Азефъ могъ, вращаясь въ одно и то же время среди далеко не глупыхъ представителей двухъ противоположныхъ борющихся лагерей — правительствомъ и социалистами-революціонерами — заслужить рѣдкое довѣріе какъ одной, такъ и другой стороны. И въ послѣдствіи, когда онъ былъ уже разоблаченъ въ его двойной игрѣ, его съ жаромъ защищали съ трибуны Государственной Думы, какъ честнаго сотрудника — самъ Столыпинъ и въ то же время, за его революціонную честность, билась съ пѣной у рта такіе столпы партіи социалистовъ-революціонеровъ, какъ Гершуни, Черновъ, Савинковъ и другіе.

И несмотря на всю позднѣйшую доказанность предательства Азефа, несмотря на всю выясненную статистику повѣщенныхъ и сосланныхъ изъ-за его предательства, главари партіи социалистовъ-революціонеровъ все таки дали возможность Азефу безнаказанно скрыться. Таково было обаяніе и такова была тонкость игры этого страшнаго человѣка.

При разслѣдованіи обстоятельствъ его предательства, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей партіи далъ про него такія показанія:

— «... Въ глазахъ правящихъ сферъ партіи, Азефъ выросъ въ человѣка незамѣнимаго, провиденціальнаго, который одинъ только и можетъ осуществить терроръ..... отношеніе руководящихъ сферъ къ Азефу носило характеръ своего рода коллективнаго гипноза, выросшаго на почвѣ той идеи, что террористическая борьба должна быть не только неотъемлемой, но и господствующей отраслью въ партійной дѣятельности». (Заключеніе Суд. Слѣд. Комиссіи по дѣлу Азефа. Стр. 47—54).

Одинъ же изъ видныхъ партійныхъ работниковъ, Е. Колосовъ, бывший въ свое время боевикомъ и знавшій Азефа отлично не только по его революціонной работѣ, но и въ семейной жизни, бывший другомъ его семьи, послѣ полнаго раскрытія измѣны, все таки говорилъ про него лично мнѣ: — «И все таки «Иванъ Николаевичъ» былъ недурной человѣкъ!»

Человѣкъ же изъ рядовъ правительства, имѣвшій нѣкогда сношенія съ Азефомъ по службѣ, человѣкъ далеко не глупый и умѣющій разбираться въ людяхъ, который самого Азефа держалъ въ рукахъ не одинъ годъ и такъ держалъ, что тотъ не имѣлъ возможности провоцировать, этотъ человѣкъ — генералъ Герасимовъ, — говорилъ затѣмъ про него: — «Не понимаю, совсѣмъ не понимаю, какъ могъ онъ участвовать въ убійствѣ Плеве и другихъ, онъ, бывший по своимъ политическимъ взглядамъ скорѣе кадетомъ!»

Таковъ былъ непонятый въ свое время ни кѣмъ: ни правительствомъ, ни революціонерами, ни единственнымъ его другомъ — его женою — Эвно Азефъ, членъ центрального комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ, шефъ ея Боевой организаціи, сотрудникъ Департамента полиціи и въ то же время провокаторъ, въ настоящемъ значеніи этого слова.

Начавъ свою работу на правительство, Азефъ въ теченіе первыхъ лѣтъ этого ремесла былъ только освѣдомителемъ, шпиономъ — «сотрудникомъ». Онъ только давалъ

свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ тѣхъ революціонныхъ кругахъ, съ которыми онъ соприкасается. Но положеніе его въ партіи понемногу росло, и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣнялся характеръ его работы.

Послѣ убійства Сипягина, Департаментъ полиціи вызвалъ Азефа изъ-за границы для освѣщенія положенія дѣла въ Россіи, и Азефъ задержался въ Петербургѣ. Не посвящая, конечно, тѣхъ лицъ изъ Департамента полиціи, передъ которыми онъ отчитывался, Азефъ началъ энергично работать въ интересахъ партіи. Такъ, онъ организовалъ Петербургскій комитетъ, наладилъ транспортъ литературы, начавъ такимъ образомъ уже и «провоцировать» и выдавалъ своему начальству въ нѣкоторыхъ случаяхъ результаты своей работы. Въ то время онъ сблизился съ Гершуни настолько, что послѣдній посвятилъ его въ нѣкоторые изъ своихъ предпріятій, про которыя Азефъ Департаменту, однако, не говорилъ. Гершуни настолько сошелся съ нимъ, что будучи незадолго передъ своимъ арестомъ за-границей, сказалъ Михаилу Гоцу, «что на случай своего ареста онъ поручилъ Азефу взять въ свои руки дѣло Боевой организаціи и реорганизовать путемъ кооптаціи центральный комитетъ». (Заключеніе, стр. 24).

Въ тотъ же періодъ времени Азефъ вошелъ членомъ въ центральный комитетъ партіи. Надо полагать, что и это свое новое положеніе Азефъ скрылъ отъ своего департаментскаго начальства, такъ какъ совмѣстительство ролей члена центрального комитета и сотрудника давало явную провокацію. Взгляды же тогдашняго Директора департамента полиціи Лопухина и Зубатова были настолько строги и щепетильны въ отношеніи агентуры, что намъ категорически воспрещалось имѣть сотрудниковъ на роляхъ активныхъ дѣятелей вообще и въ частности членами какихъ либо центровъ. Сотрудники, какъ указывали намъ, могли быть около нихъ, но не въ нихъ. Въ то время не было еще писанныхъ инструкцій по агентурѣ для завѣдующихъ розыскомъ, но руководящія указанія, предостерегавшія отъ провокаціи, даже неумышленной, были неизменно строги.

Сдѣлавшись послѣ ареста Гершуни шефомъ Боевой организаціи, Азефъ въ Іюль 1903 года поѣхалъ за-границу и тою же осенью принялся за организацію порученнаго ему центральнымъ комитетомъ убійства Плеве. Въ это время Зубатова уволили отъ службы, и Азефъ въ Парижѣ имѣлъ дѣло съ Ратаевымъ, а наѣзжая въ Петербургъ, видался съ Мѣдниковымъ.

За-границей Азефъ составилъ Боевую организацію, въ которую кромѣ его и Гоца, какъ высшихъ представителей, вошло семь молодыхъ людей, изъ которыхъ четверо русскихъ, два поляка и одинъ еврей. Былъ выработанъ планъ убійства, и отрядъ направился въ Россію.

18-го Марта 1904 года, въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, около Департамента полиціи должно было состояться первое покушеніе Боевой организаціи на Плеве, путь проѣзда котораго былъ обставленъ боевиками съ бомбами. Но Азефу почему-то убійство въ тотъ день было не выгодно, и онъ заблаговременно предупредилъ директора Лопухина, объяснивъ, однако, что тамъ готовится покушеніе именно на Лопухина, и кстати выпросилъ себѣ прибавку жалованья. Охрана на Фонтанкѣ была усилена, она спугнула боевиковъ, и покушеніе на Плеве не состоялось. Всей охраной и всѣмъ наблюденіемъ тамъ вѣдалъ исключительно состоявшій при министрѣ Скандраковъ, не допускавшій къ этому району чиновъ Департамента полиціи.

25-го Марта часть боевиковъ вновь выходила съ бомбами на путь проѣзда министра, но его не встрѣтила. Тогда Азефъ принялся болѣе энергично за организацію покушенія и установилъ черезъ группу боевиковъ во главѣ съ Савинковымъ настоящую облаву на министра, и ко второй половинѣ іюля все было готово для совершенія

убійства. Убѣдившись въ этой готовности, Азефъ покинулъ Петербургъ и, дабы отвести вниманіе департамента полиціи отъ министра, написалъ Ратаеву письмо, что во главѣ Боевой организаціи стоятъ проживающіе въ Одессѣ Геккеръ и Сухомлинь, что мысль объ убійствѣ министра пока оставлена, а что на очередь для поднятія престижа Боевой организаціи поставлено убійство Иркутскаго генераль-губернатора Кутайсова.

Усыпивъ такимъ образомъ черезъ Ратаева Департаментъ полиціи, наговоривъ успокоительныхъ вещей и Мѣдникову, Азефъ назначилъ покушеніе на Плеве на 8-е іюля, но изъ за недоразумѣнія при раздачѣ снарядовъ, оно состоится опять таки не могло и было перенесено на 15-е Іюля.

Рѣзво несли въ то утро кони карету съ министромъ по Измайловскому проспекту по направленію къ вокзалу. Онъ ѣхалъ въ Петергофъ съ Всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю. Сзади насилу поспѣвала одиночка съ чинами охраны. Сбоку катили велосипедисты охранки. Вытягивалась полиція, шарахались извозчики, оглядывалась публика.

А навстрѣчу министру, одинъ за другимъ, съ интервалами спокойно шли съ бомбами направленные Савинковымъ трое боевиковъ. Не доѣзжая до моста черезъ Обводный каналъ, на перерѣзѣ каретъ свернулъ съ тротуара нѣкто въ желѣзно-дорожной формѣ со сверткомъ подъ мышкой. Онъ у кареты. Онъ видитъ пристальный угадывающій судьбу взглядъ министра. Взмахъ рукъ — свертокъ летитъ въ карету, раздается взрывъ.

Министръ убитъ. Убитъ и кучеръ, и лошади. Блиндированная карета разнесена въ щепы. Бросившій бомбу Егоръ Сазоновъ сбитъ съ ногъ охранникомъ-велосипедистомъ и раненъ взрывомъ.

Сазоновъ, которому было тогда 25 лѣтъ, сынъ богатаго купца, окончилъ Уфимскую гимназію и въ 1901 году былъ исключенъ за безпорядки изъ Московскаго университета. Въ 1902 году онъ былъ привлеченъ къ дознанію за участіе въ революціонной организаціи въ Уфѣ и сосланъ на 5 лѣтъ въ Якутскую область, откуда скрылся за-границу, гдѣ и вошелъ въ Боевую организацію. За убійство министра онъ былъ сосланъ на каторгу, гдѣ покончилъ самоубійствомъ.

Получивъ телеграмму объ убійствѣ министра, я задержался съ отъѣздомъ. Я повидался съ сотрудниками и убѣдился, что Кіевъ къ убійству не причастенъ. Пославъ телеграмму о томъ въ Департаментъ, я уѣхалъ въ отпускъ. Но не прошло и недѣли, какъ меня вернули съ Волги телеграммой, которая говорила о причастности къ убійству Плеве именно Кіева.

Оставивъ жену, я помчался къ мѣсту службы. Оказалось слѣдующее. Послѣ увольненія Зубатова, въ Департаментѣ полиціи вошелъ въ большую моду прежній сотрудникъ марксистъ, потомъ чиновникъ, Михаилъ Ивановичъ Гуровичъ, изъ евреевъ. Журнальный міръ зналъ его по «Началу». Для конспираціи онъ надѣлъ темныя очки и изъ рыжаго перекрасился въ жгучаго брюнета, что подало поводъ дружившему съ нимъ ротмистру Комисарову спросить его однажды въ гостинницѣ, гдѣ тотъ жилъ: — «А что, Михаилъ Ивановичъ, Вы и голову свою выставляете для чистки ежедневно за дверь съ сапогами?» Они поссорились и долго не разговаривали.

Гуровичъ былъ болтливъ, считалъ себя знатокомъ по всѣмъ социальнымъ вопросамъ, но опредѣленнаго мнѣнія не имѣлъ ни по одному изъ нихъ. Въ портфель у него всегда было наготовѣ нѣсколько докладовъ на злободневныя темы и за, и противъ. Какого взгляда держится начальство, тотъ докладъ и подается. Такъ говорили. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ генераль Валъ очень благоволилъ къ нему и считалъ его серьезной величиной.

Вотъ этотъ то Гуровичъ послѣ убійства Плеве принялъ какое то участіе въ розыскѣ около раненаго Сазонова. Онъ слушалъ бредъ Сазонова, сидя около его кровати. Въ бреду онъ разобралъ нѣкое имя и рѣшилъ, что то былъ нѣкій господинъ Х. изъ Кіева. Кіевлянина того арестовали и въ кандалахъ доставили въ столицу. Но вышелъ конфузъ. Кіевлянинъ тотъ, хотя и принималъ участіе въ работѣ, но доказалъ полную невиновность въ дѣлѣ Плеве и былъ освобожденъ. Таково было усердіе Гуровича.

Но въ то время, какъ власти метались, разыскивая главныхъ виновниковъ убійства въ Петербургѣ, главный его организаторъ Азефъ справлялъ свой триумфъ въ Швейцаріи. Въ день убійства онъ находился въ Варшавѣ, ожидая телеграмму о результатахъ покушенія. Узнавъ про убійство, онъ въ тотъ-же вечеръ выѣхалъ въ Вѣну, откуда и послалъ Ратаеву какую-то пустую телеграмму, устанавливающую, однако, его алиби.

Изъ Вѣны Азефъ проѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ подъ Женевой происходилъ въ то время съѣздъ заграничной организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ. Азефъ былъ встрѣченъ какъ триумфаторъ. Сама «бабушка» русской революціи, ругавшая его за-глава «жидовской мордой», поклонилась ему по-русски до земли! Бывшіе же на съѣздѣ эсъ-эры справили убійство Плеве такой попойкой, что дѣло не обошлось безъ вмѣшательства полиціи.

Въ это-же лѣто ушелъ на покой вслѣдствіе тяжелой болѣзни Кіевскій генералъ-губернаторъ Драгомировъ. Мнѣ его было искренно жаль. При немъ въ городѣ чувствовалась рука, которая, правда, лежала спокойно, но, если, поднявшись, опускалась на кого либо, то давала себя чувствовать. Онъ хорошо относился ко мнѣ. Не разъ во время войны, поздно вечеромъ, у себя въ кабинетѣ, выслушавъ докладъ мой за тарелкой простокваши, онъ дѣлился со мной мыслями. Большія карты висѣли отъ него справа на стѣнѣ.

— «Что Куропаткинъ!» — сказалъ онъ мнѣ однажды ухмыляясь и махнувъ безнадежно рукой, а затѣмъ продолжалъ: — «Есть тамъ на Востокѣ старый солдатъ Линевицъ. Вотъ ему и надо приказать и сдѣлаетъ все, что надо, а этотъ...» и опять тотъ-же краснорѣчивый безнадежный жестъ. «Я уже старый, больной человекъ, меня тамъ не слушаютъ... а Вамъ, молодому это надо знать».

Я жадно слушалъ его и мнѣ казалось — вотъ большой, большой человекъ.

Когда генералъ уже совсѣмъ больной лежалъ въ кровати, въ комнатѣ около кабинета, онъ принималъ по службѣ только своихъ близкихъ военныхъ и тогда я все-таки достаивался пріемовъ у кровати. Больной иногда даже шутилъ. Въ тѣ дни я однажды принесъ ему поздравленіе съ Монаршей Милостью. Онъ получилъ Высочайшій рескриптъ и еще какую то большую награду. Растроганный, слабымъ голосомъ, съ перерывами рассказывалъ мнѣ больной, какого вниманія удостоилъ его Государь, и слезы блестѣли на его рѣсницахъ. И то былъ Драгомировъ.

Вечеръ. Поѣздъ съ салонъ-вагономъ Драгомирова готовъ къ отправленію. Больного генерала везутъ въ его имѣніе въ Конотопъ. Пріѣхавъ на вокзалъ, я протискаюсь черезъ большую толпу провожающихъ у вагона и прошу доложить о желаніи попрощаться. Черезъ минуту меня просятъ въ вагонъ. Въ большомъ креслѣ сидитъ Драгомировъ. Около него жена, генералы, дамы. Я кланяюсь и говорю пожеланія.

— «Ну, батенька, — смѣется генералъ — не удалось намъ съ Вами поработать дольше, такъ расхлебывайте сами теперь, какъ знаете!»

И хорошо, дружелюбно смѣясь, онъ жметъ мнѣ руку и желаетъ успѣха въ работѣ. Я кланяюсь и цѣлую ручки супруги, у которой случилось и мнѣ ѣсть знаменитую гречневую кашу и пироги. Показывала она мнѣ однажды и свою кухню. Было чѣмъ похвастать. Настоящая образцовая войсковая часть. Все блеститъ, какъ золото! А ея поваренная книга, съ знаменитымъ введеніемъ? Недаромъ-же говорили, что введеніе то написано было самимъ генераломъ, настолько оно было характерно и лаконично.

Уже изъ Конотопа получилъ я отъ Драгомирова его фотографію и гордился ею. Драгомировъ — это эпоха въ Кіевѣ и славная страница въ исторіи русской военной силы.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Генераль-губернаторъ Клейгельсъ. — Курсь князя Святополкъ-Мирскаго. — „Весна“ зимою. — Отношеніе къ веснѣ Кіевскихъ властей. — Порядокъ групповыхъ арестовъ. — Григорій Галонъ и 9-е Января 1905 года. — Работа Боевой организациі подѣ начальствомъ Азефа. — Подготовка покушенія на генерала Клейгельса. — Убіеніе Великаго Князя Сергѣя Александровича. — Поѣздка въ Петербургъ. — У генерала Трепова. — Возвращеніе въ Кіевъ.

Осенью 1904 года въ Кіевъ пріѣхалъ новый генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ Клейгельсъ, занимавшій до того постъ Петербургскаго Градоначальника. Генераль Клейгельсъ былъ выдающійся градоначальникъ въ смыслѣ полицейскомъ. Онъ любилъ полицейское дѣло, интересовался имъ, умѣлъ подбирать исполнительныхъ офицеровъ и умѣлъ использовать ихъ таланты. Другихъ его качествъ я не касаюсь. Послѣ знаменитыхъ оберъ-полицеймейстеровъ Трепова и Грессера, это былъ единственный градоначальникъ, въ которомъ столичная полиція видѣла своего по духу человѣка.

Поводомъ къ его уходу изъ Петербурга послужило слѣдующее. Сынъ его давнишняго пріятеля, блестящій гвардейскій кавалеристъ Х. тратилъ большія суммы на очаровывавшую весь кутящій Петербургъ француженку М. Отецъ офицера, обезпокоенный за состояніе своего сына, просилъ Клейгельса помочь ему, и тотъ потребовалъ выѣзда М. изъ Петербурга. Но М. была очень популярна и имѣла хорошихъ защитниковъ. Кавалеристъ пожаловался командиру полка, тотъ доложилъ выше и такъ дошло до командующаго войсками гвардіи Великаго Князя Владиміра Александровича, который вступился за офицера и при первой-же встрѣчѣ съ Клейгельсомъ наговорилъ ему много рѣзкаго и не хорошаго. Престижъ градоначальника былъ подорванъ, оставаться въ Петербургѣ ему было неудобно, и какъ выходъ изъ положенія генералу Клейгельсу было предложено Кіевское генераль-губернаторство.

Я представился новому генераль-губернатору еще въ Петербургѣ, будучи тамъ въ первые дни послѣ его назначенія. Это былъ бравый величественный генераль, цвѣтущаго здоровья, съ бородой по скобелевски. Онъ говорилъ важно и высокопарно и при этомъ часто подбочивался одной рукой, а другой молодцевато разбрасывалъ бороду-баки. Въ громадномъ Петербургскомъ кабинетѣ, съ массой гипсовыхъ моделей разныхъ монументовъ, онъ былъ великолѣпенъ.

Тогда онъ сразу-же спросилъ меня, знакомъ-ли я съ его «литературными трудами», какъ выразился онъ, и узнавъ, что нѣтъ, предложилъ мнѣ обратиться въ градоначальство. Я обратился, и мнѣ прислали съ десятокъ разнаго формата инструкцій для общей полиціи и большой томъ «Основы полицейской службы». Почти на всѣхъ инструкціяхъ красовалась надпись: «по распоряженію Санктъ-Петербургскаго Градо-

начальника Свиты Ево Величества генераль-маіора Клейгельса, составилъ капитанъ Галле».

Директоръ Лопухинъ тогда же далъ мнѣ о немъ исчерпывающую характеристику, и я вспомнилъ лишній разъ, что и на солнцѣ бываютъ пятна.

Новый генераль-губернаторъ своими широкими взглядами и сдержанными поступками какъ бы старался заставить забыть, что онъ служилъ раньше по полиціи, и показывалъ себя просвѣщеннымъ администраторомъ. Онъ очень внимательно занимался разрѣшеніями на покупку земель въ краѣ и давалъ ихъ на великолѣпной бумагѣ. Весь полъ, диваны, кресла его обширнаго кіевскаго кабинета бывали иногда покрыты этими аккуратно разложенными разрѣшеніями. То подсыхала свѣжая подпись генераль-губернатора, дабы сохранился блескъ чернилъ.

Конкретныхъ указаній генераль Клейгельсъ вообще не любилъ давать и предоставлялъ каждому широту дѣйствій. Такъ однажды, когда я согласно его приказанія, протелефонировалъ ему около 11 часовъ вечера, что на банкетномъ обѣдѣ судебного вѣдомства произносятся рѣчи о конституціи, генераль, выслушавъ меня, сказалъ внушительно: «Надо дѣйствовать быстро и рѣшительно; завтра Вы доложите мнѣ подробно» — и повѣсилъ трубку. Я подумалъ, подумалъ и легъ спать.

Генераль Клейгельсъ не жаловалъ нашего губернатора П. С. Саввича. Послѣдній былъ очень хорошій и здравый человекъ, честный службистъ, разумно понимавшій свою роль и положеніе. Ихъ взгляды не сходились. Дошло до того, что при беспорядкахъ, когда требовалось иногда получить категорическія указанія генераль-губернатора, генераль Саввичъ бралъ меня съ собою. При третьемъ разговоривать оказывалось удобнѣе.

При подобныхъ взаимоотношеніяхъ высшаго мѣстнаго начальства мое положеніе было довольно щекотливо. Но къ намъ генераль-губернаторъ относился хорошо, хотя его отношенія съ нашимъ начальникомъ А. А. Лопухинымъ были не важны. Онъ вообще на ладилъ съ министерствомъ юстиціи еще съ Петербурга, а Лопухинъ вышелъ изъ него.

Съ новымъ начальствомъ у насъ совпала и новая полоса во внутренней политикѣ въ Россіи. Убійство Плеве, въ которомъ широкіе и бюрократическіе круги общества, и ближайшіе сотрудники убитаго министра видѣли главное препятствіе къ широкимъ реформамъ, нужда въ коихъ назрѣла до очевидности, было встрѣчена не только дикою радостью революціонныхъ партій, но и нескрывавшимся сочувствіемъ всей оппозиціи. Государь, склонный уже въ то время къ измѣненію курса внутренней политики, назначилъ министромъ внутреннихъ дѣлъ виленскаго генераль-губернатора генераль-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго.

Человекъ высокихъ нравственныхъ качествъ, милый и воспитанный, какъ говорили про него поляки въ Вильнѣ — «бардзо цивилизованный члѣвѣкъ», — князь Святополкъ-Мирскій по уму и по характеру совершенно не былъ пригоденъ къ должности, на которую онъ былъ призванъ. Либераль по мышленію, онъ, вступивъ въ половинѣ Сентября мѣсяца въ должность, измѣнилъ съ Высочайшаго одобренія курсъ внутренней политики въ сторону либерализма, заявивъ на всю Россію, что отнынѣ таковая будетъ базироваться на довѣрїи власти къ обществу. Была объявлена политическая «весна».

Это измѣненіе политики дало возможность развиваться широкому общественному противоправительственному движенію, которое слилось затѣмъ съ революціоннымъ.

Образовавшійся еще осенью 1903 года и окончательно организовавшійся въ Январѣ 1904 года тайный «Союзъ Освобожденія», въ который входили представители профессиональной и разночинной интеллигенціи и лѣвое крыло земцевъ конституціо-

налистовъ, призналъ наступившій моментъ удобнымъ для открытія дружной кампаніи всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ въ цѣляхъ сверженія самодержавія.

Въ Сентябрѣ 1904 года въ Парижѣ состоялась «Конференція оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій Россійской Имперіи» съ участіемъ представителей Союза Освобожденія и партіи социалистовъ-революціонеровъ. Рѣшено было добиваться уничтоженія самодержавія, причемъ «Формы, методы, средства, тактика оставались своеобразными для каждой партіи». Такъ писала «Революціонная Россія». Не взявъ бомбы въ руки, наши либералы признали ее у своихъ союзниковъ допустимымъ средствомъ борьбы противъ правительства.

Съ этого момента Союзъ Освобожденія руководить всѣмъ общественнымъ движеніемъ въ Россіи, направляетъ дѣйствія земцевъ и всей оппозиціонной интеллигенціи и толкаетъ ихъ опредѣленно на революцію. Оставаясь для правительства въ подпольѣ, онъ проводитъ земскую и судебно-банкетную кампаніи, проводитъ резолюціи о требованіи конституціи, вынесенныя на ноябрьскихъ земскихъ сѣздахъ, разноситъ ихъ широко по Россіи и тѣмъ окончательно поднимаетъ всѣ интеллигентныя круги и профессіи. Революціонныя партіи, застигнутыя какъ бы врасплохъ, идутъ поневолѣ за созданнымъ Союзомъ движеніемъ, помогая ему терроромъ, рабочими, крестьянскими и солдатскими беспорядками.

Такъ расцвѣтала объявленная Святополкомъ-Мирскимъ «весна», сперва при осенней слякоти, затѣмъ при заморозкахъ и морозахъ и создала естественный хаосъ. На мѣстахъ все было сбито съ толку, до представителей властей включительно. Даже чины судебного вѣдомства, блюстители закона, отклонились отъ него и поддались вѣянію министерской «весны».

Трудно было тогда служить и въ Кіевѣ. У генераль-губернатора поддержки никакой. Онъ только пышно и звонче сталъ говорить. Кругомъ всѣ бредили свободами, не отдавая себѣ яснаго отчета, чего хотятъ. Только губернаторъ Саввичъ, какъ всегда спокойный и ровный, рѣшилъ не поддаваться никакимъ вѣяніямъ и дѣйствовать строго по закону и по существующимъ циркулярамъ и инструкціямъ, пока они не будутъ отмѣнены или измѣнены формально центральной властью. А министерство, дѣлая революцію сверху, продолжало хранить молчаніе относительно какихъ либо руководящихъ указаній.

Спокоенъ былъ у насъ и прокуроръ палаты, держась существующаго закона, но нѣкоторые маленькіе товарищи прокурора бѣгали какъ угорѣлые. Одинъ все приставалъ ко мнѣ, на какомъ я основаніи дѣлаю то или другое, и такъ надоѣлъ, что однажды я сказалъ ему: «Да, развѣ Вы не знаете, что есть такое учрежденіе въ Кіевѣ на Бульварно-Кудрявской, гдѣ все и всегда дѣлается безъ всякихъ основаній. Если не знаете, то знайте». Онъ обидѣлся, но больше уже не приставалъ.

Но это далеко не было такъ. Прокурорское око смотрѣло зорко, и мы очень считались съ нимъ. Арестъ каждаго лица, даже по охранѣ, долженъ былъ быть обоснованъ серьезно. И если еще арестъ какого либо рабочаго не обращалъ вниманія прокурора, то арестъ интеллигентнаго человѣка и въ частности студента всегда влекъ за собою справку прокуратуры по телефону: за что и почему.

Передъ каждой групповой ликвидаціей я отправлялся къ прокурору палаты и по наглядной схемѣ выяснялъ ему положеніе розыска по данной организаціи, указывалъ сношенія отдѣльныхъ лицъ и выяснялъ сплетеніе наружнаго наблюденія съ агентурой. Я указывалъ дома, гдѣ жили наиболѣе интересные въ смыслѣ революціонномъ люди и гдѣ по нашему предположенію можетъ быть найдено что либо предо-

судительное. Благодаря такому докладу, прокуроръ палаты видѣлъ, что мы разбираемся, а не бросаемся зря хватать праваго и виноватаго.

Самый порядокъ ликвидаціи былъ установленъ слѣдующій. Начальникъ управленія назначалъ офицера, который долженъ былъ начать дознаніе по тѣмъ арестамъ, которые будутъ произведены. Назначался и товарищъ прокурора для наблюденія за будущимъ дознаніемъ. Оба они приходили въ отдѣленіе часовъ въ 11 вечера того дня, когда производилась ликвидація. Отпустивъ наряды на обыски, я рассказывалъ имъ всѣ происходящія уже обыски и аресты. Когда являлись съ обыска, мы сообща просматривали вещественныя доказательства. Тутъ же дѣлались дополнителныя указанія и всяческія разъясненія. Въ результатѣ, за ночь, и будущій производящій дознаніе, и товарищъ прокурора были введены въ свое дѣло, а на утро, отдѣленіе посылало телеграмму о результатахъ ликвидаціи въ Департаментъ полиціи, а товарищъ прокурора докладывалъ своему начальству. Такъ производились аресты даже «по охранѣ», которые по закону мы могли производить безъ всякаго

10-го или 11-го Января 1905 года, въ Кіевъ вернулся изъ Петербурга генераль-губернаторъ Клейгельсъ и прямо съ вокзала попросилъ къ себѣ нѣсколькихъ лицъ, губернатора и меня. Всѣ были приглашены занять мѣста за большимъ зеленымъ столомъ въ особой пріемной.

— «Я человекъ опредѣленныхъ формъ» — началъ какъ всегда генераль-губернаторъ и затѣмъ встревоженно важно рассказалъ намъ о происшедшемъ въ Петербургѣ Гапоновскомъ движеніи. Онъ раскритиковалъ Гапона и удивлялся дѣйствию властей. Поговоривъ съ полъ-часа, онъ отпустилъ насъ. Для большинства было не ясно, что въ сущности онъ хотѣлъ и для чего собиралъ насъ, но разгадка была въ томъ, что въ прошломъ Гапонъ былъ до нѣкоторой степени связанъ съ Клейгельсомъ.

Григорій Гапонъ—изъ полтавскихъ малороссовъ, сынъ крестьянина, учился въ семинаріи, по окончаніи которой поступилъ въ 1902 году въ СПб Духовную Академію.

Нервный, экспансивный, честолюбивый, съ горящими черными глазами аскета, Гапонъ былъ безпокойная мятущаяся натура. Онъ любилъ Царя безотчетно и считалъ, что черезъ него можно достигнуть всего, что только нужно народу. Романтикъ въ душѣ, онъ очень интересовался обездоленными и бѣдными и носился съ разными проектами, какъ улучшить ихъ положеніе.

Еще будучи въ академіи, онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ два дѣтскихъ пріюта и скоро выдѣлился своими собесѣдованіями. Онъ посѣщалъ ночлежные дома, петербургскіе притоны, рабочіе кварталы и любилъ, и умѣлъ разговаривать съ ихъ обитателями. Раса священника, своеобразная рѣчь и задушевный тонъ помогали ему. Скоро незаурядный священникъ-провинціалъ заинтересовалъ собою и академическое начальство, и нѣкоторые салоны петербургскаго аристократическаго общества. Онъ началъ входить въ моду. Открылись для него и двери гостиной статсъ-дамы Ея Величества Е. Н. Нарышкиной. По ея проникнутымъ любовью къ царской семьѣ теплымъ рассказамъ про Государя и его доброту и любовь къ народу, про его дивную семейную жизнь, Гапонъ уже болѣе сознательно началъ любить Государя и проникаться вѣрою, что при немъ рабочій людъ дѣйствительно можетъ добиться всего, что нужно ему для его благополучія. Фантазія Гапона направлялась въ сторону широкихъ соціальныхъ реформъ.

Будучи на второмъ курсѣ академіи, онъ разработалъ проектъ о кооперативѣ безработныхъ и о предоставленіи имъ подрядовъ общественныхъ работъ, о рефор-

мѣ рабочихъ домовъ, о земледѣльческихъ исправительныхъ колоніяхъ для дѣтей и подалъ свои проекты генералу Клейгельсу и причастнымъ къ дѣламъ пріютовъ генераль-адъютанту Максимовичу и Управляющему Собственной Его Величества Канцеляріи Танѣеву, и былъ обнадеженъ однимъ изъ нихъ, что его проекты будутъ разсматриваться подъ предсѣдательствомъ самой Императрицы Александры Феодоровны. Голова полтавскаго малоросса шла кругомъ.

На четвертомъ курсѣ Гапона уволили изъ академіи изъ-за какого то недоразумѣнія, но затѣмъ вновь приняли не безъ протекціи со стороны охраннаго отдѣленія, которое уже знало тогда Гапона и покровительствовало его работѣ среди бѣднаго люда, находя его собесѣдованія полезными.

Весною 1903 года Гапонъ окончилъ академію и, привлеченный Зубатовымъ къ работѣ въ основанномъ послѣднимъ Обществѣ Рабочихъ, съ жаромъ отдался новой организаціонной дѣятельности. Но онъ, однако, не во всемъ сходилъ съ Зубатовымъ. Онъ былъ противъ полицейской опеки надъ движеніемъ и стоялъ за его большую самостоятельность, но это не мѣшало, однако, ему быть съ Зубатовымъ и съ Мѣдниковымъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, бывать часто у нихъ на Преображенской улицѣ и принимать отъ Зубатова денежную помощь.

Послѣ увольненія Зубатова, Гапонъ сталъ какъ бы оффиціально во главѣ Петербургской легализаціи. Къ концу 1903 года въ Петербургѣ существовало уже 17 отдѣловъ на разныхъ окраинахъ столицы. Въ отдѣлахъ происходили собесѣдованія и чтенія, начинавшіяся обычно молебствіемъ. На поддержку отдѣловъ Гапонъ получалъ иногда деньги и отъ Департамента полиціи, и отъ градоначальника Клейгельса. Къ этому времени Гапонъ былъ назначенъ священникомъ въ центральную тюрьму.

Съ назначеніемъ градоначальникомъ генерала Фулона, движеніе разрастается еще шире, начинаютъ устраиваться уже общія собранія для рабочихъ и ихъ семей, даже съ танцами, и это движеніе уже перестаетъ удовлетворять Гапона. Ему мало Петербурга, ему хочется перебросить его и на другіе города. Его взоры обращаются на Москву и Малороссію.

Гапонъ поѣхалъ какъ то въ Москву и выступилъ тамъ на одномъ изъ рабочихъ собраній и началъ критиковать московскія организаціи, выставляя въ замѣнъ ихъ свои. Дошло до градоначальника Трепова. Тотъ приказалъ арестовать Гапона и выслать въ Петербургъ, министру же Плеве отъ Великаго Князя было послано письмо, съ указаніемъ, чтобы Гапонъ больше въ Москву не являлся. Плеве извинился, и Гапону было указано, что онъ можетъ работать только въ Петербургѣ. Пытался Гапонъ работать и по провинціи, былъ онъ съ этой цѣлью въ Харьковѣ, а зимой 1904 года пріѣхалъ и къ намъ въ Кіевъ и заявился прямо ко мнѣ. Встрѣтились мы какъ старые знакомые. Сказавши, что дѣйствуетъ по полномочію директора Лопухина, Гапонъ разъяснилъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ просить Клейгельса разрѣшить ему начать въ Кіевѣ организацію рабочихъ на подобіе Петербурга и, прежде чѣмъ быть у него, заѣхалъ переговорить со мною и просить поддержки. Мы переговорили, причемъ я разъяснилъ, что все зависитъ отъ генераль-губернатора, въ душѣ же я считалъ, что время для легализаціи у насъ совсѣмъ не подходящее и что всѣ усилія надо направлять лишь на борьбу съ разрастающейся революціей. Исходя изъ этого положенія, я тотчасъ же послѣ ухода Гапона поспѣшилъ къ генералу Клейгельсу, доложилъ ему о пріѣздѣ Гапона и высказалъ свой взглядъ на полную неприемлемость для Кіева его проекта! Клейгельсъ обѣщался отклонить просьбу Гапона, но я не очень довѣрялъ его обѣщаніямъ и потому поѣхалъ еще и къ губернатору и нашелъ у него горячую поддержку. Онъ обѣщалъ мнѣ воспротивиться какой бы то ни было легализаціи.

Однако, обезпокоенный тѣмъ, что я продѣлалъ все это вопреки желанію директора, на котораго сослался Гапонъ, я срочно выѣхалъ въ Петербургъ и подробно доложилъ обо всемъ Лопухину. Послѣдній возмущился нахальствомъ и ложью Гапона. Онъ позвонилъ секретаря и приказалъ принести дѣло о Гапонѣ и рассказалъ мнѣ это инцидентъ въ Москвѣ, объяснилъ, въ какія онъ взялъ рамки въ Петербургѣ, и показалъ нѣкоторые документы изъ дѣла, а въ томъ числѣ и письмо Великаго Князя и резолюцію Плеве. Директоръ нашелъ мои дѣйствія правильными.

Но разрѣшивъ Гапону широко работать въ Петербургѣ, власти какъ бы забыли, что тамъ не было человѣка, который бы присматривалъ за нимъ, руководилъ бы имъ, держалъ бы все движеніе въ рукахъ, какъ то дѣлалъ Зубатовъ. Формально это какъ бы лежало на генералѣ Фулонѣ.

Между тѣмъ Гапоновскія организациі увеличивались числомъ и, къ концу 1904 года, созданое имъ движеніе по рабочимъ кварталамъ Петербурга приняло невиданные размѣры. Число сорганизованныхъ рабочихъ доходило до двадцати тысячъ. Ничего подобнаго въ Петербургѣ никогда еще не бывало. Настроеніе ихъ повсюду было настолько лояльное, что при открытіи Коломенскаго отдѣла, на которомъ присутствовалъ и градоначальникъ Фулонъ, многіе рабочіе, приложившись послѣ молебна къ кресту, цѣловали затѣмъ руку градоначальника и просили его сняться съ ними на общей фотографіи.

Въ самомъ концѣ года на Путиловскомъ заводѣ, изъ за увольненія нѣсколькихъ рабочихъ со службы, вспыхнула забастовка, перебросившаяся затѣмъ на всѣ заводы. Гапоновскіе рабочіе приняли въ ней горячее участіе. Самъ Гапонъ съ сердцемъ схватился за своихъ рабочихъ и, не видя нигдѣ помощи и поддержки для бѣдняка въ его борьбѣ съ богатымъ, въ своемъ врожденномъ романтизмѣ обратился къ столь сродному душѣ простолюдина средству — бить челомъ Царю. И Гапонъ бросилъ въ массу мысль идти всѣмъ народомъ съ челобитной къ Государю и просить Его о своихъ нуждахъ. Мысль эта съ восторгомъ была подхвачена рабочими, понравилась она и Фулону, но лишь скользнула по немъ.

У честолюбиваго же романтика Гапона кружилась голова. Онъ ведетъ народъ къ Царю и находитъ у него защиту. Рабочіе не ошиблись, они добились высшей справедливости и добились ея отъ Царя-Батюшки. Царь поднятъ въ глазахъ народа на недосыгаемую высоту, и все это сдѣлалъ онъ — вышедшій изъ народа же Гапонъ! Роль красивая, великая, и Гапонъ кипѣлъ въ агитаціи. Среди рабочихъ царило необыкновенное воодушевленіе. Все горѣло желаніемъ: къ Царю, къ Царю!

На окраинахъ были расклеены о томъ воззванія, ихъ никто не срывалъ, про нихъ знала полиція, и весьма естественно, что они считались разрѣшенными.

Среди этого, охватившаго всѣхъ экстаза, представители работавшихъ въ Петербургѣ революціонныхъ организаций заинтересовались невиданнымъ еще явленіемъ и вмѣшались въ движеніе. Главнымъ образомъ то были социаль-демократы. Они скоро сумѣли поддѣлаться подъ лозунги рабочихъ, которые сперва не хотѣли имѣть ничего общаго съ ними, и скоро стали какъ бы руководить рабочими. Отдѣльные революціонеры стали дѣйствовать на Гапона. Энергично работалъ около него социальность-революціонеръ Рутенбергъ и представители эсъ-дэковской центральной группы. Его агитировали на революцію. Онъ вождь народный, но ему не достаетъ правильныхъ революціонныхъ лозунговъ; его программа не идейна, не обоснована. Прійми онъ революціонные тезисы — онъ сдѣлаетъ большое народное дѣло, онъ войдетъ въ исторію.

Экзальтированный, ускользнувшій уже отъ опеки градоначальства, Гапонъ увлекается еще болѣе своей случайной ролью, теряетъ равновѣсіе и рѣзко поддается влѣ-

во. Подстрекаемый революціонерами, онъ какъ бы забываетъ своихъ покровителей изъ администраціи. Онъ сначала уклоняется отъ нихъ, а затѣмъ прячется. Первоначальная мысль о просьбѣ къ Царю извращается у него въ мысль о требованіи; возможное неисполненіе просьбы подаетъ сумбурную, подсказанную революціонерами же мысль о какомъ то бунтѣ.

— «Я выйду на площадь, — говоритъ Гапонъ, — если царь принялъ нашу просьбу, махну бѣлымъ платкомъ, если же нѣтъ, махну краснымъ платкомъ и начнется народный бунтъ».

Какой бунтъ? Кто же подготовленъ къ нему? Съ чѣмъ будутъ бунтовать — съ голыми руками? Никто не могъ бы тогда толкомъ отвѣтить на эти вопросы и менѣе всего Гапонъ, но о бунтѣ говорилось.

Увлечшись окончательно своею ролью, окончательно сбитый съ толку и толкаемый господами Рутенбергами и К° на безумный, но столь нужный для ихъ революціоннаго успѣха поступокъ, Гапонъ начинаетъ дѣйствовать какъ заправскій революціонеръ и при томъ революціонеръ-provocatorъ.

Онъ участвуетъ со своими ближайшими учениками въ совѣщаніяхъ съ социаль-демократами и принимаетъ ихъ тезисы для петиціи. Поднявъ рабочую массу вѣровъ въ Царя и въ его справедливость на челобитную, онъ потихоньку отъ рабочихъ, по сговору съ революціонерами, рѣшаетъ вести ихъ къ Царю, но не съ той челобитной, про которую думаютъ рабочіе, а съ требованіями во имя революціи. Онъ, зная представителей власти и самъ состоя на правительственной службѣ, понимаетъ хорошо, что этого шестивія десятковъ тысячъ рабочихъ власти не допустятъ. Онъ зналъ это и все таки рѣшилъ, что поведетъ рабочихъ. Онъ поведетъ ихъ съ цѣлью вызвать столкновеніе съ властью, съ полиціей, съ войсками и тѣмъ дискредитируетъ въ глазахъ наивнаго люда Царя, возбудитъ противъ Царя рабочихъ. Таковъ былъ по истинѣ дьявольскій и предательскій планъ, выработанный революціонными дѣятелями и воспринятый Гапономъ. Гапонъ поддался революціонному психозу.

8-го Января Гапонъ явился къ министру юстиціи Муравьеву для переговоровъ о завтрашнемъ днѣ и для передачи ему заготовленной петиціи, но Муравьевъ уклонился отъ обсужденія вопроса по существу и направилъ Гапона къ князю Святополкъ-Мирскому.

Князь Мирскій не принялъ его совсѣмъ и, какъ объяснилъ послѣ одному изъ своихъ подчиненныхъ, не принялъ потому, что не умѣетъ разговаривать «съ ними». Министръ приказалъ направить его къ директору Департамента полиціи Лопухину, но Гапонъ отказался идти къ послѣднему, заявивъ, что онъ боится говорить съ нимъ и что онъ будетъ теперь дѣйствовать по собственному усмотрѣнію.

Когда Лопухинъ узналъ отъ Мирскаго, что послѣдній уклонился принять Гапона, онъ понялъ, какую громадную ошибку сдѣлалъ министръ и предпринялъ шаги, чтобы исправить ее. Онъ обратился къ митрополиту, думая черезъ него раздобыть Гапона и поговорить съ нимъ, но Гапонъ не пошелъ на призывы митрополита. Онъ, только что искавшій случая переговорить съ представителями власти, теперь упорно уклоняется отъ нихъ. Все это было очень двойственно и неясно. Гапонъ, какъ зарвавшійся азартный игрокъ, шелъ, что называется, очертя голову.

Была еще одна сила, принимавшая какое то не совсѣмъ ясное, какъ будто бы покровительствовавшее Гапону участіе въ подготовкѣ событій 9-го Января — это, такъ называемая, Петербургская общественность, группировавшаяся около вольно-экономическаго общества и имѣвшая сношенія съ Гапономъ. Эта общественность выбрала въ концѣ концовъ изъ своей среды депутацію изъ девяти человѣкъ (Н. Анненскій, К. Арсеньевъ, Е. Кедринъ, Н. Карѣевъ, І. Гессенъ, М. Горькій, Мякотинъ, Се-

мевскій и А. Пѣшехоновъ), которые съ рабочимъ Кузинымъ и посѣтили 8-го числа предсѣдателя Комитета министровъ Витте и просили его «принять мѣры, чтобы Государь явился къ рабочимъ и принялъ ихъ петицію, иначе произойдутъ кровопролитія». (Записки Витте, Томъ II; стр. 308). Но Витте уклонился отъ вмѣшательства въ это дѣло и ограничился тѣмъ, что только протелефонировалъ о томъ князю Мирскому. Депутация пыталась повидать князя Мирскаго, но ее не приняли и направили къ товарищу министра Рыдзевскому, который ничего существеннаго имъ не сказалъ. Такъ и кончилось ихъ хожденіе по администраціи ни въ чью. Попытокъ же повліять на Гапона и на приладившихся къ нему социалистовъ, въ смыслѣ отмѣны шествія, эта группа не дѣлала.

Что же думали всемогущій министръ внутреннихъ дѣлъ и градоначальникъ? Какъ эти два почтенныхъ генерала, носившіе вензеля Государя на погонахъ, прозѣвали столь лестное для престижа Монарха народное движеніе, какъ выпустили его изъ своихъ рукъ и дали провести себя кучкѣ авантюристовъ?

На несчастье Россіи ни одинъ изъ нихъ не понималъ совершавшагося на глазахъ движенія. Не использовавъ Гапона въ тѣ дни, когда онъ дѣйствовалъ еще лишь какъ увлекающійся ролью вождя священникъ, они, узнавъ объ его уклоненіи влѣво и о принятіи имъ революціонныхъ тезисовъ, они — представители «сильной» власти, совершенно растерялись и окрасили мысленно революціонизмомъ всѣ поднятыя Гапономъ массы. А окрестивъ ихъ огуломъ революціонерами и бунтовщиками, они и средства противъ нихъ избрали соответствующія. За десятками подлинныхъ революціонеровъ, власти проглядѣли десятки тысячъ вѣрноподданныхъ рабочихъ.

Наступилъ скверный, нехорошій вечеръ 8-го Января. Въ городѣ была полная тьма — результатъ всеобщей забастовки. Чувствовалось что то жуткое и тревожное.

Въ 8½ часовъ вечера министръ внутреннихъ дѣлъ собралъ у себя совѣщаніе, на которое пригласилъ: министра финансовъ Коковцева, министра юстиціи Муравьева, своихъ товарищей Дурново и Рыдзевскаго, Тимирязева, начальника штаба войскъ гвардіи Меишетица. Присутствовалъ также, не принимая участія въ совѣщаніи, директоръ Департамента полиціи Лопухинъ.

Князь Святополкъ-Мирскій въ немногихъ словахъ посвятилъ присутствующихъ въ происходящія событія. Градоначальникъ Фулонъ доказывалъ невозможность допустить рабочихъ до Зимняго Дворца, причемъ напомнилъ Ходынскую катастрофу. Товарищъ министра Дурново поднялъ было вопросъ о томъ, извѣстно ли властямъ, что рабочіе вооружены, но этотъ весьма важный по существу вопросъ, даже самый кардинальный вопросъ, лишь скользнулъ по собранію и какъ то затушевался. Растерявшійся градоначальникъ ничего толкомъ не зналъ и ничего разъяснить не могъ. Было рѣшено, наконецъ: рабочихъ ко дворцу не допускать, при неповиновеніи дѣйствовать оружіемъ, Гапона же арестовать. На послѣднее постановленіе Фулонъ отвѣтилъ, что едва ли это представится возможнымъ сдѣлать. Онъ зналъ, что говорилъ: онъ за нѣсколько дней передъ этимъ далъ Гапону свое «солдатское» слово, что онъ его не арестуетъ, и генералъ Фулонъ сдержалъ свое слово, хотя и вопреки приказанію своего высшаго начальника министра внутреннихъ дѣлъ. Фактъ вопіющій!

Послѣ совѣщанія министръ внутреннихъ дѣлъ поѣхалъ съ докладомъ къ Его Величеству, пригласивъ съ собою и директора деп. пол. Лопухина для доклада Государю на случай, если бы возникъ вопросъ объ объявленіи города на военномъ положеніи. Министръ не считалъ себя достаточно компетентнымъ въ этомъ вопросѣ. Вопросъ этотъ однако не возбуждался.

Вотъ что записалъ послѣ этого доклада Государь въ своемъ дневникѣ:

«Со вчерашняго дня въ Петербургѣ забастовали всѣ заводы и фабрики. Изъ окрестностей вызваны войска для усиленія гарнизона. Рабочіе до сихъ поръ вели себя спокойно. Количество ихъ опредѣляется въ сто двадцать тысячъ. Во главѣ союза какой то священникъ социалистъ Гапонъ. Мирскій пріѣзжалъ вечеромъ съ докладомъ о принятыхъ мѣрахъ».

Очевидно, Государю не доложили правды, надо полагать потому, что и самъ министръ не уяснилъ ее себѣ, не зналъ ея.

Съ утра 9-го Января со всѣхъ окраинъ города двинулись къ Зимнему Дворцу толпы рабочихъ, предшествуемая хоругвями, иконами и царскими портретами, а между ними шли агитаторы съ револьверами и кое-гдѣ съ красными флагами. Самъ Гапонъ, имѣя сбоку Рутенберга, велъ толпу изъ за Нарвской заставы. Поютъ «Спаси Господи люди твоя... побѣды благовѣрному Императору»... Впереди приставъ расчищаетъ путь крестному ходу.

Войска встрѣтили рабочія толпы залпами и разогнали ихъ. Были убитые и раненые. Гапонъ былъ спасенъ Рутенбергомъ, спрятанъ у Максима Горькаго и затѣмъ переправленъ за-границу. Рабочая масса негодовала на правительство и на Царя. Во всѣхъ кругахъ общества недовольство, недоумѣніе и возмущеніе. Происшедшее было настолько непонятно, что объясненіемъ его въ глазахъ враждебно настроенной къ правительству публики была только — провокація. Но чья? Ну, конечно, со стороны правительства. И волна негодованія прокатилась повсюду, по всей Россіи. То тамъ, то здѣсь вспыхиваютъ забастовки, сыплются протесты. Поднялась какъ бы вся страна.

Изъ за границы же шли полныя огня прокламаціи. Руководители Рос. Соц. Дем. Раб. Партіи, петербургскіе товарищи которыхъ сдѣлали все возможное, чтобы спровоцировать 9-е Января, выпустили прокламацію съ призывомъ къ борьбѣ, въ которой писали, между прочимъ, что 9-го Января:

— «Гигантская рука русскаго пролетаріата схватила за горло самодержавнаго звѣря»...; что въ тотъ день — «офицеры хладнокровно рѣзали дѣтей и женщинъ своего народа». Они гордо заявляли, что: — «На алтарь цивилизаціи, свободы и мира несетъ свои жертвы Россійскій пролетаріатъ». Имена Плеханова, П. Аксельрода, Н. Второва, Вѣры Засуличъ и Л. Дейча блистали подъ этими перлами революціоннаго краснорѣчія.

Лидеръ же нашихъ либераловъ П. Струве разразился въ «Освобожденіи» статьей, направленной противъ Государя и озаглавленной «Палачъ народа».

«Царь Николай — позволилъ написать себѣ неосвѣдомленный господинъ Струве — сталъ открыто врагомъ и палачомъ народа... Сегодня у Русскаго освободительнаго движенія должны быть единое тѣло и единъ духъ, одна двуединая мысль: возмездіе и свобода во что бы то ни стало... Ни о чемъ другомъ кромѣ возмездія и свободы ни думать, ни писать нельзя. Возмездіемъ мы освободимся, свободой мы отомстимъ»...

Такъ совершилось величайшее по своей трагичности и послѣдствіямъ событіе, прозванное революціонерами «Кровавымъ воскресеньемъ». Провокація революціонныхъ дѣятелей и Гапона, глупость и бездѣйствіе подлежащихъ властей и вѣра народная въ Царя — были тому причиною.

То было Воскресенье, убившее въ Петербургскихъ рабочихъ эту вѣру, давшее противъ Государя жгучій, обидный осадокъ обманутой, разбитой надежды. Печальная, грустная, позорная для правительства, запачканная провокаторствомъ революціонныхъ партій, страница Русской исторіи послѣдняго царствованія.

Государь Императоръ уволилъ отъ должности министра Святополкъ-Мирскаго, уволилъ и градоначальника Фулона и для объединенія дѣйствія властей назначилъ Петербургскимъ генераль-губернаторомъ генерала Трепова, ушедшаго незадолго передъ тѣмъ по собственному желанію изъ Москвы послѣ ухода съ поста Московскаго генераль-губернатора В. К. Сергѣя Александровича.

И то, что не пришло своевременно въ голову общепризнанному за гуманнаго и либеральнаго князю Святополкъ-Мирскому, ясно представало новому генераль-губернатору, котораго политическіе враги называли всякими нелестными эпитетами.

Именно ему, генералу Трепову, принадлежала инициатива представить Его Величеству депутацію отъ Петербургскихъ рабочихъ разныхъ фабрикъ и заводовъ. Выслушавъ мысль Трепова, Государь посовѣтовался съ министромъ финансовъ Кокцовымъ, который высказался по этому поводу утвердительно, прибавивъ, что, по его мнѣнію, чѣмъ больше народу видитъ Государь и чѣмъ больше и чаще говоритъ онъ съ его представителями, тѣмъ лучше.

И вотъ 19-го Января, въ Царскосельскомъ Дворцѣ, Государь принялъ депутацію Петербургскихъ рабочихъ. Государь внимательно выслушивалъ пожеланія рабочихъ и говорилъ съ ними удивительно просто. Когда державшій отъ рабочихъ рѣчь высказалъ желаніе, чтобы хозяева дѣлились съ ними частью прибыли, Государь разъяснилъ имъ, что приказать этого онъ не можетъ, какъ не можетъ приказать и рабочимъ брать меньшую заработную плату; не можетъ приказать работать или не работать и т. д. Что это дѣло частнаго соглашенія двухъ сторонъ. Рабочіе согласились съ доводами Государя, высказали Государю, что они понимаютъ это хорошо. Вся бесѣда была проникнута довѣріемъ со стороны рабочихъ и необыкновенно чарующей простотою и добротою со стороны Государя.

Государь сказалъ между прочимъ рабочимъ:

— «Знаю, что не легка жизнь рабочихъ, многое надо улучшить и упорядочить, но имѣйте терпѣніе. Вы сами по совѣсти понимаете, что слѣдуетъ быть справедливымъ и къ вашимъ хозяевамъ и считается съ условіями нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять мнѣ о своихъ нуждахъ преступно... Я вѣрю въ честное чувство рабочихъ людей и непоколебимую преданность ихъ мнѣ и потому прощаю ихъ вину имъ».

Но къ сожалѣнію это все было уже поздно. Если бы тотъ приѣмъ представители власти испросили у Его Величества десятью днями раньше!..

Въ охватившей послѣ 9-го Января всю страну революціонной горячкѣ то тамъ, то здѣсь совершались террористическіе акты противъ представителей власти. Стрѣляли члены разныхъ революціонныхъ партій. Говорили и у насъ въ Кіевѣ, что надо бы подстрѣлить когонибудь, надо бы бросить куда либо бомбу. Чаще всего называли имя барона Штакельберга. Получилъ я, наконецъ, совершенно опредѣленные свѣдѣнія отъ одного изъ сотрудниковъ, что у насъ готовится покушеніе на генерала Клейгельса, что изъ за границы нашему комитету предложили заняться именно этимъ вопросомъ. То было дѣло рукъ Азефа.

Послѣ убійства Плеве, въ Женевѣ, подъ предсѣдательствомъ Азефа, окончательно сконструировалась Боевая организація партіи социалистовъ-революціонеровъ. Былъ выработанъ ея уставъ, Азефъ былъ назначенъ ея главою или членомъ распорядителемъ, а Савинковъ его помощникомъ. Они же двое и Швейцеръ составили верховный органъ организаціи или ея комитетъ.

На состоявшемся затѣмъ въ Парижѣ совѣщаніи этого комитета, было рѣшено организовать убійства: В. К. Сергѣя Александровича въ Москвѣ, В. К. Владиміра Александровича въ Петербургѣ и нашего генераль-губернатора Клейгельса. Первое дѣло поручили Савинкову, второе Швейцеру, а Кіевское нѣкоему Барышанскому.

Приѣхавъ въ концѣ 1904 года въ Кіевъ, Барышанскій и началъ постепенно готовить порученное ему дѣло и, такъ какъ онъ обратился по поводу его къ нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, то дошло это и до меня. Надо было разстроить предпріятіе и уберечь генераль-губернатора. Начали дѣйствовать. Въ комитетѣ была брошена мысль, что убійство генерала Клейгельса явится абсурдомъ. Поведеніе генераль-губернатора въ Кіевѣ не подаетъ никакого повода къ такому выступленію противъ него. Приводились доказательства. Эта контръ-агитація была пущена и въ комитетѣ и на тѣхъ, кого Барышанскій могъ привлечь въ качествѣ исполнителей.

Въ то же время мы приняли мѣры наружной охраны генераль-губернатора. Наше наблюденіе установило, что съ Печерска за генераломъ ведется прослѣдка двумя рабочими. Прослѣдку эту мы демонстративно спугнули, показавъ тѣмъ усиленную охрану генераль-губернатора.

Все это я донесъ Департаменту полиціи и сообщилъ ему, что если только въ подготовкѣ покушенія будетъ участвовать мѣстная организація, то я гарантирую его предупрежденіе, если-же за осуществленіе возьмется центръ и будетъ дѣйствовать безъ участія мѣстныхъ силъ, то тогда моя агентура окажется въ сторонѣ и покушеніе можетъ легко совершиться. Въ послѣднемъ случаѣ мѣрой предупрежденія можетъ служить лишь учрежденіе личной охраны генераль-губернатора, на которую у отдѣленія нѣтъ кредита.

Я просилъ объ отпускѣ необходимыхъ денегъ, но Департаментъ полиціи отнесся къ моему докладу отрицательно, въ средствахъ на охрану отказалъ и порекомендовалъ лишь усилить агентурное освѣщеніе, разъяснивъ, что въ немъ вся сила. Господинъ Макаровъ вторично открылъ Америку. Но на наше счастье, Барышанскій дѣйствовалъ очень неосторожно. Какъ уже было сказано, онъ обратился къ мѣстнымъ силамъ и наша агитація противъ убійства и филерство на Печерскѣ сдѣлали свое дѣло. Тѣ, кого подговаривалъ Барышанскій, не согласились идти на убійство, отказался отъ него и самъ Барышанскій. У насъ планъ Азефа потерпѣлъ неудачу.

Иначе сложилось дѣло въ Москвѣ, куда для организаціи покушенія на Великаго Князя былъ посланъ Савинковъ. Во избѣжаніе провала Савинковъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно, помимо мѣстной организаціи и тѣмъ спасся отъ согрудниковъ охраннаго отдѣленія. Но кое что, благодаря первымъ шагамъ Савинкова и благодаря его переговорамъ съ однимъ изъ представителей мѣстнаго комитета партіи, а также и съ однимъ изъ либераловъ, дошло до отдѣленія, и оно, предугадывая покушеніе, просило черезъ градоначальника Трепова у Департамента полиціи отпустить кредитъ на спеціальную охрану Великаго Князя. Департаментъ отказалъ. Тогда въ Москвѣ произошло то, чего мы боялись въ Кіевѣ. Работая самостоятельно, Савинковъ сумѣлъ подготовить покушеніе, и Великій князь былъ убитъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ числѣ боевиковъ, входившихъ въ составъ отряда Савинкова былъ и его товарищъ по гимназіи, сынъ околоточнаго надзирателя, исключенный за безпорядки изъ Петербургскаго университета, И. Каляевъ, 28 лѣтъ. Высланный въ 1899 году въ Екатеринославъ, Каляевъ вступилъ тамъ въ соціаль-демократическую организацію и послѣ безпорядковъ 1901 года намѣревался убить губернатора графа Келлера, но почему-то своего намѣренія не выполнилъ. Въ 1902 году онъ уѣхалъ во Львовъ, гдѣ по его собственнымъ словамъ онъ окончательно «опредѣлился» какъ террористъ. Лѣ-

томъ того-же года, онъ былъ арестованъ на границѣ съ транспортомъ нелегальной литературы, сидѣлъ въ Варшавской крѣпости и былъ высланъ въ Ярославль, откуда осенью 1903 года пробрался за-границу, гдѣ благодаря Савинкову и вступилъ въ Боевую организацію. Въ Москвѣ онъ былъ предназначенъ какъ одинъ изъ бомбометателей.

4-го февраля В. К. Сергѣй Александровичъ, не желавшій, несмотря на неоднократныя просьбы приближенныхъ къ нему лицъ, мѣнять часы и маршруты своихъ выѣздовъ, выѣхалъ въ каретѣ, какъ всегда, въ 2 часа 30 минутъ изъ Николаевского въ Кремль дворца по направленію къ Никольскимъ воротамъ. Карета не доѣхала шаговъ 65-ти до воротъ, когда ее встрѣтилъ Каляевъ, получившій незадолго передъ тѣмъ отъ Савинкова бомбу, которую изготовила Дора Бриллиантъ. Каляевъ былъ одѣтъ въ поддевку, былъ въ барашковой шапкѣ, высокихъ сапогахъ и несъ бомбу узелкомъ въ платкѣ.

Давъ каретѣ приблизиться, Каляевъ съ разбѣгу бросилъ въ нее бомбу. Великій князь былъ разорванъ, кучеръ смертельно раненъ, Каляевъ-же раненъ и арестованъ.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, оставшаяся во Дворцѣ, услышавъ взрывъ воскликнула: — «Это Сергѣй» — и въ чемъ была, бросилась на площадь. Добѣжавъ до мѣста взрыва, она, рыдая, пала на колѣни и стала собирать окровавленные останки мужа. . . .

Въ это время Каляева везли въ тюрьму, и онъ кричалъ: — «Долой царя, долой правительство», Савинковъ — съ Дорой Бриллиантъ спѣшили въ Кремль, убѣдиться въ успѣхѣ своего предпріятія, душа же всего дѣла Азефъ гдѣ-то злостно смѣялся надъ своимъ начальствомъ, составляя ему новое краснорѣчивое донесеніе.

Въ день этого убійства я былъ въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ для объясненій съ завѣдующимъ Особымъ отдѣломъ Макаровымъ. Онъ произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе полнымъ непониманіемъ розыска и равнодушіемъ къ мѣстнымъ нуждамъ. Онъ бросилъ мнѣ между прочимъ упрекъ, что у насъ мало раскрыто нелегальныхъ типографій. Я отвѣтилъ, что тѣ типографіи, которыя работали, мы арестовали, сами-же мы ихъ не ставимъ, а потому и не можемъ арестовывать по двадцати типографій въ годъ. Я намекалъ на одинъ изъ городовъ, гдѣ было арестовано очень много типографій, что ставилось намъ въ примѣръ и надъ чѣмъ мы подсмѣивались.

Настроенный Марковымъ, недоволенъ былъ мною и директоръ и между прочимъ на то, что у насъ въ Кіевѣ пряталась будто-бы тогда не разъ упоминавшаяся уже Марія Селюкъ. Я увѣрялъ, что ея нѣтъ у насъ въ Кіевѣ, и случай поддержалъ меня. На второй или третій день послѣ этого разговора, Лопухинъ получилъ по городской почтѣ письмо отъ самой Селюкъ, которая писала ему, что ей надоѣли преслѣдованія филеровъ, сопровождавшихъ ее всюду, куда-бы она ни пошла. И даже, когда она моется въ банѣ, филеръ наблюдаетъ за ней съ полки. А потому она сообщаетъ свой адресъ и проситъ ее арестовать. Письмо было настолько странное, что его приняли за шутку, но все таки послали нарядъ по указанному адресу и дѣйствительно нашли Селюкъ. Оказалось, что она заболѣла маніей преслѣдованія. По разсмотрѣнію у нея визъ на паспортѣ, убѣдились, что она въ тотъ періодъ въ Кіевѣ не жила.

Не найдя въ департаментѣ прежней поддержки, не видя дѣла и недовольный невниманіемъ Макарова, я рѣшилъ уйти изъ охраннаго отдѣленія. Я отправился къ генералъ-губернатору Трепову и просилъ его взять меня къ себѣ. Треповъ встрѣтилъ меня хорошо и просилъ зайти къ нему дня черезъ три. Этотъ срокъ падалъ на 5-ое или 6-ое февраля. Трепова я засталъ очень разстроеннымъ. Онъ рвалъ и металъ на Департаментъ полиціи изъ-за убійства Великаго Князя. Онъ обвинялъ директора

въ томъ, что тотъ отказалъ въ кредитѣ на охрану Великаго Князя и потому считалъ его отвѣтственнымъ за происшедшее въ Москвѣ.

Треповъ сказалъ мнѣ, чтобы я ѣхалъ въ Кіевъ, продолжалъ-бы служить и ждалъ-бы его распоряженія. Я задержался еще, кажется, на день и былъ на вокзалѣ, когда вернулся изъ Москвы ѣздившій туда разобратъся въ обстановкѣ убійства Лопухинъ. Съ нимъ вернулся и ѣздившій вмѣстѣ Мѣдниковъ. Послѣдній сообщилъ мнѣ, что въ отношеніи Московскаго охраннаго отдѣленія все обстоитъ хорошо, что отдѣленіе хорошо работаетъ и что начальнику надо испросить орденъ Владиміра. Но отъ другого лица, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ нимъ изъ Москвы, я узналъ, что охранное отдѣленіе сдѣлало тамъ большую оплошность. Наблюденіе напало на слѣды боевиковъ, но кого-то утерали, за кѣмъ-то не поставили во время наблюденіе, что-то просмотрѣли. Такъ говорили краснорѣчивыя рапортички филеровъ, что конечно не могло укрыться и отъ зоркаго глаза Мѣдникова. Въ Московскомъ отдѣленіи не было въ то время фактически начальника: старый ушелъ, но не успѣлъ уѣхать изъ Москвы, а новый еще не пріѣхалъ.

Я ничего не понималъ. Походило на сумасшедшій домъ. Въ тотъ-же вечеръ я уѣхалъ въ Кіевъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Акты 18-го Февраля 1905 года. — Настроеніе въ Кіевѣ. — Вооруженное сопротивленіе „нелегальнаго“. — Арестъ лабораторій разрывныхъ снарядовъ у Скляренко. — Случай съ сотрудникомъ Руденко на конспиративномъ свиданіи. — Психологія сотрудника. — Покушеніе на меня въ маѣ 1905 года. — Пропаганда среди военныхъ. — Конецъ розыскной службы. — Отъѣздъ изъ Кіева. — Виновникъ покушенія. — Искупительныя жертвы.

Предуказавъ назначеніемъ князя Сятополкъ-Мирскаго въ Сентябрѣ прошлаго года уклонъ къ либерализму, будучи даже склоненъ въ Ноябрьѣ на созывъ народныхъ представителей, и отвернувшись затѣмъ въ Декабрѣ рѣшительно отъ этого намѣренія, Государь послѣ 9-го Января вновь сталъ думать о немъ.

Ввиду такого новаго поворота во мнѣніи Государя, 3-го Февраля у Его Величества состоялся Совѣтъ Министровъ, обсуждавшій вопросъ о привлеченіи народныхъ представителей къ законодательной дѣятельности, причемъ всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ одного, высказались за эту реформу. Тотъ одинъ, горячо возражавшій противъ введенія въ Россіи народнаго представительства, былъ Сергѣй Юльевичъ Витте.

Слѣдующій день, 4-го Февраля, унесъ главнаго противника либеральныхъ реформъ В. К. Сергѣя Александровича; желаніе Государя крѣпло и, какъ результатъ такого Его направленія, 18-го Февраля былъ опубликованъ Высочайшій рескриптъ на имя новаго министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина, въ которомъ заявлялось намѣреніе привлечь избранныхъ отъ населенія людей къ участию въ предварительныхъ разработкахъ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.

Въ тотъ-же день былъ опубликованъ манифестъ, призывавшій общество къ борьбѣ съ крамолой, и указъ Сенату, возлагавшій на Совѣтъ Министровъ разсмотрѣніе поступающихъ отъ частныхъ лицъ и учреждений заявленій и ходатайствъ, касающихся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія благосостоянія.

Опубликованные акты, призывавшіе страну къ реформаторской работѣ, дали новый толчокъ общественному движенію. Земскія собранія, городскія думы,

профессіональная інтеллігенція, образовавшійся явочнымъ порядкомъ рядъ всевозможныхъ союзовъ, отдѣльныя лица — всѣ обсуждали вопросы о народномъ представительствѣ и объ отношеніи къ работѣ Булыгинскаго «совѣщанія». Составлялись резолюціи, петиціи, адреса, записки, проекты о государственныхъ преобразованіяхъ. Все крѣпло и бурлило еще сильнѣе, чѣмъ раньше. Окрыленные-же успѣхомъ убійства дяди Государя революціонныя партіи еще больше муссировали всеобщее возбужденіе.

Убійство Плеве, принесшее измѣненіе внутренней политики, и убійство Великаго Князя, за которымъ послѣдовали акты 18-го Февраля, какъ-бы служили лучшимъ доказательствомъ правильности революціонныхъ способовъ борьбы и необходимости террора, какъ средства противъ правительства. А успѣшные террористическіе акты всегда побуждали къ подражанію, и терроръ сталъ проявляться все чаще и чаще.

Неспокойно было и у насъ въ Кіевѣ, хотя отсутствіе земства лишало интеллігенцію главной оппозиціонной спайки и объединенія.

Скоро случилось событіе, которое еще больше приподняло революціонное настроеніе у насъ. Были какъ то назначены обыски у, социалистовъ-революціонеровъ, которые вопреки обыкновенію, чтобы застать всѣхъ врасплохъ, производились днемъ. На одной изъ спокойныхъ окраинныхъ улицъ, въ сторону Житняго базара, въ одномъ изъ маленькихъ домиковъ, обнаружили большой складъ свѣжей литературы, гектографъ, на которомъ происходило печатаніе, и кассу организаціи. Черезъ улицу же, въ такомъ же одноэтажномъ домикѣ во дворѣ, шелъ также очень интересный обыскъ. Я поѣхалъ на провѣрку и, побывавъ въ первомъ мѣстѣ, направился во второе.

Обыскиваемая квартира состояла изъ двухъ крошечныхъ комнатъ и кухни. Когда я пріѣхалъ туда, производившій обыскъ приставъ обыскалъ только первую комнату и, арестовавъ двухъ молодыхъ людей, занимался уже писаніемъ протокола. Спросивъ, обыскана ли вся квартира, и получивъ отрицательный отвѣтъ, я сдѣлалъ замѣчаніе приставу, сбросивъ пальто и толкнувъ ногою дверь въ сосѣднюю комнату, быстро прошелъ въ нее. Заглянувъ подъ диванъ, я прошелъ изъ нея въ маленькую кухню и, говоря на ходу приставу, чтобы онъ произвелъ самый тщательный обыскъ и въ комнаткѣ и въ кухнѣ, я вышелъ изъ кухни черезъ черный ходъ на дворъ.

Только что я сталъ выслушивать докладъ старшаго филера, что домикъ этотъ ему кажется подозрительнымъ, что въ немъ въ кухнѣ при подходѣ полиціи задвинулась занавѣска, на что приставъ не хотѣлъ обратить вниманіе, какъ послышался рядъ выстрѣловъ. Инстинктивно мы бросились къ чистому входу и, подбѣгая, увидѣли выскочившаго изъ окна молодого человѣка въ студенческой курткѣ и безъ шапки. Давъ по мнѣ на-бѣгу два выстрѣла, онъ какъ ураганъ понесся къ воротамъ и дальше по улицѣ. Остолбенѣвъ сначала отъ неожиданности, я невольно схватился за карманъ, думая найти револьверъ, но онъ остался въ снятомъ мною пальто. Ошибка весьма часто повторявшаяся на обыскахъ и объясняющаяся тѣмъ, что мы меньше всего думали, что намъ придется прибѣгать къ оружію. Мы погнались за убѣгавшимъ, но тотъ несся какъ молнія и скрылся въ переулкахъ и садахъ. Городовые въ ихъ длинныхъ шинеляхъ, съ путавшимися межъ ногами при бѣгѣ пашками, конечно, не могли угнаться за молодымъ человѣкомъ.

Положеніе наше было глупое. Вернувшись въ домикъ, я спросилъ, въ чемъ дѣло и кто это стрѣлявшій и убѣжавшій студентъ. Мнѣ доложили, что какъ только я вышелъ изъ кухни, съ русской печки загремѣли выстрѣлы. Приставъ невольно заслонился за печку, а просунувшаяся съ печки изъ за дровъ рука, палила въ него разъ за разомъ, но къ счастью, пули рикошетировали отъ печки въ уголь. Затѣмъ съ печ-

ки прыгнулъ кто-то, пронесся черезъ обѣ комнаты и выпрыгнулъ въ окно. Все произошло съ такой быстротой, что полиція только смотрѣла. На печкѣ нашли фальшивый паспортъ, разорванныя на мелкіе клочки бумаги и записную книжку. Кто былъ стрѣлявшій, осталось неизвѣстнымъ, но много позже, мнѣ говорили въ департаментѣ, будто бы то былъ боевикъ Степанъ Слетовъ. Года черезъ два меня даже допрашивалъ по поводу случившагося судебный слѣдователь и предъявлялъ мнѣ фотографію Слетова для опознанія, но я не могъ признать въ немъ стрѣлявшаго по мнѣ неизвѣстнаго.

Это глупѣйшее происшествіе взволновало не только эсъ-эровскіе, но и вообще наши кievскіе революціонные кружки. Первый разъ за наше въ Кіевѣ время побѣда была на ихъ сторонѣ. Это сейчасъ же стало отражаться и на общемъ положеніи и сразу же высказалось на сотrudникахъ. Они были всегда какъ бы термометромъ настроенія: беретъ верхъ правительство — они энергичны и рѣшительны, чуть начинается одолевать революція — они ни то, ни се, говорятъ неопредѣленно, думаютъ объ отъѣздахъ, вообще начинаютъ «шататься». Почувствовалось, что многіе изъ моихъ освѣдомителей зашатались. Смѣлѣе стали вести себя по отношенію филеровъ и наблюдаемыя лица. Это тоже былъ нехорошій показатель. Все шло тогда влѣво. Конституція какъ бы официально носилась въ воздухѣ. Идеино самодержавіе уже было похоронено нашей интеллигенціей.

Въ это то неприятное время вызвалъ меня разъ на свиданіе нѣкій интеллигентный господинъ. Принявъ мѣры предосторожности, я пошелъ повидаться съ нимъ. Господинъ тотъ, довольно пожилой, предложилъ мнѣ вопросъ: желаю ли я арестовать лабораторію социалистовъ-революціонеровъ, гдѣ готовятся бомбы для срочнаго покушенія, и если да, то на какое вознагражденіе онъ можетъ разсчитывать за указаніе нѣкоторыхъ данныхъ, по которымъ можно раскрыть лабораторію. Я, конечно, сказалъ: желаю, но относительно вознагражденія просилъ высказаться его самого. Подумавъ, господинъ сказалъ: — «Вы мнѣ дадите 500 рублей, но только немедленно, покушеніе предполагается на Клейгельса и на охранное отдѣленіе».

Я отвѣтилъ собесѣднику, что охотно уплачу пятьсотъ рублей, но только послѣ ареста лабораторіи, что раньше я не имѣю права дать деньги, и сталъ доказывать безсмысленность террора, но чувствовалъ, что говорю неубѣдительно и что самъ себя не вѣрю. Интеллигентный господинъ принялъ условіе и далъ мнѣ нѣкоторыя данныя, послѣ чего мы разстались, условившись повидаться черезъ нѣсколько дней еще разъ.

Свиданіе то происходило въ Царскомъ саду. Былъ тихій весенній вечеръ Садъ благоухалъ сиренью. Съ высокаго откоса открывался чарующій видъ на широко разлившія свои воды Днѣпръ-могучій. Вдали серебрились затопленныя поля. Суетились пароходики, сновали лодки. Безконечная даль разстилалась за рѣкой.

Какъ чуденъ и обширенъ Божій міръ — думалось мнѣ, а людямъ все тѣсно... опять бомбы, предательство, аресты. Неужели нельзя безъ этого? Ну, что же, будемъ бороться...

Я поспѣшилъ въ отдѣленіе, гдѣ меня уже ждали.

Поставленное наблюденіе скоро взяло въ прослѣдку студента-политехника. Была установлена его квартира, за которой тоже учредили наблюденіе. По даннымъ уже другой агентуры выходило, что въ одной изъ лабораторій Политехническаго Института потихоньку готовится для чего то гремучая ртуть. Невольно приходила мысль о связи этихъ двухъ обстоятельствъ.

Доклады наблюдёнія по этому дѣлу я принималъ лично, сейчасъ же обсуждалъ ихъ съ завѣдующимъ наблюдёнія и вмѣстѣ рѣшали, что дѣлать. Дѣло было серьезное и щекотливое. Рано пойдешь съ обыскомъ — ничего не достигнешь и только провалишься. Прозѣваешь моментъ — выйдетъ, какъ въ Москвѣ, катастрофа. Поставили въ курсъ дѣла филеровъ, чтобы работали осмысленнѣй. Тѣ насторожились.

Однажды вечеромъ пришедшіе съ наблюдёнія филеры доложили, что въ квартиру наблюдаемаго политехника проведенъ былъ съ какимъ то сверткомъ, видимо, студентъ, котораго затѣмъ потеряли, что самъ политехникъ много ходилъ по городу и, зайдя подъ вечеръ въ одинъ изъ аптекарскихъ магазиновъ, вынесъ оттуда довольно большой пакетъ чего то. Съ нимъ онъ отправился домой, прокрутивъ предварительно по улицамъ, гдѣ ему совершенно не надо было идти. Пакетъ онъ несъ свободно, точно сахаръ. Въ ворота къ себѣ онъ зашелъ, не оглядываясь, но минутъ черезъ пять вышелъ безъ шапки и долго стоялъ куря, видимо провѣряя. Уйдя затѣмъ къ себѣ, политехникъ снова вышелъ и снова провѣрилъ, нѣтъ-ли чего подозрительнаго. Но кромѣ дремавшаго извозчика да лотошника со спичками и папирсами, никого видно не было... Ихъ то онъ и не узналъ.

Эти данныя были очень серьезны, политехникъ конспирировалъ больше, чѣмъ когда либо. Онъ очень нервничалъ. Его покупка въ аптекѣ и усиленное замѣтаніе затѣмъ слѣда наводили на размышленіе. Затѣмъ онъ два раза выходилъ провѣрять. Значить, онъ боится чего то, значить, у него происходитъ что-то особенно важное, не какъ всегда. Переспросили филеровъ и они признали, что есть что то особенно «дѣловое» въ поведеніи политехника. Извозчикъ, который водилъ его цѣлый день, особенно настаивалъ на этомъ.

Стали думать, не обыскать ли. Какъ бы не пропустить момента, какъ бы не вышло Москвы. Какой то внутренней голосъ подсказывалъ, что пора. Мы рѣшили произвести обыскъ немедленно. Наскоро намѣтили для замаскировки еще нѣсколько обысковъ у извѣстныхъ эсъ-эровъ. Я съѣздилъ къ прокурору, къ губернатору, взялъ ордера. Приготовили наряды, приготовленъ и слесарь, можетъ пригодиться.

Часа черезъ два, нарядъ полиціи съ нашимъ офицеромъ, безшумно проникъ во дворъ, гдѣ жилъ политехникъ. Офицеръ запутался нѣсколько во входахъ, такъ что пришлось обратиться къ дворнику. Заняли выходы. Офицеръ стучится въ дверь политехника — молчаніе. Стукъ повторяется — опять молчать. Отдается приказъ работать слесарю. Разъ, два, здоровый напоръ и дверь вскрыта мгновенно. Нарядъ быстро проникаетъ въ комнату.

Кинувшійся навстрѣчу съ парабеллюмомъ въ рукѣ бѣлокурый студентъ безъ пиджака сбитъ съ ногъ бросившимся ему въ ноги филеромъ. Онъ обезоруженъ, его держатъ. Два заряженныхъ парабеллюма переданы офицеру. Начался обыскъ.

Въ комнатѣ настоящая лабораторія. На столѣ горитъ спиртовка, на ней разогрѣвается парафинъ. Лежатъ стеклянныя трубочки, пробирки, склянки съ какими то жидкостями. Пузырекъ изъ подъ духовъ и въ немъ залитая водою гремучая ртуть; аптечные вѣсы. Тутъ же желѣзныя, правильной формы коробки двухъ величинъ и деревянныя болванки для штамповки ихъ. Чертежи снарядовъ. Офицеръ осторожно потушилъ спиртовку. Рядомъ на кровати аккуратно разложены трема кучками: желтый порошокъ пикриновой кислоты, желѣзныя стружки, гвозди и еще какое-то сыпучее вещество.

При тщательномъ осмотрѣ, подтвержденномъ затѣмъ вызваннымъ изъ Петербурга экспертомъ Военно-артиллерійской Академіи, оказалось, что у политехника было обнаружено все необходимое для сборки трехъ разрывныхъ снарядовъ очень большой мощности. Каждый снарядъ состоялъ изъ двухъ жестяныхъ, вкладывавших-

ся одна въ другую коробокъ, между которыми оставался зазоръ въ полъ-дюйма. Коробки закрывались задвижными крышечками. Внутренняя коробка наполнялась порошкомъ пикриновой кислоты съ прибавкой еще чего то. Въ нее вставляли детонаторъ ввидѣ стеклянной трубочки, наполненный кислотою. На трубочку надѣвался грузикъ — желѣзная гайка. Свободное мѣсто между стѣнками коробокъ заполнялось желѣзными стружками и гвоздями. Снаружи снарядъ представляетъ плоскую коробку, объемомъ въ фунта полтора-два чаю.

При ударѣ снаряда обо что либо, грузикъ ломалъ трубочку, и находившаяся въ ней кислота, дѣйствуя на гремучую ртуть и пачинку малой коробки, давала взрывъ. Желѣзные стружки и гвозди дѣйствовали какъ картечь.

Политехникъ былъ застигнутъ за сборкой снаряда; онъ уже успѣлъ залить парафиномъ два детонатора и работалъ надъ третьимъ. Пикриновая кислота оказалась тѣмъ препаратомъ, который онъ купилъ вечеромъ въ аптечномъ складѣ.

Не явись мы на обыскъ тою ночью, снаряды были бы заряжены и вынесены изъ лабораторіи. Судьба.

Хозяиномъ лабораторіи оказался студентъ Кіевскаго Политехническаго Института мѣстной организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ Скляренко.

Система снарядовъ, ихъ составъ, все содержимое лабораторіи, указывало на серьезную постановку предпріятія. Ясно было, что это не является дѣломъ мѣстнаго комитета. И какъ только департаментъ полиціи получилъ нашу телеграмму объ арестѣ лабораторіи, онъ немедленно прислалъ къ намъ Мѣдникова. Зная хорошо послѣдняго, я былъ удивленъ той тревогѣ, съ которой онъ разсматривалъ все найденное по обыску. Онъ былъ какой то странный, очень сдержанно относился къ нашему успѣху и какъ будто чего то боялся и чего то не договаривалъ.

Та лабораторія была поставлена въ Кіевѣ не безъ участія Азефа. Дѣло это было поставлено на судъ, и Скляренко былъ присужденъ къ нѣсколькимъ годамъ каторжныхъ работъ.

Намъ, можно сказать, везло. Кругомъ терроръ, у насъ же никого еще не убили. Пока мы счастливо предупреждаемъ всѣ козни революціонеровъ, но чувствуемъ себя какъ на вулканѣ. Нервы напряжены до крайности. Со всѣхъ сторонъ тревожныя свѣдѣнія. Относительно себя уже просто надоѣло получать угрожающія или предупреждающія объ опасности письма. Еще не такъ давно я получилъ подобное письмо отъ Гуровича. Онъ пріѣхалъ въ Кіевъ повидаться со своимъ новымъ департаментскимъ сотрудникомъ. Заведеніе департаментомъ сотрудниковъ въ провинціи при наличности мѣстныхъ розыскныхъ органовъ и потихоньку отъ нихъ было большою ошибкою, до извѣстной степени политическимъ развратомъ, и способствовало только провокаціи сотрудниковъ на манеръ Азефа. Этотъ порядокъ, при которомъ Департаментъ изъ начальствующаго органа самъ нисходилъ на степень исполнителя, могъ привиться только при невѣжествѣ Макарова.

Уѣзжая, Гуровичъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ сообщалъ, что Кіевскій эсъ-эровскій комитетъ, ввиду разнесшагося слуха о моемъ переводѣ въ Москву, рѣшилъ не выпускать меня живымъ изъ Кіева. Эту фразу Гуровичъ дважды подчеркнул въ письмѣ и совѣтовалъ мнѣ быть осторожнѣе.

Вскорѣ послѣ этого я получилъ по городской почтѣ письмо, подписанное Карпенко, въ которомъ авторъ совѣтовалъ мнѣ уѣхать скорѣе изъ Кіева ввиду готовящагося на меня покушенія. А немного спустя, произошло затѣмъ и слѣдующее.

Былъ я однажды ночью на свиданіи на конспиративной квартирѣ. Сижу я въ креслѣ, а напротивъ сотрудникъ изъ рабочихъ — Руденко. Насъ раздѣляетъ маленькій столикъ, на немъ два стакана чаю.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Кіевъ, Руденко былъ привлеченъ къ дознанію при жандармскомъ управленіи, далъ откровенное показаніе и пожелалъ сотрудничать. Его прислали ко мнѣ, и онъ вновь сдѣлалъ то же самое предложеніе. Я принялъ это предложеніе, и когда управленіе освободило его, онъ сталъ давать кое-какія свѣдѣнія. Между тѣмъ рабочіе узнали объ откровенномъ показаніи Руденко, узнали, что онъ выдалъ нѣсколько человѣкъ, и рѣшили убить его. Онъ прибѣжалъ ко мнѣ и со слезами просилъ спасти его.

Переговоривши кое съ кѣмъ, удалось добиться, что Руденко былъ совершенно реабилитированъ въ организаціи и продолжалъ работать. Однимъ словомъ, отдѣленіе его спасло, не будь насъ, онъ былъ бы убитъ. Съ выдававшими на дознаніяхъ па Югѣ раздѣлывались просто.

Прошло съ тѣхъ поръ полтора года. Руденко время отъ времени давалъ свѣдѣнія и теперь уже третій разъ вызывалъ меня на свиданіе. Онъ въ большевицкой организаціи. Тамъ формируются боевыя группы, какія по пятерки, началось обученіе стрѣльбѣ изъ револьверовъ. Недѣлю тому назадъ онъ звалъ меня поѣхать съ нимъ къ одному оврагу на Лукьяновкѣ, гдѣ было назначено свиданіе боевой группы. Но мнѣ что то не понравилось въ его предложеніи, и я отвѣтилъ, что мы поѣдемъ въ другой разъ. Посланные для провѣрки филеры никакихъ рабочихъ не видѣли.

Уже съ полъ-часа мы бесѣдовали съ Руденко, хотѣлось спать, но все таки я дѣлалъ какія то замѣтки въ книжку. Вдругъ вижу мой собесѣдникъ вынулъ откуда то браунингъ и навелъ его на меня въ упоръ. У меня какъ то сразу отяжелѣли и похолодѣли ноги. Инстинктивно я протянулъ руку, сжалъ револьверъ и, отведя его въ сторону, выдалъ изъ рукъ Руденко. Теперь меня бросило въ жаръ. Руденко смотрѣлъ, смущенно, пытался улыбаться, но это выходило криво. Спрашиваю: «Что это?» — Отвѣчаетъ, что это ему выдано изъ боевой организаціи для практики. Разсматриваю пистолетъ — щеки отвинчены, номера сдилены, выгравирована какая то надпись, все какъ слѣдуетъ, когда идутъ на убійство. Въ мозгу сверлитъ — по мою душу.

Мы молчали. Я посмотрѣлъ на него внимательно, онъ опустилъ глаза. Неловко. Я позвонилъ, вошелъ мой служащій.

— «Проводите сотрудника и больше его сюда не пускайте» — сказалъ я ему.

— «А Вы, Руденко, забудьте, что мы были знакомы, забудьте и дорогу сюда. Это будетъ лучше для Васъ».

Онъ вышелъ, опустивъ голову. Я остался одинъ; я чувствовалъ себя точно меня избили. Ну, слава Богу, на этотъ разъ миновало, подумалъ я и перекрестился.

Закрывши за Руденко дверь, чиновникъ вернулся. Я показалъ ему пистолетъ. Посмотрѣвъ на отвинченные щеки и на надпись, онъ понялъ все. Подождавъ минутъ пять, мы вышли. Онъ проводилъ меня до дому. Мы всю дорогу молчали.

Сотрудничество явленіе сложное; причины, толкающія людей на предательство своихъ близкихъ знакомыхъ, часто друзей — различны. Онѣ должны быть или очень низменны, или, наоборотъ, очень высски. Чаще всего будущіе сотрудники сами предлагали свои услуги жандармскому офицеру, но бывали, конечно, случаи, и даже очень частые, когда предложенія дѣлались со стороны послѣднихъ. Такъ или ина-

че, но изъ за чего же шли въ сотрудники дѣятели различныхъ революціонныхъ организацій? Чаще всего, конечно, изъ за денегъ. Получать нѣсколько десятковъ рублей въ мѣсяць за сообщеніе раза два въ недѣлю какихъ либо свѣдѣній про свою организацію — дѣло не трудное... если совѣсть позволяетъ. А у многихъ ли партійныхъ дѣятелей она была въ порядкѣ, если тактика партіи позволяла имъ и убійства, и грабежъ, и предательство, и всякіе другіе, менѣе сильныя, но не этичныя приемы.

Среди рабочихъ часто играла роль и месть. Повздорить съ товарищами въ кружкѣ, обидится на что либо и идетъ къ жандармскому офицеру. Одинъ такой сознательный бундистъ явился разъ ко мнѣ, притащилъ кипу прокламацій и рассказалъ въ концѣ концовъ, что онъ болѣе двухъ мѣсяцевъ разноситъ по районамъ литературу, что ему обѣщали купить галоши, но не купили. Пусть же знаютъ теперь. Обозленность его на обманъ съ галошами была такъ велика, что я прежде всего подарилъ ему именно резиновыя галоши. И проваливалъ же онъ потомъ своихъ со товарищей, проваливалъ съ какимъ то остервенѣніемъ. Вотъ что надѣлали галоши!

Но бывали сотрудники и въ полномъ смыслѣ идейныя, для которыхъ деньги уходили на задній планъ. Приходитъ разъ ко мнѣ начальникъ сыскной полиціи и просить разрѣшенія представить дѣвушку, которая желаетъ служить въ охранномъ отдѣленіи. Принимаю, разговорились. Хочетъ бороться съ революціонерами и только. Стараюсь понять причины — оказывается, что знаетъ она ихъ очень мало, но ненавидитъ всей душой, считая, что они дѣлаютъ большое зло, сбиваютъ съ пути молодежь, рабочихъ и крестьянъ. Она особенно налегала на послѣднихъ и приводила примѣръ, какъ эсъ-эры агитировали въ Полтавской губерніи и что изъ этого вышло. Старуху «бабушку» она просто ненавидѣла, хотя знала ее только по наслышкѣ.

Я выяснилъ дѣвушкѣ всю трудность работы, всю ея щекотливость, но она твердо стояла на своемъ и сдѣлалась осведомителемъ. Работала она отлично, осторожно и умно. Она любила розыскъ какъ дѣло и года два спустя пошла въ открытую противъ революціи, выступивъ въ печати и рассказавъ все, какъ она боролась съ нею въ Кіевѣ. Къ чести эсъ-эровъ надо сказать, что они тогда ее не тронули. Впрочемъ, она въ партіи официально не состояла. Такіе сотрудники являлись, конечно, исключеніемъ.

Но изъ за чего бы ни работалъ обычный рядовой сотрудникъ, у него, въ концѣ концовъ, наступалъ кризисъ. Видя жандармскаго офицера и бесѣдуя съ нимъ разъ, два въ недѣлю, по нѣсколько минутъ, онъ все остальное время былъ въ средѣ инако-мыслящихъ. Жилъ онъ общею жизнью своихъ товарищей и близкихъ. Постепенная выдача одного, другого, непріятныя послѣдствія этой выдачи, какъ тюрьма, высылка, ссылка — не могли не отражаться на немъ. Нервы были и у него. А рядомъ постоянная агитація противъ власти и обвиненія правительства во всѣхъ злодѣяніяхъ до погромовъ включительно. Все это мало по малу дѣйствовало на сотрудника, нервировало его и приводило къ сознанию своего предательства, къ сознанию вины передъ товарищами, къ желанію покаяться и искупить свою вину.

Въ этотъ-то критическій психологическій моментъ и начиналось шатаніе сотрудника. Это былъ моментъ очень опасный для завѣдующаго розыскомъ. Здѣсь у сотрудника зараждалась мысль отомстить ему за свое паденіе, хотя въ большинствѣ случаевъ, послѣдній не былъ въ томъ повиненъ. Этотъ моментъ неминуемо наступалъ у каждаго сотрудника, исключая дѣйствительно идейныхъ. Его надо было не пропустить, подмѣтить, надо было или поддержать сотрудника морально или вывести его изъ революціонной среды, устроить вдаль отъ политики — заставить забыть ее. Если офицеръ не успѣвалъ этого сдѣлать, все очень часто оканчивалось катастрофой для него самого.

Такъ былъ заманенъ предательски въ засаду и убитъ Дегаевымъ съ народо-вольцами подполковникъ Судейкинъ. Такъ стрѣляли въ полковника фонъ-Котенъ, такъ предательски были убиты ротмистръ Грешнеръ въ Н.-Новгородѣ и полковникъ Карповъ въ Петербургѣ. Всѣхъ не пересчитаешь. Многіе погибли, выполняя свой служебный долгъ. Розыскные офицеры знали эту опасность и шли на нее сознательно. Революціонному фанатизму корпусъ жандармовъ противопоставлялъ фанатизмъ долга и службы. Корпусъ жандармовъ грудью защищалъ государственный порядокъ Царской Россіи, и не одинъ десятокъ его офицеровъ и нижнихъ чиновъ палъ въ этой борьбѣ съ революціей при Царскомъ режимѣ, не отставая отъ исполнителей своего долга шефовъ корпуса: Сипягина, Плеве, Столыпина. Корпусъ помнилъ долгъ передъ родиной и послѣ, когда случилось исторически неизбѣжное. Въ рядахъ большевицкаго правительства нѣтъ ни одного извѣстнаго жандармскаго имени. Ихъ нѣтъ тамъ, хотя тамъ находятся представители всѣхъ сословій, службъ, профессій, степеней, ранговъ и чиновъ прежней Россіи. Бывшій жандармскій полковникъ Комиссаровъ, покинувшій ряды корпуса ещё при Царскомъ режимѣ — единственное исключеніе. Но на то онъ и Комиссаровъ.

Противъ же большевиковъ они боролись всюду: въ организаціи Локкарта въ Москвѣ, на Украинѣ Гетмана, на Дону у Краснова, у графа Келлера, у Колчака, у Врангеля, даже у Савинкова на Волгѣ. Ихъ брали на службу, и они боролись за русскую государственность. И только генераль Деникинъ съ его окруженіемъ не жаловалъ ихъ, но зато нигдѣ такъ хорошо и не была поставлена большевицкая развѣдка и большевицкая работа, какъ въ арміи Деникина и его Освагѣ.

Но я отклонился въ сторону. Такъ вотъ, это то критическое душевное состояніе «шатанія» и переживалъ, очевидно, Руденко. Я понималъ его хорошо. Странно было только то, что онъ забылъ, что все таки же мы (отдѣленіе) спасли ему жизнь. Я не чувствовалъ къ нему недоброжелательности за его поступокъ. Думалось только, что кто-нибудь стоитъ за нимъ, что надо быть осторожнымъ.

Случай съ Руденко произошелъ передъ арестомъ лабораторіи. Наблюденіе за Скляренко, арестъ его все какъ то заставило забыть о немъ. У насъ въ Кіевѣ въ то время уже года полтора какъ былъ новый начальникъ жандармскаго управленія. Столь извѣстный киевлянамъ Старокіевскій участокъ, гдѣ четверть вѣка провелъ гроза революціи Новицкій, былъ забытъ. Его замѣнило обширное, удобное помѣщеніе управленія на Львовской улицѣ. У насъ установились самыя добрыя дѣловыя отношенія.

Однажды въ началѣ Мая мнѣ дали знать изъ управленія, что въ Бердичевѣ жандармскій унтеръ-офицеръ убилъ двухъ сослуживцевъ и своего начальника ротмистра, а потому просятъ на панихиду. Я пошелъ туда часовъ въ 11 утра въ статскомъ. Разговоры о томъ, какъ произошло убійство, и самая панихида разстроили меня. Не помню, какъ вышелъ я изъ управленія. Было около часу дня. Очень жарко. Я шелъ, задумавшись, и ничего не замѣчая, прошелъ по Львовской и по небольшой улочкѣ, около вольной пожарной команды, вышелъ на Бульварно-Кудрявскую. Я былъ почти у дома. Вдругъ слышу: тра, та, та, та, та. . .

Стрѣляютъ справа; пять, — пронеслось у меня, — а сердце слѣва, слава Богу. . . Что то кольнуло, зашумѣло въ ухахъ все потемнѣло. . . Кто то подхватилъ меня.

Какой кошмаръ, какой тяжелый сонъ... Слышны голоса жены, служащихъ... Если бы это былъ сонъ... Я дѣлаю усиліе проснуться и открываю глаза. Кто то брызжетъ водой въ лицо. Нѣтъ не сонъ, я дѣйствительно раненъ; кругомъ всѣ спрашиваютъ, гдѣ болитъ.

Меня внесли внизу же въ отдѣленіе и уложили на купленную только наканунѣ для дежурнаго чиновника кровать-шкафъ. Снявши пальто и сюртукъ, увидѣли кровь. Прострѣлены грудь и правая нога. Изъ жилетки выпала пуля; кто то говоритъ — распилена.

Я все вижу, все слышу, но какъ то смутно и не могу пошевелинуться. Приѣхала карета скорой помощи, хотѣли увезти меня, но я прошу оставить дома. Сдѣлали перевязку, было очень больно. Много знакомыхъ лицъ... темнѣетъ въ глазахъ... я вновь въ забытіи

Произошло это такъ. Стоявшая у окна съ дочуркой и съ сынишкой на рукахъ жена поджидала меня къ завтраку. Она видѣла, какъ я шелъ въ раздумьи и какъ началъ переходить улицу, направляясь къ нашей калиткѣ. Въ это время какой то молодой человекъ, по виду рабочій, встрѣтившись со мною, пропустилъ меня и затѣмъ сталъ стрѣлять, шагахъ въ десяти, въ спину. Я схватился за ногу. Стоявшая около тротуара подвода понесла и раздѣлила насъ. Стрѣлявшій побѣжалъ по улицѣ, за нимъ погнались. Держась за ногу, я, пошатываясь и хромя, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и сталъ падать. Меня успѣлъ подхватить дворникъ. Вотъ что видѣла моя жена.

Меня перенесли наверхъ въ мою квартиру, одну изъ комнатъ которой обратили въ палату. Командующій войсками Сухомлиновъ прислалъ фельдшера на все время болѣзни; генераль губернаторъ Клейгельсъ прислалъ женѣ денегъ, прося не стѣсняться въ отношеніи докторовъ. Хотѣли приѣхать сами, но я упротилъ не дѣлать этого, боясь какъ бы ихъ не подстрѣлили.

Одна изъ пуль пробила правую ногу, не задѣвъ кости, другая вошла въ спину между ребрами и вышла черезъ грудь также между ребрами, не задѣвъ ихъ. Судьба. Пулю нашли въ жилеткѣ, она была отъ браунинга и была распилена на-крестъ. Лежа съ закрытыми глазами я слышалъ, какъ профессора спорили надо мной, надо или нѣтъ дѣлать операцію. Одинъ настаивалъ, что надо, другой говорилъ, что не зачѣмъ мучить, все равно пуля отравлена, будетъ зараженіе крови, черезъ сутки все кончится.

— «Какая гадость» — мелькало въ головѣ, завтра все кончено...

Я просилъ объ операціи. Ее сдѣлалъ къ вечеру профессоръ Волковичъ. Мнѣ сильно взрѣзали грудь, безъ хлороформа, было больно. Державшій голову не выдержалъ, ему сдѣлалось дурно. Ночь я не спалъ, сверлила мысль — неужели завтра всему конецъ. Къ чему же было жить, суесться? Что я видѣлъ въ жизни? Развѣ я жилъ для себя, для семьи?.. и вотъ конецъ. Какъ все это глупо...

Никогда не забуду я эти сутки, кошмарныя сутки сознательнаго ожиданія: останешься завтра жить, или все бесполезно, отойдешь къ праотцамъ.

Операція Волковича меня спасла, а докторъ Козловскій и близкіе меня выходили. На это никто не надѣялся. Много помогло создавшееся вокругъ меня настроеніе. Офицеры, администрація, не говоря про знакомыхъ и друзей, отнеслись удивительно сочувственно къ моему раненію. Телеграммы, письма, карточки со всѣхъ сторонъ. Но то, что больше всего придавало мнѣ силъ, что поддѣйствовало какъ живая цѣлебная вода, то пришло изъ Петербурга. Дня черезъ два послѣ покушенія мнѣ прочитали полученную отъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Трепова депешу, въ

которой онъ сообщалъ, что на сдѣланномъ имъ Государю Императору всеподданнѣйшемъ докладѣ о моемъ раненіи, Его Величеству благоугодно было начертать: — «Желаю Спиридовичу скорого и полного выздоровленія».

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ. Какъ, самъ Государь знаетъ обо мнѣ и о моей службѣ! Самъ Государь пожелалъ мнѣ здоровья... Я былъ полонъ безмѣрнаго восторга. Не будучи въ состояніи двинуться на кровати, я чувствовалъ себя здоровымъ и счастливымъ какъ никогда. Мнѣ хотѣлось плакать, смѣяться, хотѣлось быть тамъ около Него, возлѣ.

Вотъ если бы спросилъ меня Государь, думалось мнѣ тогда какъ въ дѣтствѣ, — «чего ты хочешь больше всего, Спиридовичъ?» — я бы отвѣтилъ: — «Служить въ охранѣ Вашего Императорскаго Величества!» Но это мнѣ, провинціальному офицеру безъ протекціи и не-гвардейцу, казалось несбыточной мечтой... Но я мечталъ о томъ.

Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ новая радость: губернаторъ сообщилъ о пожалованіи мнѣ за арестъ лабораторіи бомбъ у Скляренко ордена Владимира 4-й степени. Тогда это былъ самый почетный орденъ мирнаго времени и получить его не за выслугу лѣтъ, а за отличіе, было мечтой cadaго офицера. Мнѣ принесли его. Я любовался имъ какъ дорогой игрушкой и не разставался съ нимъ. Онъ лежалъ около меня на столикѣ рядомъ съ дорогой телеграммою.

Первые дни послѣ раненія я порывался продолжать руководить отдѣленіемъ, но врачи, видя, какое производитъ на меня впечатлѣніе эта работа, категорически воспретили ее. Розыскомъ сталъ вѣдать мой помощникъ Кулябко, назначенный еще при Плеве; мнѣ же, уступая моимъ просьбамъ, сообщали лишь нѣкоторыя особенно интересныя вещи. Такъ я узналъ, что въ день моего раненія, въ народномъ домѣ, какой то молодой социаль-демократъ пришелъ вечеромъ въ такой дикій восторгъ, что я «убить», что на радостяхъ выстрѣлилъ тамъ же въ затылокъ дежурному околоточному надзирателю!

Сообщили мнѣ и то, какъ отдѣленію удалось предупредить бунтъ въ одномъ изъ саперныхъ баталіоновъ. Военная среда всегда очень манила къ себѣ революціонеровъ. Имъ всегда очень хотѣлось войти туда съ пропагандой, но офицерство было недоступно и потому они старались подходить хотя бы къ солдатамъ. То въ одной, то въ другой части появлялись иногда въ ротахъ прокламаціи. Начальство безпомощно металось въ поискахъ виновныхъ и чаще всего, не желая выносить сору изъ избы, прикрывало эти происшествія и загоняло ядъ внутрь. Мы знали эту систему, и когда начальникомъ Штаба Округа сдѣлался генералъ Мавринъ, я много бесѣдовалъ съ нимъ на эту тему, доказывая весь вредъ такого приѣма. Военное начальство тогда благоволило ко мнѣ потому, что намъ удалось помочь ему получить нѣкоторыя свѣдѣнія относительно австрійской мобилизаціи, и по войскамъ гарнизона было отдано распоряженіе, что замѣтивъ распространеніе прокламацій или вообще что либо въ смыслѣ проникновенія въ части политической пропаганды, командиръ части прежде всего долженъ освѣдомить о томъ лично меня и затѣмъ уже дѣйствовать по нашему взаимному соглашенію.

Распоряженіе это принесло безусловно хорошіе результаты тамъ, гдѣ его выполняли; выполняли же его всѣ, кромѣ саперныхъ частей.

Однажды пріѣхалъ ко мнѣ командиръ одного изъ мѣстныхъ пѣхотныхъ полковъ, полковникъ Толмачевъ, и сообщилъ, что у него завелся кружокъ солдатъ, которые уже одинъ разъ собирались гдѣ то въ городѣ, и что скоро они опять будутъ на собраніи уже со студентомъ. Доложилъ объ этомъ ротному командиру одинъ ун-

теръ-офицеръ, также приглашенный на сходку. Мы сговорились, что унтеръ-офицеръ долженъ идти на сходку, но адресъ ея онъ заблаговременно долженъ сообщить ротному командиру, тотъ командиру полка, а послѣдній мнѣ.

Сходка собралась, Толмачевъ пріѣхалъ ко мнѣ и, забравъ нарядъ, мы поѣхали арестовывать сходку. Распахнувъ дверь комнаты, гдѣ происходило занятіе, мы увидѣли человѣкъ восемь солдатъ, которые сидѣли на двухъ кроватяхъ, слушая лектора. Сидѣли такъ, какъ сидятъ обычно въ ротахъ на «словесности»: спина прямо, голова въ сторону учителя, руки на колѣняхъ, пальцы вытянуты, лица напряженныя. За столикомъ студентъ что то разъясняетъ, передъ нимъ прокламаціи, брошюры.

Я скомандовалъ: — «Встать, смирно!» Какъ одинъ вскочили солдаты и замерли на-вытяжку съ обалдѣвшими лицами: передъ ними самъ командиръ полка. Я скомандовалъ затѣмъ: — «Налѣво, шагомъ маршъ», и «сознательные», топоча ногами, замаршировали изъ комнаты, а полиція занялась учителемъ.

Военное начальство не сдѣлало никакой непріятности полковому командиру; честь полкового мундира не пострадала, и скоро въ полкахъ перестали бояться разговаривать съ охраннымъ отдѣленіемъ. Результатъ былъ тотъ, что пропагандисты стали бояться подступаться къ солдатамъ, а при попыткахъ подхода, солдаты арестовывали ихъ и тащили по начальству, и такимъ образомъ мы скоро отучили ихъ соваться къ войскамъ.

Исключеніе составляли, какъ уже я замѣтилъ, саперы. Тамъ умничалъ командиръ бригады. Онъ рѣшилъ справиться съ пропагандой, которая стала замѣчаться въ его частяхъ, своими средствами. Онъ приказалъ провести звонки отъ входныхъ воротъ въ дежурныя комнаты и роты, съ тѣмъ, чтобы какъ только войдетъ посторонній человѣкъ въ казарму, дневальный звонилъ въ роту и дежурную комнату и по этому звонку за прибывшимъ постороннимъ должно было начаться наблюденіе.

Звонки звонили, заходящими въ казарму посторонними лицами смотрѣли, а прокламаціи появлялись какимъ то чудсмъ то въ одной, то въ другой ротѣ. Отъ насъ все это скрывали — берегли честь мундира. Наконецъ, генералъ не выдержалъ и пріѣхалъ посовѣтоваться къ губернатору, а тотъ пригласилъ меня. Саперный генералъ сталъ мнѣ разъяснять его систему борьбы; это было его изобрѣтеніе и конекъ. Въ заключеніе генералъ просилъ дать ему въ каждую роту по агенту, которыхъ онъ предполагалъ переодѣть въ саперную форму, и ввести ихъ такимъ образомъ въ роты съ тѣмъ, чтобы они раскрыли ему всѣхъ революціонеровъ въ батальонѣ.

Губернаторъ, слушая этотъ проектъ, смотрѣлъ на меня, улыбаясь глазами, я же думалъ: «Вѣдь выдумалъ же человѣкъ такую штуку, а еще генералъ и инженерныхъ войскъ!» На сколько можно мягко, я старался разъяснить непригодность генеральскаго плана; говорилъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ слѣдуетъ поступать такъ, какъ требуетъ штабъ Округа, что положеніе дѣлъ въ ротахъ слѣдуетъ выяснять черезъ ихъ же солдатъ и т. д.

Генералъ началъ горячиться и сталъ упрекать меня, что я не желаю помочь и не хочу дать ему агентовъ. Я сталъ повторять свои доводы, старался разъяснить получше, какъ надо приступить къ дѣлу, но генералъ сталъ еще больше горячиться, сталъ критиковать нашу систему борьбы и даже сказалъ, что то провокація, къ которой будто бы я хочу прибѣгнуть, не понимая очевидно и смысла слова «провокація». Услышавъ послѣднее, я всталъ и, сказавъ, что въ такомъ случаѣ мое присутствіе излишне, сталъ раскланиваться. Губернаторъ, видя происшедшую неловкость, вступился за меня, сталъ говорить генералу, что тотъ неправъ, что онъ не знаетъ нашей работы, но это дѣла въ сущности не поправило, и я распрощался, сказавъ на всякій случай генералу свой адресъ, и уѣхалъ въ отдѣленіе.

Генераль остался при своихъ звонкахъ, къ намъ въ отдѣленіе не обращались и, что дѣлалось въ саперныхъ казармахъ, отъ насъ скрывали. Но вотъ, однажды, во время лагернаго сбора, когда я лежалъ уже подстрѣленный, явился въ отдѣленіе нижній чинъ одного изъ саперныхъ баталіоновъ и очень толково и подробно разсказаль о томъ, что въ батальонѣ есть военно-революціонная организація и что тамъ на дняхъ долженъ вспыхнуть бунтъ, который приуроченъ къ молебну передъ выступленіемъ на войну. Саперъ раскрыль всю военную организацію по фамиліямъ, разсказаль, когда были собранія, что на нихъ было рѣшено и какъ онъ и еще одинъ солдатъ докладывали о томъ одному изъ младшихъ офицеровъ, но начальство почему то не принимаетъ никакихъ мѣръ. Между тѣмъ революціонный комитетъ уже отдалъ послѣднія распоряженія, какъ и когда начинать бунтъ. Было предположено, что батальонъ перебьетъ офицеровъ и откажется выступить на войну.

Явившійся саперъ былъ допрошенъ оффиціально, показаніе его было занесено въ протоколъ, и мой замѣститель немедленно доложилъ о томъ Командующему Войсками Округа генералу Сухомлинову. Сухомлиновъ въ тотъ же день собралъ у себя высшихъ начальствующихъ лицъ гарнизона и предложилъ присутствующимъ доложить ему по-очереди о настроеніи въ частяхъ. Вездѣ все оказалось въ порядкѣ, особенно же было хорошо настроеніе по докладу уже знакомаго намъ генерала въ подчиненныхъ ему частяхъ.

Выслушавъ собравшихся, генераль Сухомлиновъ огласилъ показаніе нижняго чина о готовящемся бунтѣ. Получился конфузъ и нѣкоторое недоразумѣніе при дальнѣйшемъ обмѣнѣ мнѣній съ сапернымъ генераломъ.

На томъ же самомъ совѣщаніи были выработаны необходимыя предупредительныя мѣры, которыя затѣмъ благодаря генералу Сухомлинову и были проведены военнымъ начальствомъ быстро и рѣшительно. Всѣ виновные въ заговорѣ были арестованы, бунтъ былъ предупрежденъ, а батальонъ былъ посаженъ въ вагоны съ особыми предосторожностями.

Надо было быть тогда на той загородней платформѣ, гдѣ происходила посадка и слышать всю ту ругань, что неслась изъ вагоновъ по адресу строевого начальства части, чтобы понять, какъ была развращена та часть, благодаря бездѣйствію такъ любившаго звонки генерала и подчиненныхъ ему лицъ.

О поведеніи эшелона жандармской желѣзнодорожной полиціей былъ тогда же составленъ соотвѣтствующій протоколъ.

Но за всю мою службу въ Кіевѣ это былъ единственный случай революціоннаго проявленія въ войскахъ. Въ общемъ же, войска округа не были затронуты революціонной пропагандой. Настроеніе по поводу войны было самое крѣпкое, хотя война, какъ происходившая очень далеко, была непопулярна и непонятна. Шли на войну безъ энтузіазма, но съ полнымъ спокойствіемъ и съ готовностью жертвовать собою за интересы родины. Такое спокойное, но крѣпкое настроеніе видѣлъ я воочию у частей Кіевскаго Округа, собранныхъ зимою, близъ станціи Жмеринка для полученія благословенія отъ Государя Императора.

Я получилъ телеграмму отъ Директора принять всѣ необходимыя мѣры охраны ввиду предстоящаго пріѣзда туда Государя, но условія мѣстности были таковы, что принимать почти ничего не пришлось, т. к. смотръ войскамъ долженъ былъ произойти въ сторонѣ отъ населеннаго пункта, на полѣ.

Стоялъ вѣтреныи морозный день. На полѣ построились уходившія на войну части. По пути слѣдованія Государя небольшая пестрая толпа евреевъ — старыхъ, молодыхъ и ребятишекъ. Вотъ подошелъ Императорскій поѣздъ, и Государь, сѣвъ на коня, прослѣдовалъ къ войскамъ въ сопровожденіи Великаго Князя Михаила

Александровича, Военнаго Министра, Командующаго Войсками Округа и свиты. Холодъ былъ настолько нестерпимъ, что съ Великимъ Княземъ сдѣлалось дурно.

Объѣхавъ войска, Государь сталъ бесѣдовать съ каждой частью и благословлять каждую часть образомъ. Простое, но сильное по смыслу напутственное слово Государя, видимо, очень дѣйствовало на солдатъ и трогало ихъ. Пропустивъ затѣмъ части мимо себя, Государь отбылъ, провожаемый восторженнымъ «ура» войскъ. Кричала и толпа захоластнаго еврейскаго мѣстечка, текли слезы у старыхъ ветхозавѣтныхъ въ длинныхъ одеждахъ евреевъ, порывалась бѣжать за Государемъ завернутая въ платки дѣтвора, но застывала отъ грознаго взгляда урядника.

Государь долго и какъ всегда милостиво бесѣдовалъ на перонѣ съ командующимъ войсками Сухомлиновымъ, котораго онъ очень любилъ, считая его однимъ изъ выдающихся нашихъ военныхъ стратеговъ. А немного позже нашъ генераль-губернаторъ Клейгельсъ, приглашенный въ поѣздъ къ завтраку, разсмѣшилъ Его Величество разговоромъ про необыкновенныя по величинѣ груши, культуры которыхъ онъ добился у себя въ имѣніи, что генераль Сахаровъ сравнилъ съ классической развѣсистой клюквой. Въ общемъ всѣ наши мѣстные остались, какъ всегда, очарованы Государемъ и вспоминали затѣмъ каждое его слово, ласковый взглядъ и добрую, слегка ироническую улыбку.

Вскорѣ послѣ саперной исторіи, въ виду тяжелаго состоянія моего здоровья, меня освободили отъ должности начальника охраннаго отдѣленія, и я разстался съ розыскомъ навсегда. Генераль Треповъ прислалъ изъ Петербурга своего штабъ-офицера сказать, чтобы я не беспокоился о будущемъ, что онъ меня устроитъ. Офицеры Кіевскаго управленія поднесли мнѣ на память о совмѣстной службѣ свой жетонъ, мое же родное отдѣленіе благословило меня образомъ. Къ осени я сталъ кое-какъ вставать и, наконецъ, настолько оправился, что меня смогли увезти въ Швейцарію, откуда мы съ женой проѣхали въ Ментону, гдѣ я уже и долечился окончательно.

Кто же въ меня стрѣлялъ? Стрѣлялъ все тотъ же Руденко. Снабженный Кіевской большевицкой группой всѣми средствами, онъ выполнилъ порученное ему дѣло и скрылся изъ города. Три дня пьянствовалъ онъ на Трухановомъ островѣ, послѣ покушенія, пропилъ выданныя ему деньги и черезъ мѣсяцъ былъ арестованъ отдѣленіемъ въ Бѣлой Церкви на вокзалѣ.

На первомъ же допросѣ онъ показалъ, что долженъ былъ убить меня еще раньше, на томъ свиданіи, про которое я рассказалъ уже, но не хватило духу. Не хватило духу стрѣлять и напрямки, когда встрѣтился со мною въ послѣдній разъ, почему и билъ въ спину. Позже, наканунѣ суда, въ тюрьмѣ у Руденко обнаружили бомбу. Онъ заявилъ, что долженъ былъ бросить ее во время засѣданія суда. Его сослали на шесть лѣтъ въ каторжныя работы.

Но были и еще лица, которыя пострадали отъ того кроваваго эпизода, пострадали жестоко, хотя и являлись совершенно неповинными въ немъ. То была моя жена и наши дѣти. Онѣмѣвшая отъ ужаса смотрѣла она, окруженная дѣтьми, на происшедшую за окномъ драму. Пережитое ею тогда потрясеніе было такъ велико и ужасно, что она заболѣла тяжелой психической болѣзнью, отъ которой ей не суждено было оправиться. Она явилась искупительной жертвой въ борьбѣ закона съ демагогіей. А дѣти? А дѣти сперва имѣли около себя больную «маму», не понимая ея странныхъ поступковъ, а затѣмъ и совсѣмъ утратили ее. Потеряли самое лучшее, самое дорогое, что есть на свѣтѣ, чего никто и никогда не можетъ замѣнить — потеряли мать.